

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.

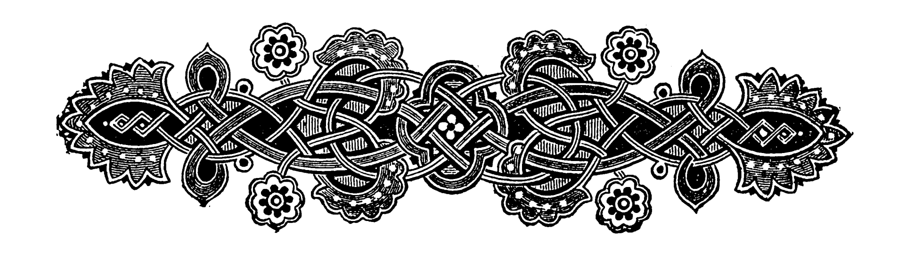
НЕ ВЫТАНЦОВАЛОСЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Изъ записокъ о послѣднемъ изъ рода гетманскихъ потомковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій пр., № 136—138.
1893.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій.

Изъ Петербурга въ Малороссію, на родное пепелище предковъ, ѣхалъ двадцати-девяти-лѣтній статскій совѣтникъ, Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, единственный потомокъ знаменитаго гетманскаго рода. Въ его черныхъ блестящихъ глазахъ, черныхъ густыхъ бровяхъ и рослом, плечистомъ станѣ, какъ и въ походкѣ нѣсколько лѣнивой и вялой, легко виднѣлись черты, общія его родичамъ; но современность наложила на него иной, свой отпечатокъ, во всемъ, отъ аккуратно-приличнаго характера до страсти къ блеску и слѣпой вѣры въ общую многимъ, какую-то небывалую, сказочно-громкую карьеру.

Его мечты вертѣлись на одномъ: онъ хотѣлъ во что бы то ни стало разбогатѣть, разбогатѣть неслыханно, какъ богатѣютъ откупщики, архитекторы, ловкіе командиры отдѣльныхъ частей и десятки другихъ избранниковъ. Съ первыхъ юношескихъ лѣтъ, богатство рисовалось ему въ манящихъ, волшебныхъ грезахъ, и всѣ дороги вели къ нему. Дѣтскіе сны осыпали его дождемъ алмазовъ и жемчуговъ; юношескія мечты водили его по палатамъ, полнымъ бархатовъ и шелковъ, вкусныхъ блюдъ и толпы разодѣтой прислуги, хорошенькихъ женщинъ и темныхъ, благоуханныхъ комнатъ; первые зрѣлые годы представили ему уже прямо выразительную картину кучекъ ассигнацій и очищенныхъ новой чеканки червонцевъ, по тысячамъ, десяткамъ и сотнямъ тысячъ въ каждой кучѣ. Всѣ пути избирались къ этому. Какъ Магометъ мечталъ еще ре-

бенкомъ о преобразованіяхъ міра, Иванъ Ильичъ спалъ и видѣлъ себя во снѣ богачемъ изъ богачей.—Въ дѣйствительности же, мальчикъ Ваня былъ сынъ обѣднѣвшаго украинскаго панка изъ родовитыхъ, въ десять лѣтъ уже круглый сирота, безъ отца и матери. Правда, у него была бабка, знаменитая и потѣшная старушка, жена генералъ-аншефа, временъ Екатерины, полная старинныхъ причудъ и владѣтельница единственнаго, послѣдняго достоянія гетмановъ Говоруха-Щебетковскихъ, которымъ приходилась наслѣдницей по женской сторонѣ, именно маленькаго хутора на Деснѣ, Калиновый-Овражокъ. Здѣсь она, въ старинной гетманской резиденціи, среди дубовыхъ рощъ и вишневыхъ садовъ, проживала свой вѣкъ. Сюда взяла сиротой Ванюшу, когда онъ остался одинъ, какъ перстъ, въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ въ одинъ мѣсяцъ умерли его отецъ и мать, продержала его года три у себя и черезъ какого то оригинала, изъ петербургскихъ мистиковъ и массоновъ, пріятеля и сослуживца своего покойнаго мужа, втесала внука въ ученіе въ первое аристократическое училище, съ какихъ поръ ея внукъ и сталъ уже окончательно жить на счетъ бабушки.

Это былъ лицей. Шумная царскосельская школа, паркеты и зеркала, французская болтовня веселыхъ и нарядныхъ гувернеровъ, товарищи аристократы, сыновья все генераловъ, да графовъ, близость столицы, садовъ и палатъ царскихъ, у самыхъ оконъ, все это питало грезы ребенка. Золотой паукъ плелъ неусыпно золотую паутину. — Чернобровый Ваня тихо бѣгаетъ въ чистенькой форменной курточкѣ. Товарищи его зовутъ хохленкомъ, онъ имъ на это улыбается. Наука плохо дается ему. За то, учитель собирается поставить нуль; онъ расплачется, и ему ставятъ снисходительный баллъ. Надулся директоръ; Ваня приводитъ свой рабочій книжный ящикъ по чистотѣ въ положеніе уѣздной улицы, въ день проѣзда черезъ нее губернатора, а директоръ гладитъ его по головѣ Но проходитъ мѣсяцъ, два, цѣлый годъ—близки экзамены. Какъ тутъ быть? Аккуратный Ванюша ходитъ по цѣлымъ днямъ и думаетъ, какъ ему вывернуться, и надумалъ. Изо всѣхъ предметовъ, утащены въ рукавъ билеты и предварительно заучены; ими ловко замѣнены, у публичнаго стола, билеты, вынутые по жребію; и весь экзаменъ сданъ такъ превосходно, что ахнули и учителя и ученики.—Оставался годъ до выпуска. Толкуя о своей бѣдности, Ванюша льстилъ богатымъ товарищамъ, ѣлъ ихъ конфекты, сидѣлъ по праздникамъ въ ихъ ложахъ въ театрѣ и, щепетильно причесанный, ходилъ тихонько по комнатамъ ихъ домовъ, заглядывая въ каждое зеркало и въ каждый ящикъ столовъ, а на бѣдныхъ фискалилъ тайкомъ начальству. Въ началѣ послѣдняго года онъ сталъ вторымъ по списку въ классѣ. Первымъ былъ нѣкто Гальтербергъ. Однажды весь классъ старшихъ рѣшился проучить за дерзости грубаго и

тупоумнаго учителя математики и положилъ единогласно не только не выучить заданной лекціи но и вовсѣ съ нимъ не говорить. Всѣ шумно и весело ожидали его прихода. Учитель вышелъ; мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ. «Ну, щелкоперы!—началъ учитель: — что я задавалъ»? — Молчатъ. Онъ опять; снова молчаніе. Онъ по списку вызываетъ; сидятъ, какъ въ ротъ воды набрали. Учитель въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ класса. Явились надзиратели и директоръ. Послѣдній самъ взялъ списокъ учениковъ и началъ вызывать изъ шалуновъ болѣе извѣстныхъ. Всѣ промолчали снова. «Что-же, это бунтъ»? закричалъ генералъ. Впереди всѣхъ, блѣдный, какъ полотно, стоялъ Говоруха-Щебетковскій, съ потупленными глазами. «И вы, Щебетковскій, не знаете урока»? спросилъ директоръ. «Я знаю»! отвѣтилъ чуть слышно Щебетковскій: «я не зналъ, что такъ положено классомъ, и выучилъ»!—«Да; то есть, вы по доброй волѣ выучили и только скромничаете! Вы на нихъ не похожи! Говорите урокъ»... Щебетковскій сказалъ безъ запинки. Его тутъ же отличили. Гальтербергъ смѣненъ изъ первыхъ въ послѣдніе, Щебетковскій внесенъ въ списокъ, а весь классъ оставленъ на недѣлю на хлѣбъ и на воду, кромѣ, разумѣется, новаго перваго ученика, которому на это время предоставленъ столъ директора. Товарищи отъ него отвернулись. Имя предателя заклеймило его школьную репутацію! Приблизились новые экзамены. Никто не хотѣлъ ему показать трудныхъ задачъ и объяснить темныхъ мѣстъ разныхъ предметовъ. Щебетковскій укрылся въ себя и выкинулъ небывалую штуку, которая открылась поздно только, впослѣдствіи, и безвредно для него. На послѣднемъ экзаменѣ отвѣчали по печатной программѣ, причемъ ученики вынимали только по жребію номеръ извѣстнаго билета программы. Всѣ поэтому подходили къ столу съ программой, брали номеръ билета, экзаменаторъ вносилъ номеръ въ особый списокъ для памяти, а ученикъ, пока предыдущіе отвѣчали, садился съ программой обдумывать отвѣтъ къ сторонѣ, на особый стулъ. Щебетковскій въ три ночи взялъ и написалъ между строками своихъ программъ мельчайшими буквами отвѣты на всѣ вопросы; смѣло потомъ выходилъ къ столу, смѣло вынималъ номера билетовъ, садился къ сторонѣ и въ три-четыре минуты схватывалъ на-лету вкратцѣ главныя статьи вписаннаго въ программу отвѣта. Онъ кончилъ курсъ и первымъ по поведенію, и первымъ по ученію. Имя Ивана Говоруха-Щебетковскаго внесено, сверхъ того, золотыми буквами на мраморную доску училища. Онъ выпущенъ съ правомъ на чинъ девятаго класса. Двери лучшаго министерства открылись ему, и завидная репутація дѣльнаго, толковитаго и надежнаго малаго сопровождала его изъ тихой школы по гранитнымъ ступенямъ квартиры министра и оттуда въ канцелярію.

Здѣсь Щебетковскій явился въ новомъ свѣтѣ. Въ школѣ

онъ твердилъ о своей бѣдности; здѣсь, на первыхъ же порахъ намекнулъ, что отъ службы онъ ждетъ малаго. именно однихъ почестей, а что у него есть свое состояніе въ Малороссіи, гдѣ ждетъ его такое-то и такое наслѣдство отъ бабушки. Имя Малороссіи и бабушки-хуторянки, да еще генеральши, особенно обворожительно подѣйствовало на его ближайшаго начальника, директора департамента, который былъ также малороссъ, хотя изъ духовенства, имѣлъ плотный, жирный затылокъ, говорилъ въ носъ и былъ страшно скупъ. У директора было три дочки, застарѣлыя дѣвицы, поэтому онъ тотчасъ возымѣлъ виды на Щебетковскаго.—«Такъ у васъ, батенька, и хуторокъ есть, и бабушка богатенькая?»—«Есть, ваше превосходительство!»—«Ну, какъ-же тамъ? И ставокъ, и млинокъ, и вишневенькій садокъ?»—«И ставокъ, ваше превосходительство, и млинокъ, и садокъ»...—«Эхъ, давно я не былъ въ Малороссіи! Славная, славная земелька! И имѣнія, я думаю, стали еще богаче!»—«Какъ-же! Вотъ нашъ хуторъ прежде давалъ бабушкѣ всего тысячу, а теперь десять тысячъ дохода!»—«Генеральское жалованье!» замѣчалъ со вздохомъ директоръ департамента, потирая затылокъ. Щебетковскій тотчасъ сталъ вхожъ къ нему въ домъ. Директоръ освѣдомился въ его формулярѣ, и точно—тамъ стояло: имѣется объявленнаго наслѣдства отъ родной бабки, при хуторѣ Калиновый-Овражокъ, 22 души крестьянъ и 206 десятинъ земли. На службу Щебетковскій сталъ являться аккуратно, ранѣе прочихъ приходить, позднѣе всѣхъ уходить и еще брать кипы дѣлъ на домъ. Черезъ годъ онъ утвержденъ въ чинѣ девятаго класса; черезъ два полученъ новый чинъ, черезъ три еще новый. На Иванѣ Ильичѣ голландское бѣлье, лаковые сапоги, золотая цѣпочка и пальто съ бобромъ. Это, впрочемъ, остатки отъ жалованья. Онъ живетъ въ бѣдной комнаткѣ, на четвертомъ этажѣ. За то директоръ имъ не нахвалится и прочитъ его изъ столоначальниковъ въ начальники отдѣленія. «А что, какъ вы думаете, господа,—спрашиваетъ Щебетковскій своихъ подчиненныхъ, кривыхъ и хромыхъ писцовъ, сѣдовласыхъ старцевъ, знающихъ насквозь дѣла директора:—много нажилъ нашъ генералъ?»—«Да тысяченокъ сто серебрецомъ есть!» отвѣчаютъ тѣ, ухмыляя небритыя рожи. «Дѣльно!—думаетъ Щебетковскій:—пятьдесятъ тысячъ дастъ мнѣ, да еще въ добавокъ за дочкой дастъ казенную квартиру и вѣчное свое покровительство». И вышелъ торгъ. Онъ довелъ до того старика, что тотъ первый проговорился съ петербургской наивностью. «А что, Иванъ Ильичъ, ты уже пять лѣтъ ѣшь мой хлѣбъ-соль и вхожъ въ мою семью; женись на моей Машѣ... я дамъ тебѣ хорошее обезпеченіе!» Щебетковскій кинулся къ старику и поцѣловалъ его въ плечо и въ животъ. «Папенька, позвольте васъ такъ звать... я сирота... я давно влюбленъ въ вашу старшую дочь... Но, что-же вы дадите? Я не такъ богатъ, чтобы достойно ее содержать!»—

Директоръ оглянулся по комнатѣ. Они были одни. «Дамъ пятьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ!» — («Вѣрно расчелъ! Не дурно!» — подумалъ, мысленно улыбнувшись, Иванъ Ильичъ.) — «Покорно васъ благодарю; но мое положеніе по службѣ еще не довольно обезпечено!» смиренно отвѣтилъ Иванъ Ильичъ. Директоръ уставилъ въ него глаза, черезъ очки, и улыбнулся. «Чего-же тебѣ нужно?» — «Я желалъ бы быть начальникомъ отдѣленія, ваше превосходительство». — «Изволь, я объ этомъ давно думалъ, и создаю для тебя особое отдѣленіе!» — И дѣйствительно черезъ три года министръ утвердилъ штатъ новаго отдѣленія. Щебетковскій получилъ мѣсто начальника отдѣленія и новую квартиру изъ пяти комнатъ маленькихъ отдѣльныхъ квартиръ, откуда услужливый архитекторъ предварительно выгналъ четыре семьи бѣдныхъ писцовъ и инвалида министерскаго швейцара. Щебетковскій сталъ уже на ноги жениха и даже началъ оклеивать квартиру свою любимыми масаковыми, подъ бронзу, обоями, по вкусу директорской дочки, барышни вообще золотушной, съ подслѣповатыми глазами и съ широчайшимъ, всегда распухшимъ носомъ. Онъ уже имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; сторожа по ошибкѣ звали его уже превосходительствомъ, а чиновники-товарищи видѣли въ немъ близкаго министерскаго временщика. Все передъ нимъ улыбалось, но въ душѣ трепетало. Онъ былъ вхожъ къ самому министру, и, признаться надо, самъ директоръ департамента, его нареченный тесть, потрухивалъ его вліянія на старика министра и говорилъ въ шутку: «Смотри, Иванъ Ильичъ, ты уже очень тянешь; еще не обойди меня и самъ на мое мѣсто не сядь!» — «Вотъ еще вздумали, ваше превосходительство; ходите-ка лучше съ червей (это было за обычнымъ преферансикомъ послѣ обѣда) — а то еще проиграетесь! Минетъ постъ, и мы сыграемъ свадьбу; отъ бабушки еще нѣтъ разрѣшенія! А кстати, говорятъ, къ пасхѣ наградъ не будетъ. .» Тѣмъ разговоръ, пока, и кончался. На страстной недѣлѣ нежданный ударъ поразилъ все министерство: заслуженный директоръ и негласно нареченный тесть Щебетковскаго умеръ отъ удара. Щебетковскій — какъ отрѣзалъ: съ того же дня пересталъ бывать въ семьѣ покойника. Если онъ не получилъ пятидесяти тысячъ, за то остался съ казенной квартирой въ пять комнатъ и начальникомъ отдѣленія. Въ его головѣ уже зрѣлъ новый планъ: получить доходное мѣсто въ провинціи. Для этого онъ успѣлъ перейти въ томъ же департаментѣ въ отдѣленіе распорядительное, откуда легко получались хлѣбныя мѣста въ губерніяхъ. Какъ явился изъ посторонняго министерства новый директоръ департамента, чиновникъ дотолѣ небывалый: на видъ лѣнивый и неаккуратный, явно смѣявшійся надъ формальностями, полный и румяный, съ круглымъ, здоровымъ лицомъ, опушеннымъ бакенбардами такой величины, что они напоминали разомъ и запретные усы, и недозволенную бороду,

веселый, толстый хохотунъ, вѣжливый съ подчиненными, ровный и спокойный со старшими, и съ языкомъ, острымъ, какъ бритва; когда его круглое, мягкое тѣло, съ румяными щеками и чудовищными бакенами, вваливалось въ департаментскія комнаты,—повѣяло на всѣхъ чѣмъ-то неожиданнымъ. Все мигомъ ожило. Молодежь подняла головы и стала работать вдесятеро противъ прежняго. Старики и консерваторы надулись и стали шептаться. «Господа, что вы шепчетесь?—крикнулъ весело изъ присутствія новый директоръ:—можете говорить громко, если нечего дѣлать и хотите отдохнуть». Говорятъ, что въ комнатахъ, близкихъ съ присутственными, даже стали запросто курить у новаго директора. «Сигара работы не испортитъ,—говорилъ онъ:—лишь бы не подожгла бумаги; а голова свѣжѣе, и домой не тянетъ ранѣе». Щебетковскій тотчасъ понялъ вѣяніе новаго духа и сталъ въ числѣ либераловъ и жаркихъ хвалителей новаго директора. Но онъ ошибся. Либо чутье уже у такихъ новыхъ начальниковъ тоньше само по себѣ, либо на него донесли, только нежданно, среди самыхъ очаровательныхъ его надеждъ, произошла такая сцена.

Былъ докладъ у министра. Старикъ-министръ, застегнутый на всѣ пуговицы и въ звѣздахъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, обложенный подушками, и слушалъ докладъ директоровъ и начальниковъ отдѣленій. Дошла очередь до Щебетковскаго. Звонкимъ, дипломатически-точнымъ голосомъ сталъ онъ читать проекты отношеній, смѣтъ, наградъ, поощреній, отвѣтовъ и выговоровъ, по своему вѣдомству. Новый директоръ, его начальникъ, сидѣлъ противъ него, рядомъ съ министромъ, съ которымъ очевидно былъ на короткой ногѣ любимаго и приближеннѣйшаго человѣка, и изрѣдка шептался съ нимъ, не спуская глазъ съ Щебетковскаго. «Хорошо, хорошо; на это все, я думаю, можно согласиться!» перебивалъ онъ изрѣдка. Щебетковскій торжествовалъ. Оконча чтеніе, онъ уже принимался подвигать бумаги къ министру. Вдругъ его директоръ остановилъ.

— Позвольте...

— Что угодно вашему превосходительству?

— Скажите мнѣ откровенно, у васъ нѣтъ въ виду другаго мѣста службы?

— Какъ такъ-съ?

— Вы не можете себѣ сыскать другаго мѣста службы?

Щебетковскій обомлѣлъ.

— Я не понимаю вашего превосходительства... Чѣмъ я могъ васъ прогнѣвить?

Директоръ опять нагнулся къ уху министра и что-то ему шепнулъ.

— Я слышалъ,—началъ директоръ вслухъ: — что вы бросили свою невѣсту, дочь моего предшественника. Цѣною ея руки вы получили отъ него настоящую свою должность. Но

это бы еще ничего. Вы раздумали. Да зачѣмъ же вы другихъ совращаете? Я имѣю вѣрныя данныя, что вы пускали въ ходъ подкупъ, чтобы получить мѣсто предсѣдателя палаты въ губерніи...

— Это клевета, ваше превосходительство! — залепеталъ Щебетковскій:—меня обнесли враги...

Произошла тяжелая, невыразимая сцена. Министръ, осторожный, какъ всѣ старики, принялъ по виду сторону гонимаго. Щебетковскаго на время удалили отъ должности и причислили къ министерству сверхштатнымъ. Обстоятельства его еще могли бы поправиться, но неумолимая судьба подсѣкла его служебную карьеру окончательно. Онъ вздумалъ пойти съ своимъ бойкимъ врагомъ на хитрости, укротить его смиреніемъ. застегнулся съ низу до верху, взялъ портфель подъ мышку и пошелъ къ нему на квартиру.

— Что вамъ угодно?—спросилъ рѣзко директоръ, вставая ему на встрѣчу съ дивана, на которомъ онъ сидѣлъ въ одной рубашкѣ, среди кучи газетъ и журналовъ.

— Ваше превосходительство!

— Ну, что-же вамъ нужно? Говорите безъ околичностей.

— Помилуйте, что вы со мной сдѣлали?

— Ну?

— Помилуйте, вы погубили мою репутацію!

— Такъ что-же? Я не желаю служить съ людьми, подобными вамъ!

— Это бы еще ничего. Но вы изволили меня при министрѣ чуть не подлецомъ назвать, въ подкупѣ стали уличать...

— Что-же? Вамъ угодно стрѣляться?—замѣтилъ директоръ, потирая руки и косясь на свою волосатую, распахнутую грудь: — извините, что я васъ такъ принимаю! Но я сію минуту буду готовъ...

— Ваше превосходительство шутить изволите, не въ дуэли дѣло!

— Что же вамъ нужно отъ меня? Я васъ не понимаю...

— Я бы умолялъ, ваше превосходительство, снять съ меня этотъ позоръ касательно подкупа и дозволить мнѣ остаться служить... я вѣкъ стану Бога за васъ молить!

— Безчестный человѣкъ! — сказалъ на это почти вслухъ директоръ, вспыхнувши и смѣривши его глазами съ ногъ до головы: — извините, я не могу исполнить вашей просьбы! — прибавилъ онъ, подумавши и переведя духъ.

И, хлопнувши дверью, ушелъ во внутреннія комнаты

Гроза пролетѣла надъ головой Щебетковскаго; но онъ скоро оправился. Двѣ недѣли министръ ожидалъ его отставки. Щебетковскій просто сказывался больнымъ и не ходилъ на службу, но появлялся вездѣ въ обществѣ.

— Что вы, Иванъ Ильичъ, бросаете службу?—спрашивали его.

— Да, на время. Я получилъ письмо о смерти бабки и ѣду домой, въ Малороссію, принять имѣніе и устроить дѣла. Да и здоровье улучшить немного.

— А позвольте узнать, какъ велико наслѣдство вамъ достается?

Щебетковскій лукаво улыбался.

— О! имѣніе небольшое, да мѣста за то дорогія! Извѣстно: Украйна—золотое дно, житница Россіи!

— Да, какъ бы не такъ!—думали знакомые: — знаемъ мы тебя! Я думаю, бабка то милліонерша умерла, и ты изъ-за пустяковъ не бросилъ бы такой карьеры!

Одного боялся Иванъ Ильичъ, что грозный гонитель его, директоръ, разскажетъ въ департаментѣ и вездѣ его свиданіе съ нимъ и унизительную просьбу его о прощеніи и мировой. Онъ для этого даже пустился на тайныя развѣдки. Но вспыльчивый и прямодушный начальникъ его былъ по преимуществу лѣнтяй и давно забылъ о Щебетковскомъ. — «Хорошо же,—подумалъ Иванъ Ильичъ: — оно теперь вполнѣ кстати: бабушка умерла хотя не теперь, хотя уже семь мѣсяцевъ назадъ, но все-таки предлогъ не потерянъ. Я ѣду домой,—ѣду съ шикомъ. Одна льдина подломилась, перескочимъ на другую. Переждемъ времячко, годъ-другой, хотя бы и три года. Если тамъ не удастся, воротимся опять въ Петербургъ: чинъ мой откроетъ всегда и потомъ дорогу. А между тѣмъ тутъ все перемелется, мука будетъ. А родина моя—еще непочатой край...»

И такимъ образомъ Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій пустился на родину.—Гардеробъ его мгновенно увиличился значительнымъ запасомъ бѣлья и платья самой послѣдней моды и степеннаго достоинства. Англоманъ по привычкамъ и стремленіямъ и петербургскій нѣмецъ по аккуратности и разсчетливости, онъ ѣхалъ безъ слуги. Здѣсь еще былъ разсчетъ на лучшее укрытіе отъ постоянныхъ развѣдокъ о своемъ прошломъ, для чего онъ еще и въ Петербургѣ постоянно мѣнялъ наемную прислугу. Чемоданъ, полный бѣлья и платья, и ящикъ полный книгъ и комнатныхъ бездѣлушекъ, составляли его дорожную поклажу.

На желѣзной дорогѣ онъ явился аристократомъ по преимуществу, велъ себя степенно и съ выдержкой, куря на станціяхъ первѣйшія сигары и едва перегибая голову черезъ край длинныхъ и туго-накрахмаленныхъ воротничковъ. Съ сосѣдомъ по вагону онъ едва завелъ короткій разговоръ сперва по англійски, потомъ по французски. Языки ему дались. Разговоръ вертѣлся о послѣднихъ новостяхъ заграничной политики и петербургской высшей администраціи. Сосѣдъ съ благоговѣніемъ подумалъ: «Вѣроятно дипломатъ!»

Въ Москвѣ Щебетковскій остановился въ самомъ темнѣйшемъ номерѣ темнѣйшей гостинницы, но посрединѣ города,

и тотчасъ сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній. Онъ посѣтилъ семью одного извѣстнаго и всѣми уважаемаго славянофильскаго семейства, прокравшись туда черезъ какое-то посредство и явилъ себя опальнымъ добровольнымъ изгнанникомъ Петербурга и поэтому бранителемъ сѣвернаго нерусскаго чиновничества. Тутъ же онъ, на многолюдномъ вечерѣ, въ кругу задушевнаго чайнаго присѣста, намекнулъ, что происходитъ отъ древней украинской фамиліи, служитъ единственнымъ представителемъ вымершаго гетманскаго рода, прогремѣвшаго въ исторіи послѣднихъ дней независимой Малороссіи, сказалъ, что ѣдетъ заниматься украинской стариной, предпринимаетъ строго-обдуманное путешествіе по ея степямъ и старозаимочнымъ историческимъ захолустьямъ.—Хозяева съ торжественнымъ почтеніемъ глядѣли на него, осыпая его прямодушными разспросами о любопытнѣйшихъ особенностяхъ его родины; а два маленькихъ студента, бывшіе на томъ вечерѣ и нарочно приглашенные заранѣе взглянуть на дорогаго гостя, ихъ земляка, выйдя съ вечера на улицу, далеко за полночь, бросились у воротъ другъ къ другу въ объятія и рѣшили, что это навѣрное эмиссаръ таинственнаго общества «Украинскій Разсвѣтъ», о которомъ тогда ходили разнорѣчивые толки, и, придя домой, каждый написалъ на родномъ нарѣчіи стихи, впрочемъ жалкое подражаніе любимому народному поэту. — Иванъ Ильичъ на другой день посѣтилъ издателя одного московскаго журнала, которому тоже сказалъ, что бросилъ нѣмецкій городъ, что представляетъ послѣднюю отрасль извѣстнаго гетманскаго рода и ѣдетъ путешествовать и жить на югѣ. Старый журналистъ, услыша еще отъ лакея историческое имя Говорухи-Щебетковскаго, даже привскочилъ на стулѣ: такъ оно подѣйствовало на него, среди его книжныхъ занятій, «А, гетманецъ, гетманецъ! милости просимъ! садитесь! Вы—потомокъ Павла Говорухи-Щебетченка, или Щебетковскаго, какъ его зовутъ впослѣдствіи?»—«Точно такъ!»—И разговоръ оживился.—«Вы богаты? спросилъ неожиданно практическій журналистъ.—«Нѣтъ; у меня только маленькій хуторъ на Деснѣ. — «Не Калиновый ли Овражокъ?»—«Да-съ».—«Чѣмъ же вы будете жить? фабрику думаете открыть? это теперь въ модѣ!»—«Нѣтъ я думаю изучать старину...» Журналистъ улыбнулся и болѣе ничего не говорилъ. Ему нечего было извлекать изъ личности гостя. Гость для него былъ романтикъ, и онъ его проводилъ одними напутствіями: «работайте: это — жизнь души и слава человѣчества!»—Иванъ Ильичъ остался недовольнымъ первымъ посѣщеніемъ журналиста. За то на имянинномъ литературномъ вечерѣ у него, дней черезъ пять, онъ встрѣтилъ, вмѣсто литераторовъ, большое число людей практическихъ перваго свойства: баснословныхъ откупщиковъ, суконныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ громаднаго богатства и чайныхъ торговцевъ, монополистовъ отмѣннѣйшей сноровки, выдержки и гордости.

Все это шутило, разсматривало древніе рисунки и книги и толковало о литературѣ и торговлѣ. Щебетковскій котораго хозяинъ представилъ, сказавши: «Господа забѣсованный украинецъ и добрый человѣкъ!»—подсѣлъ къ толкующимъ о торговлѣ и извлекъ много-много поучительнаго. Одинъ гость даже чуть было не сманилъ его въ одно денежное предпріятіе, толкуя все, что ему, какъ и его товарищамъ нужны люди свѣтскіе современные и горячіе. Предпріятіе обѣщало неслыханные барыши по одному дѣлу въ пограничной намъ странѣ въ Азіи. Но Щебетковскій вѣжливо уклонился подъ видомъ неопытности и подумалъ: «Нѣтъ, лучше попытаемся въ Малороссіи». Зато въ одинъ вечеръ онъ до точности увидѣлъ бездну путей, которыми съ разныхъ концовъ двигались въ то время колоніи смѣлыхъ и ловкихъ бойцовъ, положившихъ себѣ завоевать обѣтованную страну богатства, какого бы то ни было рода.— Наконецъ Иванъ Ильичъ даже посѣтилъ въ Москвѣ одну заслуженную вельможную личность, жившую тогда въ тишинѣ; явился къ тому лицу отрекомендовавшись просто: «статскій совѣтникъ Щебетковскій, проѣздомъ изъ Петербурга въ Малороссію!»—просидѣлъ у него часа два, польстилъ ему двумятремя словами, наглядѣлся на его львиную серебристую голову и отвислыя, старческія губы, благосклонно улыбавшіяся ему, и потомъ самъ не могъ рѣшить, зачѣмъ онъ туда заѣзжалъ.

Наконецъ, взято мѣсто въ каретѣ маль-постъ. Иванъ Ильичъ взглянулъ въ бумажникъ—издержано всего сорокъ пять цѣлковыхъ. Отлично; а между тѣмъ, многое увидѣно и еще болѣе услышано. Карета покатилась по шоссе. На первой же станціи новое пальто спрятано и надѣто старое. Была весна. Прехорошенькая гувернантка, ѣхала съ нимъ въ одномъ отдѣленіи кареты. Ихъ было только двое. Но, узнавши изъ книги ѣздоковъ, кто она такая Щебетковскій не сдѣлалъ лишняго движенія во всю дорогу, не далъ воли ни языку, ни сердцу, чѣмъ бы непремѣнно воспользовался пылкій юноша его круга на его мѣстѣ. Гувернантка даже удивилась, даже обидѣлась и долго на послѣдней станціи, откуда уѣзжала въ сторону, оглядывала его съ холоднымъ презрѣніемъ съ ногъ до головы. А какіе вечера и ночи пролетѣли надъ ними. Воздухъ дышалъ почками березъ и липъ. Кони дружно несли громадную карету, и колеса глухо стучали по овлаженному шоссе. Вздыхала гувернантка, вздыхалъ и Щебетковскій. Болѣе и болѣе застилался для него туманомъ столичный міръ, Петербургъ, служебная дорога, отличія, шумная свѣтская жизнь, театры, повсюдный блескъ и движеніе, и надежды, надежды, разбитыя надежды на скорое достиженіе цѣли.. Онъ припалъ къ мягкой стѣнкѣ кареты, и она скоро смочилась потокомъ быстрыхъ и обильныхъ слезъ его. Все мелькнуло разомъ въ его умѣ и угасло навсегда. Онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, подавляя рыданія. Сосѣдка не услышала ни одного его вздоха. Недавній

позоръ прошибалъ его ознобомъ и дрожью.—«Нѣтъ, не воротиться мнѣ болѣе въ Петербургъ,—думалъ онъ:—этотъ человѣкъ не дастъ мнѣ нигдѣ потачки! А можетъ быть...» И онъ думалъ, думалъ. Утромъ онъ сидѣлъ по прежнему спокойный и румяный и, съ позволенія сосѣдки, курилъ въ окно отличную сигару.

Шоссе смѣнилось обыкновенною большою дорогой. Послѣдняя свернула вправо. И вотъ, послѣ скучныхъ и избитыхъ, всѣмъ надоѣвшихъ картинъ почтовыхъ великорусскихъ путей, начались тихіе проселки лѣсной и холмистой, старосвѣтской Малороссіи, живописная глушь по Деснѣ и сѣверному Приднѣпровью.

Вотъ Глуховъ, вотъ Борзна, вотъ Батуринъ. Все имена славныя въ исторіи гетманщины. Еще два три переѣзда, и близка родина Хмѣльницкаго и Полуботка, Чигиринъ и Черкассы, Суботово и Корсунъ, откуда вышло столько буйныхъ силъ и молодецкихъ дѣлъ, откуда летѣли драться Чорнота и Ѳебаба, Кривоносъ и Колода, Нечай и Морозенко. Вотъ дебри и скалы, запечатлѣнныя особою святостью послѣднихъ битвъ казачества съ поляками. Тутъ разносился голосъ Богдана: «За вѣру, молодцы, за вѣру!» Здѣсь разбилъ онъ шляхту и взялъ богатый польскій лагерь съ тяжелыми рыдванами и панами, золочеными палатками и парчевыми постелями; а тамъ провозглашенъ онъ гетманомъ. Полупольская, полуукраинская лѣсная Малороссія еще красивѣе степной. Здѣсь—скалы и воды, лѣса на кручахъ; тамъ—ровная гладь и гладь, безъ конца и разновидностей. Степь утомляетъ. А тутъ выдаются такія мѣста, что удивляешься! неужели это Малороссія, а не чистая Швейцарія?

— Неужели это уже Малороссія?—думалъ и Щебетковскій въѣхавши въ границы своей родины, съ послѣднею поворот-кою отъ Брянска на Батуринъ и Козелецъ, когда въ его глазахъ мелькнулъ высокій, бѣлоскалистый берегъ Десны, и ежечасно въ сторонѣ отъ дороги виднѣлся ему то старый, полуразрушенный, каменный, длинный домъ, а кругомъ остатки рвовъ и насыпей, и сбоку вѣковая роща яворовъ, то надъ прибрежною высью бѣдная, старинной постройки, почернѣлая церковь и кругомъ камни убогихъ гробницъ съ прахомъ славныхъ дѣдовъ. У воротъ ветхой корчмы иногда встрѣчалъ его бѣлый каменный столбъ, а на немъ грубая насѣчка и надпись въ полупольскихъ, въ полуславянскихъ виршахъ. А невдалекѣ, подъ горою, лежало тихое, былое войсковое село. Но Иванъ Ильичъ, потомокъ одного изъ славныхъ гетмановъ, смотрѣлъ на все глазами чуждаго пришельца, и непонятны ему были эти живыя и бѣдныя письмена былыхъ судебъ его родины.

Онъ давно уже ѣхалъ на долгихъ, въ фургонѣ наемнаго жида, обязавшагося доставить на родной хуторъ его, мосци-

ваго пана, не болѣе, какъ на третій день отъ мѣста выѣзда. Но третій день оказался шестымъ. Иванъ Ильичъ бранилъ жида, но внутренно не жалѣлъ о медленности ѣзды. На послѣднемъ перевалѣ выкормили лошадей особенно старательно и разспросили въ точности о дорогѣ. Щебетковскій уѣхалъ отъ покойной бабки по девятому году и потому рѣшительно почти не помнилъ вида хутора и его окрестностей.

Фургонъ долго ѣхалъ дубовымъ лѣсомъ, по берегу какой-то незавидной, второстепенной рѣченки. Встрѣтилась корчма и одинокій колодезь. Потомъ еще лѣсъ и крутая поворотка вправо, въ гору, по изрытому дождями боку широкаго провалья. Лошади еще пробѣжали верстъ двадцать полемъ, между всходами свѣжихъ хлѣбовъ. Свернули на новый проселокъ; его пересѣкъ другой. Поѣхали еще правѣе. Пошелъ мелкій игольчатый терновникъ, кое-гдѣ перерѣзанный долинками и полянами, заросшими огромными лопухами и колючими лапчатыми будяками, чуть не въ ростъ человѣка. По мычанію коровъ, крикамъ собакъ и пѣтуховъ (время клонилось къ вечеру) Щебетковскій догадался, что близко долженъ быть поселокъ. Въ сторонѣ, на холмѣ, онъ увидѣлъ три мельницы и рощу стараго ракитника. Онъ узналъ родной хуторъ.—«Э! постой, постой!—держи лѣвѣе! должно быть тутъ!»—сказалъ онъ усталому возницѣ, неожиданно оживившись. Вскорѣ на окраинѣ поля показался рядъ дымовыхъ полосъ отъ трубъ, какъ рядъ лентъ, развѣянныхъ по тихому небу. Поселокъ былъ въ котловинѣ, за косогоромъ. Еще пробѣжали лошади, и зачернѣли верхи колодезныхъ журавлей, а тамъ выяснился и самый хуторъ, Калиновый-Овражокъ, по старинѣ, какъ былъ еще при прадѣдахъ Ивана Ильича, весь въ разсыпку по взгорью котловины, спадавшей къ Деснѣ, усѣвшись, какъ и куда попало: хата бокомъ, хата задомъ, хата угломъ и передомъ къ улицѣ, къ заборамъ, огородамъ и рѣчному, отвѣсному прибрежью. «Нѣтъ, отсюда не подъѣдешь!—сказалъ опять, еще болѣе вглядѣвшись въ окрестность, Щебетковскій:—держи назадъ и кругомъ, а я пойду прямо пѣшкомъ!»—И онъ выскочилъ изъ фургона, а возница поплелся въ объѣздъ.

Завидѣвши крышу стараго длиннаго дома, Иванъ Ильичъ пошелъ прямо на него полемъ. Но не прошелъ онъ и полъверсты, какъ дорогу ему загородили невиданной величины бурьяны, крапива, лопухи и всякая травная глушь такой величины, что онъ шелъ сперва, бодро продираясь сквозь нихъ, а потомъ окунулся въ странную, причудливую зелень, какъ въ лѣсъ, и потерялъ изъ виду хуторъ. Какъ сказочныя видѣнія, хватали его травы и кусты своими лапами, и онъ чуть не оставилъ на нихъ полы своего пальто и часовой цѣпочки. Опутанный ими, весь въ паутинѣ ихъ лиственныхъ паучковъ, вышелъ онъ наконецъ изъ ихъ прохладныхъ темныхъ впадинъ, и опять увидѣлъ хуторъ и домъ надъ садомъ. Надо бы-

до еще перейти черезъ оврагъ. Не съ распростертыми объятіями, не съ хлѣбомъ и солью встрѣчало новаго наслѣдника тихое родовое пепелище. Онъ скорѣе бралъ его приступомъ; пробравшись сквозь бурьяны, онъ едва-едва спустился въ глубокій, сырой оврагъ и, цѣпляясь за кусты, взобрался на его другую сторону. Тутъ уже онъ былъ съ боку барскаго сада. Стоило только повернуть за уголъ двора, къ воротамъ.

Онъ подошелъ къ обвалившимся каменнымъ столбамъ широкихъ воротъ. Огромный пустынный дворъ, заросшій густою свѣжею травой, замыкался со всѣхъ сторонъ либо кирпичнымъ же ветхимъ заборомъ, либо полуразрушенными каменными службами. Какъ разъ противъ воротъ обрисовался огромный, въ два яруса, каменный домъ, со множествомъ деревянныхъ пристроекъ и надстроекъ, стеклянныхъ крытыхъ переходовъ, трубъ съ желѣзными шапками и флюгерами и двумя рядами старыхъ, огромныхъ оконъ. Кирпичныя стѣны были изжелта зеленаго цвѣта, испятнанныя красными дождевыми проточинами съ крыши по бокамъ и обросшія кое-гдѣ мхомъ. Водосточныя трубы давно, очевидно, были засорены воробьями и ласточками, и въ нихъ на крышѣ обильно росли травы, а кое-гдѣ отъ случайно занесенныхъ сѣмянъ—и цѣлыя деревца березокъ и кленовъ, наслѣдія толпы величественныхъ деревьевъ того же имени, застилавшихъ со стороны сада своими царственными вершинами остатки гетманскаго дома. На гребнѣ крыши сидѣлъ павлинъ. Близъ кухни на ходу остановился старый ручной журавль, обративши голову къ воротамъ, куда входилъ неожиданный имъ гость. А весь домъ, пристройки, крыльца, трубы и два ряда оконъ блестѣли, обливаемые потоками вечерняго солнца, заходившаго за косогоръ, за сквозными столбами старыхъ воротъ.

Щебетковскій остановился. «Вотъ замокъ во вкусѣ Вальтеръ-Скотта. Я, право не ожидалъ!»—подумалъ онъ и не могъ ступить ни шагу, любуясь чудною картиною этого запустѣнія.

А на сѣромъ, дубовомъ крыльцѣ давно уже сидѣла, прислоня къ глазамъ ладонь отъ солнца и глядя на гостя, такая же сѣрая развалина, старая-престарая ключница Аграфена, былая фрейлина его бабки и послѣдняя подруга ея предсмертнаго одиночества. Она, да и не она одна, всѣ на хуторѣ и сосѣди ждали Ивана Ильича. Но они его ждали съ другою обстановкой—въ каретѣ шестерикомъ, съ лакеями, съ обозомъ и съ кухней, съ колоколами и бубенчиками, какъ ѣздили въ старину и какъ долженъ былъ ѣхать со службы изъ столицы молодой баринъ, чиновный и чуть не генералъ. Она не ожидала ни фургона жида, вскорѣ въѣхавшаго за нимъ во дворъ, ни его самаго пѣшкомъ. Когда онъ подошелъ къ дому и она встала съ крыльца и пошла ему навстрѣчу, съ перваго же раза узнала она въ его чертахъ черты знакомыя, ликъ предковъ, черные глаза и черныя густыя брови, но съ минуту еще

она смотрѣла на него, не рѣшаясь, за кого его признать, - за пана, за сгонщика изъ города или за слугу пана, и потомъ уже бросилась къ нему съ криками: «Панычъ, голубчикъ, соколикъ!»—цѣлуя ему руки и плечи. — «Такъ это ты, Аграфена!—«Я, панычъ-голубчикъ, я! Да какой же вы большой стали, да красивый!» — «А ты развѣ помнишь?»—«Я васъ вотъ какимъ еще выносила. А мало развѣ ваши ножки тутъ выбѣгали, когда жили у бабушки?» — «Ну, Аграфена, показывай же домъ. Я думаю, все погнило, и мнѣ негдѣ будетъ и пріютиться!»

Аграфена хватилась за карманы; потомъ, ковыляя, кинулась въ кухонку, родъ маленькой пристройки у каменнаго флигеля, близъ сада, гдѣ былъ ея пріютъ и куда вела протоптанная въ густой травѣ дорожка. Тутъ было оживленнѣе. Площадка у кухоннаго крылечка была расчищена; куры ходили подъ окнами и рылись въ землѣ. Выплеснутая съ крыльца вода означала хлопотливость. Бѣленькая кошечка, умываясь лапкой на призбѣ, подъ окномъ, прямо говорила: «гости — гости!» — Аграфена вбѣжала въ сѣни и скоро оттуда вышла, гремя связкой ключей, а въ темнотѣ сѣней за нею мелькнули двѣ чьи то головы и опять скрылись.

Жутко сжалось сердце Ивана Ильича, когда онъ вступилъ въ широкія и прохладныя сѣни нижняго яруса дома и пошелъ впереди Аграфены. Она разсказывала значеніе и исторію комнатъ, гдѣ смѣнилось столько поколѣній. Предокъ гетманъ не жилъ въ этомъ домѣ. На мѣстѣ каменнаго стоялъ прежде дубовый, съ частоколомъ и бойницами. Каменный построенъ уже позднѣе, его внукомъ, при Екатеринѣ. Здѣсь отцировало шумно богатое наслѣдіе храбраго гетмана. Вотъ нижній и верхній ярусы. Вотъ корридоры и лѣстницы. Залъ, съ круглыми зеркалами, въ рамахъ изъ бронзы и рѣзнаго дерева, съ точеными столиками на выгнутыхъ кривыхъ ножкахъ, съ тумбочками и люстрами, съ хорами, а на хорахъ пушечка и подставки для музыкантовъ. Гостинная съ огромнымъ диваномъ, опять съ зеркалами и старинными гравюрами, представлявшими сады и замки, горы и пастуховъ, воиновъ временъ Кромвеля и Костюшки, Ришелье и Колумба. Надъ диваномъ и по сторонамъ зеленыхъ изразцовыхъ печей—два ряда семейныхъ портретовъ въ позолоченыхъ почернѣлыхъ рамахъ.—Въ сумеркахъ ясно видѣнъ былъ на одномъ портретѣ толстый и чубатый гетманъ Говоруха-Щебетченко, въ красномъ жупанѣ, сѣдой и съ саблей на перевязи черезъ плечо. На другихъ—вельможная свита молодцоватыхъ потомковъ, въ мундирахъ и кафтанахъ, въ пудрѣ и эполетахъ, всякихъ видовъ и цвѣта. Полуистлѣвшіе ковры, буфеты, спальни вверху и спальни внизу съ штофными одѣялами и шкафами съ посудой. Въ верхней залѣ нѣсколько оконъ было растворено, по случаю отсутствія стеколъ. Звонкое восклицаніе раздалось,

при входѣ посѣтителей, подъ потолкомъ. Щебетковскій взглянулъ: тамъ носилась влетѣвшая на просторѣ ласточка. Гнѣздо крылатой семьи лѣпилось въ самомъ верху, подъ зеркаломъ; и маленькіе желтоватые носики глядѣли оттуда. Иванъ Ильичъ еще прошелъ рядъ комнатъ, сошелъ опять внизъ, поднялся наверхъ и, минуя тѣ же комнаты, уже тонувшія въ потемкахъ, вышелъ изъ верхней гостинной на крыльцо, почти висѣвшее на воздухѣ. Запахъ цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій охватилъ его, и чудный, старинный, заглохшій садъ, спадавшій къ Деснѣ темными. широко-вершинными уступами, какъ зелеными холмами, открылся передъ нимъ. Свѣжесть майской ночи неслась къ этимъ вершинамъ и устилала ихъ. Туманъ не заслонялъ вида за рѣкой,—и лѣса, и холмы боролись съ темнотой и послѣдними отблесками угасшей зари. На хуторѣ кое гдѣ раздавался лай собакъ и крики ребятишекъ. А въ концѣ сада, внизу, тамъ, гдѣ столѣтнія вербы скрывали рѣку плотину и мельницу, слегка отзываясь и какъ будто ворча, засыпала, еще перелетывая и тыкаясь носами въ вѣтвяхъ, громадная стая грачей, оснащавшихъ своими гнѣздами каждую верхушку.—«Просто Веверлей и Эме-Веръ»!—думалъ про себя Иванъ Ильичъ, стоя на балконѣ:—«экія мѣста! Шотландія, да и только. И я почти герой романа. Недостаетъ только привидѣній и красавицъ»!—Онъ стоялъ еще долго. Оглянулся—въ гостинной уже зажжены свѣчи, и на порогѣ стоятъ Аграфена и атаманъ, староста хутора.

— Ну, я вашъ панъ!—сказалъ Иванъ Ильичъ, садясь на диванъ и на скоро освѣдомясь о состояніи имѣнія:—смотри же, чтобъ, у васъ все шло въ порядкѣ, я вамъ не старая барыня.

Атаманъ все кланялся.

— Есть деньги въ экономіи?

— Какія у насъ деньги? Хлѣбъ не уродилъ, овцы падаютъ, а лѣсу никто не покупаетъ!

«Плохо же»!—подумалъ Иванъ Ильичъ:—«хорошо, что захватилъ малую толику изъ Петербурга,- надо этою статьею заняться»!—и отпустилъ атамана, объявя, что завтра займется осмотромъ амбаровъ, гумна, скота и всего хозяйства.

Аграфена поставила на столъ кое какую закуску и стала въ сторонѣ.

— Ну, какъ же тутъ вѣкъ коротаешь? Ты, кажется, и моею няней была?

— О, да и рада же, что я васъ дождалася! Скучно, совсѣмъ скучно безъ господъ. То еще при покойномъ старомъ баринѣ было весело и живо тутъ, слугъ пропасть было и гости наѣзжали: и при бабушкѣ вашей было ничего; все-таки хоть на кого покричитъ, выйдетъ на крыльцо, вся это въ бѣломъ и съ ключечкой такой, вишневой палкою; кого нибудь тутъ же и прибьетъ, и меня по щекамъ била до старости. А

то совсѣмъ скучно стало; точно вымерло все. Ни души иной разъ не видишь цѣлый день на дворѣ, пока не выйдешь на улицу.

— А мужъ у тебя есть?

— Былъ, Онисимъ Андреичъ, и еще какой мужъ, такого уже и не найдешь, хоть бы и хотѣла. Самъ пряжу прялъ, коровъ доилъ, за бабу шепталъ и дѣтей около роженицъ принималъ. Ну, сущая баба, только такой здоровенный, въ косовую сажень, а совсѣмъ кроткій, смирный. Даже серьги въ обоихъ ушахъ носилъ, по женскому. На немъ и все хозяйство лежало. А теперь плохо безъ него. Есть у меня и прислуга, по милости бабушки покойницы, и жалованье сто ассигнаціями при экономіи получаю, а все плохо безъ него.

— Такъ ты на жалованьи?.

— Какъ же, получаю выдаютъ...

— Гмъ! сто рублей однако!—повторилъ Иванъ Ильичъ и сдѣлалъ гримасу.—Гдѣ же ты мнѣ спать постелешь?—прибавилъ онъ.

— Пожалуйте сюда, въ диванную. Тутъ уже все готово...

На старомъ сафьяномъ диванѣ постлана была свѣжая, бѣлая постель. Оба чемодана съ бѣльемъ и платьемъ и съ книгами, стояли тутъ же, внесенные жидомъ-ямщикомъ, котораго уже разсчитали, и садовникомъ Селигонтомъ (онъ же кучеръ, лакей и писарь покойной бабушки)—пьяницею изъ пьяницъ и самаго мрачнаго вида и разговора человѣкомъ, почему его на первый разъ и скрыли отъ новаго барина.

Ивана Ильича раздѣла Аграфена. Зажегши дорожную стеариновую свѣчку и развернувши книжку какого-то новаго журнала, онъ легъ. Но тутъ же глаза сами собою закрылись, свѣчка едва была погашена, и онъ заснулъ непробуднымъ сномъ.

Аграфена, придя въ свою хатку, въ свой пріютъ въ боку кухоннаго флигеля, тотчасъ зажгла лампадку передъ множествомъ образовъ, украшенныхъ сухими травами, выкроенными изъ цвѣтной бумаги херувимами и голубями, слѣпленными изъ тѣста и повѣшенными на ниточкахъ. Вся комнатка скупой жительницы освѣтилась: ея окованный сундукъ со всякимъ хламомъ, келейно и въ долгіе годы натасканнымъ изъ такого-же вздорнаго хлама барской кладовой; на полкахъ посуда, на окошкахъ занавѣсочки, на стѣнѣ уланскій киверъ и старое солдатское ружье. Какъ появленіе этихъ вещей трудно было объяснить у ключницы, такъ нелегко было объяснить и происхожденіе остальнаго ея богатства. Какъ жукъ, тащила она въ свое обиталище, въ огромный окованный сундукъ, все, что попадало подъ руку: кусочекъ сахару, мужской забытый цѣлыми поколѣніями въ кладовой суконный жилетъ, распоротый женскій плисовый лифъ, цвѣту масаковаго, сливное желе, кисти отъ какого-то полога, кучерскую шапку, кусокъ холста,

проволоку съ головнаго убора прошлаго вѣка, засаленныя игральныя карты и прочее. Подъ самою кроватью у нея лежали кучи такого же свойства. Помолившись Богу, перечтя съ поклонами много молитвъ, Аграфена раздѣлась, надѣла, по случаю возврата барина, новую сорочку, легла и стала думать: «Хорошо что панъ пріѣхалъ. Теперь я уже буду старше атамана. Про коваля Харька разскажу и про Ивана Смуху разскажу. А когда́ жалованье? Должно статься теперь скорѣе раздадутъ. Получу два цѣлковыхъ. Два, да шестьдесятъ три въ сундукѣ, въ холстѣ, шестьдесятъ пять...» Она долго не спала.

II.

Первые дни на хуторѣ.

Проснулся Иванъ Ильичъ довольно поздно и потянулся сладко-сладко. Невыразимая прелесть и сладость разливалась по его тѣлу. Закинувши руки за подушку и выбившись изъ-подъ одѣяла, онъ прислушивался. Ни одинъ звукъ не долеталъ до его слуха. Тишина въ домѣ, въ саду и кругомъ была полная. Одно солнце глядѣло привольными лучами въ комнату. Ощущеніе безусловной, торжественной свободы было первое. Мысль, что у него теперь нѣтъ ни начальства, ни департаментскихъ обязанностей, ни соперниковъ и враговъ по службѣ, что никто на него не смотритъ, никто шпіонскимъ ухомъ его не подслушиваетъ, что и пролежать онъ можетъ, сколько душѣ его угодно, просто его дѣтски восхищала. «Ахъ ты, Господи, Господи!» шепталъ онъ вслухъ и чувствовалъ, что все въ немъ ликовало. Въ растворенныя окна изъ сада несся еще болѣе сильный, чѣмъ съ вечера, запахъ акацій. Пожелтѣлая занавѣска на окнѣ колыхалась. Онъ обернулся, услыша какой-то шорохъ. Бѣлая кошечка Аграфены, не видя новаго гостя и вѣроятно взобравшись съ надворья на такую высоту по дереву, близъ балкона и потомъ по карнизу, просунула изъ-подъ занавѣски голову, съ живымъ воробьемъ въ зубахъ и прыгнула въ комнату, пробираясь по коврамъ далѣе, давно знакомою тропинкой, вѣроятно къ новорожденной семьѣ, выведенной гдѣ-нибудь подъ развалинами дивана въ другихъ комнатахъ.

Иванъ Ильичъ крикнулъ. Никто не являлся. Онъ выглянулъ въ сосѣднюю комнату. У отчищенныхъ сапоговъ и приготовленнаго умыванья сидѣла въ креслахъ Аграфена и спала, сложа на груди руки. Онъ ее разбудилъ.

А я васъ давно уже, давно ожидаю, да не хотѣла будить..

— И отлично сдѣлала, Аграфена; я славно выспался.

Утираясь полотенцемъ, какъ былъ въ одной рубахѣ, Иванъ Ильичъ вышелъ на балконъ. Вѣтерокъ обдалъ его новою свѣжестью. На крыльцѣ, высоко вознесшимся надъ садомъ, онъ очутился, какъ на верху колокольни: такъ оно было ловко прилѣплено желѣзными подпорами къ стѣнѣ и открывало чудные виды на садовыя вершины, окрестность за рѣкой и на избы разметаннаго по оврагу и его бокамъ хутора. «Попробуй-ка такъ выйти на крыльцо въ Петербургѣ,—подумалъ Иванъ Ильичъ:—сейчасъ будочникъ явится!»

— А это что такое?—спросилъ Щебетковскій, разглядѣвши по ту сторону за Десной, между картинкой холмовъ, кое-гдѣ пересѣченныхъ лѣсами и долинками, маленькій зеленый поселокъ кучу вербъ, колодезь, бѣлую мазанку, сарайчикъ и десятка два ульевъ съ куренемъ въ оградѣ густаго садика, точно рисунокъ, вытканный на коврѣ или выведенный тонкою кисточкой на табакеркѣ: такъ онъ уютно рисовался по тотъ бокъ рѣки, освѣщенный солнцемъ, со стаей голубей, кружившихся надъ его вербами, въ самомъ небѣ.

Аграфена подперла рукою щеку и ступила ближе къ балясамъ.

— Это Антонъ Степанычъ Фабриціусъ.

— Кто?

— Фабриціусъ...

Щебетковскій обернулся съ удивленіемъ, слыша это римское имя, такъ отчетливо произносимое старухой и опять спросилъ!

— Какъ Фабриціусъ? Откуда онъ и какъ попалъ сюда?

— А такъ и попалъ... пріятель вашей бабушки. Ихъ наша покойница очень любили. Все черезъ плотину, бывало, ходили къ барынѣ: перепелокъ имъ носилъ, почитать что нибудь. Совсѣмъ смирный человѣкъ. Пчелы у него есть; землю въ наемъ отдаетъ. А то больше все у отца Аѳанасія въ Мирномъ проживаетъ. Ладанъ намъ носитъ, лѣкарства иной разъ, веретена дѣлаетъ, иконы пишетъ, шепчетъ.

Напившись чаю, Иванъ Ильичъ пошелъ въ садъ. Онъ его сразу узналъ и вспомнилъ, не смотря на его заглохшій и запущенный видъ. На мѣстѣ прежнихъ цвѣтниковъ и затѣйливыхъ площадокъ былъ густой сѣнокосъ. Рыбная сажалка подъ нижнею террасою представляла видъ зеленаго болота, поросшаго тростниками и осокой. Обвалившіеся кирпичные столбики, подножіе бывшихъ тутъ когда-то статуй, едва краснѣлись изъ травы. За то столѣтнія липовыя и кленовыя аллеи были еще гуще и темнѣе, вмѣстѣ съ глядѣвшими изъ кустовъ навѣсами хмѣлевыхъ и виноградныхъ бесѣдокъ. У поворота къ бывшимъ когда-то теплицамъ Иванъ Ильичъ простоялъ долго, будто что-то вспоминая. Здѣсь онъ въ дѣтствѣ, уѣзжая въ ученіе, выкопалъ черепкомъ ямку и похоронилъ въ ней свои бабки и оловяннаго солдата, какъ теперь помнитъ его, въ зеленой

курткѣ, съ голубыми ногами въ красномъ киверѣ. Мѣста этого нельзя уже было отыскать. Здѣсь росли яблони, не бывшія тогда. Пообѣдалъ Щебетковскій на-скоро. Въ дѣвичьей его ждали раскрытые сундуки и Аграфена съ ключами отъ кладовой. Остальную половину дня онъ ходилъ по комнатамъ, открывалъ и закрывалъ шкафы съ посудою, дверцы въ тумбахъ и стекла въ этажеркахъ. А сундуки въ дѣвичьей? Чего тутъ только не было! Старинные желтые, зеленые, голубые и коричневые кафтаны; шелковыя женскія платья со шлейфами; шинели, камзолы, распоротые женскіе лифы, кроватные пологи и головные уборы; тутъ же кучами лежали запасенные бабушкою куски простыхъ и тонкихъ холстовъ, мотки нитокъ, одѣяла, бѣлье всякаго рода и ковры съ невиданными узорами. Ключница Аграфена считала долгомъ отдать отчетъ въ малѣйшихъ мелочахъ и сперва тащила изъ сосѣдней кладовой въ дѣвичью всякій хламъ, попавшій туда въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ и Богъ вѣсть черезъ чьи руки,—банки со всякими сушеньями, наволоки съ козьимъ пухомъ, два мужскихъ сѣдла чуть не временъ Шведовъ и Полтавскаго боя, кучерскіе армяки и шляпы временъ Екатерины, какія то казакины и куртки съ галунами, родъ охотничьихъ нарядовъ, ружья безъ курковъ, всякую посуду,—и наконецъ туда потащила самого хозяина. Иванъ Ильичъ въ темной и обширной кладовой отыскалъ прежде всего кадку съ медомъ, захватилъ ложку, сѣлъ близь кадки и, уписывая любимый липецъ, сказалъ: «Ну, няня, то послѣ посмотримъ; а теперь давай къ этому хлѣба!» Ревизія кладовой кончилась уничтоженіемъ связки сушеныхъ сладкихъ яблоковъ.

Щебетковскій вошелъ въ спальню бабушки и выдвинулъ ящики круглаго стола, подъ иконами. Въ одномъ изъ ящиковъ лежала пачка какихъ то сѣмянъ, шерстяная женская перчатка и отбитый носикъ чайника, не считая множества лоскутьевъ, хранившихся тамъ. Въ другомъ — аспидная доска съ полузатертыми строками неровнаго дѣтскаго почерка. «Неужели это мое писаніе?» — подумалъ онъ и спросилъ: «Аграфена! Послѣ меня тутъ не учили никого изъ дѣтей?» — «Никого-съ; это ваша дощечка!» — Въ глубинѣ одного изъ ящиковъ бабушкина комода Щебетковскій замѣтилъ связку писемъ, обернутыхъ розовой ленточкой. «Тоже мои, изъ лицея!» подумалъ онъ и бросилъ письма обратно въ ящикъ. Тутъ онъ увидѣлъ еще кучу исписанныхъ листковъ, взялъ одинъ, и рука его невольно дрогнула. То былъ почеркъ бабушки, черновое письмо о немъ, рекомендація внучка какому-то знакомому въ Петербургѣ. Онъ упалъ на диванъ и сталъ читать:

— «Милостивый Государь мой, господинъ Коллегенъ—Ассесоръ! Поручаю вамъ моего Ваничку! Это — розовое, милое дитя; чувствительной души его еще не коснулись раны свѣта. Онъ кругленькій, какъ украинскій коржикъ. Память непости-

жимая, притомъ ретивъ и благонравенъ. При рожденіи отъ бѣдной матери вынесъ корь, а недавно у меня чуть не умеръ, оборвавшись съ яблони. Дѣло было такъ. Вы мнѣ прислали Карамзина и Жильблаза. Я сѣла съ разборомъ почты, а онъ въ садъ, забѣжалъ въ самую глубину, къ моему уединенному эрмитажу изъ ясеней и влѣзъ на яблоню. Слышу вой нянекъ; несутъ его едва живаго и въ крови. Насилу вылѣчила. И такъ, онъ рѣзвъ. Сберегите моего внука. Внука! imaginez vous! А давно мы съ вами танцовали на балѣ у рейткнехта дюка де Баскино? Годы летятъ и не ждутъ насъ. Вы уже въ чинахъ; слышу, тоже и женились! А помните ли Греттицъ-фонъ-Грессенихъ и эту прекрасную фрейлейнъ Миранду, на вечерѣ у сержанта Гауровича? Увы! И я живу вдали отъ шума свѣта въ уединеніи думъ и въ пустынѣ души, какъ говоритъ нашъ общій любимецъ Руссо, притомъ же вы и я...

На этомъ обрывалась страничка изъ жизни бабушки.

Долго Иванъ Ильичъ вертѣлъ въ рукахъ пожелтѣлый клочекъ письма. Многое толпилось ему на умъ; но никакого коллегенъ ассесора, пріятеля бабушки, онъ не могъ припомнить.

Вечерняя заря играла всѣми яркими переливами огней, освѣщая правую сторону сада, уголъ дома и конюшни, и обливая румянымъ свѣтомъ окна, полы, стулья и рѣзныя подзеркальники, когда Щебетковскій сошелъ съ верхняго яруса дома, витою лѣстницею, въ нижнее жилье, въ старинную библіотеку. Окна ея также выходили въ садъ; по стѣнамъ шли шкафы, между окнами ситцевые диваны. Иванъ Ильичъ отперъ одинъ шкафъ, потомъ другой, осмотрѣлъ пыльныя полки съ книгами. Ото всего, отъ книгъ, полокъ, дивановъ и занавѣсокъ на окнахъ, несло затхлостью и гнилью. Онъ растворилъ окна, подставилъ къ верхней полкѣ легкую точеную лѣсенку, взялъ первую попавшую книгу, сдулъ съ ея краевъ пыль и сѣлъ въ кресло у окна. Это былъ переводъ какого-то стариннаго романа, прошлаго вѣка, съ длинными разговорами и сладкими героями. Отъ слежавшихся страницъ съ краснымъ стариннымъ обрѣзомъ и въ кожанномъ желтомъ переплетѣ повѣяло тою же затхлостью и гнилью. Иванъ Ильичъ потребовалъ варенья и воды, освѣжился, сталъ читать и задремалъ. Книга готова была выпасть изъ его рукъ...

Вдругъ, близъ него скрипнула половица. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ, съ зеленымъ картузомъ въ рукѣ и улыбаясь старичекъ лѣтъ шестидесяти, въ рыжеватомъ завитомъ парикѣ, на тоненькихъ ножкахъ, въ желтомъ нанковомъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ и жилетѣ и съ большою печаткою у часовъ. На первыхъ порахъ, Ивану Ильичу съ дремоты показалось, что сбѣжалъ по рѣзной лѣсенкѣ, изъ шкафа библіотеки, или выскочилъ изъ самой книги, развернутой у него на колѣняхъ, одинъ изъ героевъ забытаго людьми романа. Онъ заговорилъ; отъ его словъ такъ и повѣяло милор-

дами Георгами, Правдинами, Грандисонами и мадамъРатклифъ, въ переводахъ.

— Имѣю высокое счастье рекомендовать себя вашему вниманію... Пріѣздъ вашъ въ сіи достолюбимыя мѣстности...

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Антонъ Степанычъ... Антонъ Степанычъ Фабриціусъ!

— Очень радъ-съ. Милости просимъ садиться.

— Ахъ, какъ я уже радъ, Иванъ Ильичъ, какъ я радъ, такъ и не описать!—говорилъ Антонъ Степанычъ, тряся хозяина за обѣ руки. Долго еще говорили новые знакомые другъ другу любезности. Антонъ Степанычъ, какъ взялъ Ивана Ильича за руки, такъ и не выпускалъ его изъ своихъ морщинистыхъ горячихъ рукъ, пока тотъ вѣжливо не высвободился самъ.

Ивану Ильичу было весело.

— Какъ это вы, дорогой Антонъ Степанычъ, вошли такъ, что я и не замѣтилъ?

— А не безпокойтесь. Всѣ входы и выходы въ здѣшнихъ палестинахъ мнѣ вполнѣ знакомы. Мой же собственный фольваркъ, такъ сказать уголъ мой, недалеко отсюда, за рѣкою,— и я каждодневно бывалъ здѣсь при покойной вашей бабушкѣ, потому что она была больна, а кольми паче еще потому, что я ее любилъ съ...

— Очень радъ, Антонъ Степанычъ, очень радъ. Садитесь. Милости просимъ. Будемъ почаще видѣться. Вѣдь я теперь вашъ новый сосѣдъ. Научите, какъ это все устроить тамъ, вводъ во владѣніе, явка суду о моемъ пріѣздѣ...

Антонъ Степанычъ крякнулъ.

— Гмъ! Это съ легко-съ... А вы знаете завѣщаніе покойной бабушки?

— Какое завѣщаніе? Кому?

Ознобъ прошелъ по спинѣ Щебетковскаго.

— Велите подать свѣчи.

Подали свѣчку.. Протянутыя вѣтви яблонь съ лапчатыми листьями кленовъ причудливо освѣтились снизу, утопая въ темнотѣ своими вершинами. Вѣтру не было. Пламя свѣчи стояло неподвижно, какъ статная хуторянская дѣвка съ тарелкой за столомъ строгой няни. Гдѣ-то подняли крики милліоны лягушекъ. Соловей отзывался. А изъ воздуха, пахнущаго почками цвѣтовъ, стали сыпаться на скатерть сотни мошекъ и коровокъ, сотни бабочекъ и букашекъ, золотистыхъ, серебристыхъ, зеленыхъ, огненныхъ и кисейныхъ. Атонъ Степанычъ что-то вынулъ изъ боковаго кармана сюртука. Это была бумага. Оглянувшись опять по сторонамъ и наставя носъ къ самой свѣчкѣ, онъ началъ:

— «Явно, доброхотно и самовольно завѣщаю все движимое и недвижимое имѣніе мое, а именно: хуторъ предковъ покойнаго мужа моего, Калиновскій-Овражокъ, со крестьяне, зем-

лями, сѣнными угодьями, домомъ и мельницею, все въ домѣ и за домомъ, въ кладовыхъ и въ амбарахъ, земли 216 десятинъ и душъ 22, какъ единственное наслѣдіе преславнаго и превеликаго гетмана Павла Щебетковскаго, внуку моему, нынѣ служащему въ Петербургѣ, Ивану Ильичу Говорухѣ-Щебетковскому, коему тотъ гетманъ приходится пращуромъ, а ему внукъ мой единственнымъ потомкомъ. Сей пращуръ былъ славенъ, а еще болѣе богатъ. Половина Нижнебайрацкаго повѣта, всѣ земли и люди, были въ его рукахъ. Дальнѣйшіе потомки преславнаго рода обѣднѣли и прожились, но не теряли шляхетскаго гонору и силы. А посему, внукъ мой Иванъ Ильинъ сынъ» (Иванъ Ильичъ, это вы!) «обязанъ свято чтить мою, завѣщательки, волю. Сирѣчь: обязанъ онъ, по всѣ дни, прежде всего памятовать, что его родъ есть родъ первостатейный, который онъ долженъ не умалять, а возвышать и гордиться имъ передо всѣми, каменный панскій домъ, яко бы палацъ, отъ предковъ перешедшій, поддерживать; такожде хранить и холить при дворѣ садовое, огородное и цвѣточное ремесло, разводить лѣчебныя и красильныя травы. А для сего, послѣдь сказаннаго, благословлять крестьянъ хуторскихъ свадьбы не иначе, какъ когда отцы жениха и невѣсты насадятъ въ своихъ огородахъ три или четыре и до пяти щепъ плодовыхъ и ягодныхъ. Долгу оставляю ему и говорю заплатить: попу, отцу Аѳанасію двѣсти рублей, да сосѣду моему и куму, Антону Степанову сыну, Фабриціусу сто...»

— Эти деньги, Иванъ Ильичъ, заплачены; не бойтесь!

— Очень радъ. Далѣе.

— А далѣе—молитвы-съ..

— Какія?

— О васъ...

Щебетковскій былъ тронутъ. Взявши бумагу, онъ ее поцѣловалъ.

— Разскажите мнѣ о бабушкѣ, что это за женщина была? Я мало ее помню.

— Чудная дама была. Долго разсказывать.

— А о предкахъ моихъ тоже знаете? Что это за прадѣдъ у меня, или пращуръ этотъ былъ, гетманъ? Говорила она про него?

— Какъ не говорить-съ! Все бывало о своемъ родѣ трубитъ. Такая уже гордянка была! Да и я кое кого изъ такихъ стариковъ дворовыхъ тутъ засталъ. Пріѣхавши тогда, старину въ очію видѣлъ. Чудныя времена тогда были. Право, чудныя! У вашего пращура этого, да и у дѣдушки еще, своя музыка была, два хора пѣвчихъ. Турецкіе пироги подавались; изъ пушекъ на имянинахъ палили. Здѣсь больше въ старину съ польской шляхты примѣры брались. Попойки по недѣлямъ дѣлались. Первый основатель вашего рода былъ гетманъ Павелъ Говоруха-Щебетковскій. Былъ онъ точно славенъ и со-

орудилъ сей домъ на вышинѣ берега, такъ сказать, какъ орлиное гнѣздо. Портретъ его вамъ легко представить. Это прелюбопытно. Еще говорятъ о немъ, что онъ, то есть тѣнь его—ходитъ ночью по дому...

И долго за полночь бесѣдовали новые знакомцы. Пуншъ развязалъ окончательно языкъ и окрасилъ клюквой носъ старика. Иванъ Ильичъ слушалъ съ жадностью эту живую лѣтопись. Собрались уходить изъ сада. Посмѣялись надъ тѣмъ, что тѣнь прадѣда или пращура напугаетъ когда-нибудь новаго жильца въ домѣ.

Щебетковскій пробрался въ домъ, по лѣстницѣ прошелъ въ верхній этажъ, отворилъ дверь на балконъ и усѣлся, любуясь темнотою окрестностей. Долго онъ сидѣлъ. Слова старика не шли изъ его головы. Какая поэзія, какая канва для романа, эта исторія его дома! Тѣ же окрестности, та же Десна, тѣ же лѣса и горы; а какъ все измѣнилось! Фантазія дополняла то, что передавалъ старикъ-сосѣдъ, и мыслямъ Ивана Ильича не было конца...

— Да бывало, какъ соберутся другъ къ другу ваши предки да сутокъ по пяти танцуютъ, не отдыхая!—говорилъ, между прочимъ, старикъ:—возьмутся этакъ за руки, да все парами, паръ въ пятьдесятъ, и пойдутъ кругомъ, по всѣмъ комнатамъ. А бабушка ваша помнила еще балы вашего родича, гетманскаго племянника, какъ тогда еще въ парикахъ и въ кружевахъ, да въ венецейскихъ бархатахъ ходили. Шпорами звенятъ, панночки каблуками пристукиваютъ, руками разводятъ и ножками пишутъ узоры. А мазурки выводили, такъ до восхода солнца все гремѣло и ломало полы!..

Иванъ Ильичъ легъ спать. Комната, полу-освѣщенная мѣсяцемъ, опять рисовала ему прошлое. Въ открытую дверь балкона какъ будто заглядывала старина. Изъ темныхъ дверей залы слышался шорохъ, будто двигались тѣни. Глаза закрылись, сонъ охватилъ его—и зала расширилась, освѣтилась. Чудный полонезъ наполнилъ ее. Во снѣ, не во снѣ,—предки двинулись парами, все парами, идутъ кругомъ, звенятъ шпорами, стучатъ каблуками, покручиваютъ усы. Дамы волочатъ длинные шлейфы, мужчины идутъ рядомъ, любезничая съ ними и откинувъ за плечи шелковые, вышитые галунами рукава нарядныхъ кафтановъ. А Иванъ Ильичъ глядитъ и старается угадать ихъ лица: «какъ бы меня не замѣтили здѣсь на диванѣ; ишь Антонъ Степанычъ и не предупредилъ. Это кто? Кажется гетманъ? нѣтъ, что я! это простой рейтаръ; какъ можно! сейчасъ видно: рыжій и сухопарый, какъ нѣмецъ! А вотъ гетманъ...»

И дѣйствительно, гетманъ шелъ, головою выше всей толпы. Вотъ онъ, сѣдоусый, съ огромнымъ брюхомъ, грузный и съ короткой шеей, толстый и тяжкій на подъемъ. На немъ зеленый шелковый кафтанъ и парчевая венгерка. Жилъ онъ

буйно, ѣлъ до отвалу, пилъ сточертованную горѣлку съ перцемъ, билъ жидовъ и ляховъ, вѣшалъ плѣнныхъ, жегъ города и оставилъ пропасть золота и серебра своему наслѣднику.

А вотъ его наслѣдникъ, родной сынъ. Онъ идетъ и шепчется съ какою-то красавицей. Но какъ не похожъ онъ на своего отца. Это два разные вѣка. Онъ идетъ молодымъ и красивымъ блондиномъ, какъ былъ въ тѣ дни, когда явился впервые къ отцу на церемоніальное бритье усовъ и бороды, на двадцать первомъ году, въ длинной черной венгеркѣ, въ качествѣ ученика кіевскаго коллегіума, съ Гораціемъ подъ мышкой, говоря по-латыми и тщательно скрывая въ листахъ завѣтной книги кіевскіе сувениры, розы, ленточки и волоса. Онъ женился на панночкѣ изъ-за Случи. Цѣны богатствамъ своимъ онъ не зналъ, но объяснили ему это, по смерти отца, арендаторы, присланные тестемъ. Земли и воды пошли въ оборотъ. Настроились винокурни и мельницы, шинки и заѣзжіе дворы; настроились богатыя палаты въ хуторахъ его и въ дальнихъ городахъ, въ Кіевѣ, Глуховѣ и Черниговѣ. Но всю жезнь гетманскій сынъ, панъ Лонгинъ Говоруха, рвался изъ-за арендаторскихъ счетовъ и смѣтъ къ свѣтильнику музъ, затепленному въ тѣ дни, въ великой Руси, Ломоносовымъ и первымъ въ Москвѣ университетомъ. Онъ умеръ, заучивая стихи на взятіе Хотина и начавши тетрадь мемуаровъ о бывшихъ въ Питерѣ дворцовыхъ волненіяхъ. Тетрадь вскорѣ пошла на обертку свѣчей въ канделябры на балахъ сына.

За то вотъ сынъ. Какое румяное, полное, счастливое лицо! Вельможный юноша, наслѣдникъ милліоновъ, семнадцати лѣтъ онъ улетѣлъ въ Парижъ съ племянникомъ Разумовскаго. Отецъ не жалѣлъ на него ни золота, ни старинныхъ своихъ связей. Молодцоватый мотъ, панъ Никита Лонгиновичъ воротился изъ Парижа, бредя Фернейскимъ мудрецомъ и новѣйшимъ комфортомъ. Щеголь, съ женоподобнымъ лицомъ, явился онъ въ любимую резиденцію отца, на хуторъ Калиновый-Овражокъ, въ голубомъ шелковомъ кафтанѣ, съ бриліантовыми пуговицами, въ чулкахъ и въ пудрѣ, сталъ съ первыхъ же словъ звать стараго отца, печальнаго и угасавшаго пана Лонгина, «cher papa» и пышно оживилъ и преобразилъ нравы своего хутора и цѣлаго своего околотка. Вмѣстѣ съ толками о Потемкинѣ и греческомъ проектѣ, въ домѣ пана Лонгина показались венеціанскіе обои, рѣзные шкафы и столы, слуги въ пудреныхъ парикахъ и свои оркестры музыки и пѣвчихъ. Панъ Лонгинъ умеръ отъ удара, не дождавшись увидѣть сына женатымъ. А сынъ подхватилъ себѣ жену не изъ русскихъ. И это—знаменитая бабушка Ивана Ильича, девяносто-лѣтняя старушка, Вильгельмина Карловна, пріютившая, воспитавшая и спасшая его подъ конецъ послѣднимъ достояніемъ рода Щебетковскихъ...

Это было такъ. Не чаяла и не гадала молоденькая, румя-

ная и свѣтлорусая шведка, фрейлейнъ Вильгельминхенъ, аристократка изъ окрестностей Выборга, какъ ея дядюшка, истопникъ скромнаго Гатчинскаго дворца, сказалъ ей и двумъ бѣлокурымъ дочкамъ своимъ: «Дѣти! Идите посмотрѣть на ученіе солдатъ на плацу. Ныньче любопытно». Дѣвушки нарядились въ бѣлыя платьица и чепцы и вышли на плацъ. А на плацу, усыпанномъ песочкомъ, шагалъ уже взадъ и впередъ, въ косѣ, въ треугольной шляпѣ и въ огромныхъ ботфортахъ, царственный сержантъ и креатура великаго короля Фрица, сердясь, крича и уча ружейнымъ пріемамъ роту своихъ любимыхъ пѣшихъ драбантовъ. Дѣвочки заглядѣлись и не видѣли, что одну изъ нихъ, болѣе бѣлокурую и румяную, намѣтилъ уже глазъ, вооруженный щегольскимъ, складнымъ лорнетомъ. Прошелъ мѣсяцъ, начались темныя сентябрьскія ночи. Въ одну изъ такихъ ночей у стѣны дворцовой пристройки разыгралась испанская серенада. Старый истопникъ спалъ, дочки его съ крикомъ кинулись подъ постели; а вынувши зимнюю раму, въ окно влѣзъ красивый, отчаянный щеголь изъ гвардейскихъ колоновожатыхъ и на руки закадычныхъ пріятелей спустилъ по лѣстницѣ трепетавшую отъ стыда, любви и страху, похищенную имъ бабушку Ивана Ильича, Вильгельмину Карловну...

Быстро и въ чаду пролетѣли первые молодые дни, мѣсяцы и годы. Никита Лонгиновичъ увезъ свою жену въ украинскія села и хутора. Окруживъ ее утроеннымъ блескомъ и роскошью, съ дикой страстью предался онъ пиршествамъ и охотѣ, споилъ въ два-три года цѣлый околотокъ,—и вдругъ, послѣ ряда шумныхъ оргій дома и въ отъѣзжихъ поляхъ, неожиданно бросилъ свою жену, уѣхалъ торопливо въ Петербургъ, гдѣ между тѣмъ, также неожиданно, начались другія времена, поступилъ тамъ на службу, записавшись пугливо въ какую-то коллегію, сталъ посѣщать монастыри и церкви и уже болѣе не возвращался. Судьба его осталась загадочною. Впослѣдствіи долетали слухи, что за нимъ было открылись какіе-то заграничные грѣшки. Другіе говорили, что его сманили мистики, и онъ попалъ въ секту не то иллюминатовъ, не то массоновъ. Тщетно писала къ нему его жена. Черезъ два года ее извѣстили, что мужъ ея скончался, погребенъ съ почестями на такомъ-то кладбищѣ,—и вмѣстѣ сообщили ей длинный списокъ его долговъ. Продано два большихъ имѣнія, потомъ еще два, потомъ еще три поменьше. Дома распроданы за деревнями. Пятнадцать лѣтъ сряду бѣдную женщину тревожили разные векселя и взысканія, капитанъ-исправники и магистраты. Кроткая и тихая, жаждущая семейнаго счастья, какъ иная историческая эпоха въ жизни народа, расплачивалась она, проливая позднія и никому ненужныя слезы, съ долгами эпохи предыдущей, эпохи безумной, грѣшной, сластолибовой и буйно, безплодно-расточительной.

Сынъ ея — но говорить ли о немъ? Его судьба была судьбой объднъвшаго украинскаго и обще русскаго дворянства. Онъ служилъ по гражданской части, потерявши жену, умершую отъ родовъ, и поруча единственнаго сына свой матери. Служба ему не дала ничего, кромѣ безплодныхъ огорченій, обманутыхъ надеждъ и тысячи горькихъ разочарованій на широкомъ полѣ бюрократизма нашей отчизны. Онъ также скоро умеръ въ безвѣстномъ, грязномъ городишкѣ одной изъ западныхъ губерній, и никто не хотѣлъ вѣрить, идя за его гробомъ, что это—представитель одной изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ украинскихъ фамилій.

Иванъ Ильичъ разоспался подъ чудными видѣніями, такъ что старая Аграфена утромъ сперва и ротъ ему отъ мухъ закрывала платкомъ, и будила его, и чайникъ ставила то съ самовара, то на самоваръ; наконецъ даже перепугалась и, придя на кухню, стала не въ шутку разсказывать, что баринъ спитъ, точно убитый, и какъ бы съ нимъ не сталось чего дурнаго. Ничего дурнаго съ бариномъ, впрочемъ, не сталось. Проснулся онъ бодрый и свѣжій, громко закричалъ: «Няня, душечка, давай чаю! давай умываться!» и сейчасъ послалъ за Фабриціусомъ, или, какъ люди его, кромѣ Аграфены, звали— Фабриціушомъ. Антонъ Степанычъ явился, опять улыбался, жалъ мягкими руками руки Ивана Ильича, вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ.

— Что, не видѣли тѣни прадѣда?

— Не видѣлъ!

— Ну, и я говорилъ, что это пустяки! А сонъ какой видѣли?

— Пропасть!..

Прежде всего новые друзья занялись дѣлами. Составлена бумага съ явочнымъ прошеніемъ въ судъ. Совершенъ вводъ во владѣніе. Чиновники уѣхали, начался осмотръ и разборка хозяйственныхъ статей, что увеличить, что убавить и чѣмъ расширить доходы.

— А что, скажите, какъ, по здѣшнимъ цѣнамъ, стоитъ мое имѣніе, Антонъ Степанычъ? — спросилъ какъ то Шебетковскій.

— Двѣсти шестнадцать десятинъ земли — двѣнадцать тысячъ, да двадцать двѣ души крестьянъ мужскаго пола, положимъ, пять тысячъ; да постройки три тысячи, итого двадцать тысячъ. Не дурно!

— Какъ? серебромъ?—спросилъ Щебетковскій.

— О, нѣтъ! Гдѣ же! ассигнаціями!

Иванъ Ильичъ повѣсилъ носъ.

— Да вы что, Иванъ Ильичъ! Вѣдь это всетаки хорошо до шести тысячъ цѣлковыхъ...

У Щебетковскаго прошелъ морозъ по спинѣ. «Да, хвали ты, старикашка-хуторянинъ!» — подумалъ онъ, горько улыб-

нувшись:—«а я могъ получить въ Петербургѣ мѣсто съ шестью тысячами цѣлковыхъ въ годъ дохода, когда бы не проклятая судьба моя!»

Съ задаткомъ сильной горечи въ тайникахъ души, Иванъ Ильичъ махнулъ рукой на свои печальныя деревенскія обстоятельства, досталъ шкатулку, пересчиталъ остальныя, вывезенныя изъ Петербурга деньги, увидѣлъ, что ихъ тамъ было еще свыше четырехъ-тысячъ-семисотъ рублей серебромъ, три съ половиною тысячи заложилъ на дно шкатулки, а остальныя взялъ на расходъ и, сказавши себѣ: «Э! будь, что будетъ, а я уже свое возьму!» — рѣшилъ горячо приняться за устройство хозяйства.

Ежедневно встрѣчаясь съ Антонъ Степанычемъ, онъ разспрашивалъ его о сосѣдяхъ, о предводителѣ, о сильныхъ, вліятельныхъ и богатыхъ сосѣдяхъ околотка, объ уѣздныхъ и губернскихъ партіяхъ, словомъ — обо всемъ. Разные проекты начинали созидаться въ головѣ Щебетковскаго. А старикъ, млѣя отъ восторговъ новой дружбы, держа за руки сосѣда и нѣжно заглядывая ему въ глаза, почти каждый разговоръ кончалъ словами:

— Вотъ вы, Иванъ Ильичъ, и пріѣхали, и пріѣхали! Да! Вотъ мы и устроимъ васъ, и женимъ! Да еще на какой? Служба васъ огорчила, разстроила! А наша хуторянка залѣчитъ всѣ ваши раны и заживитъ всѣ обиды! Такъ-то-съ... Это уже будетъ наше дѣло, наше, стариковское! Подумайте-ка!

И Фабриціусъ лукаво улыбался.

«Что за чортъ! что онъ объ этомъ все толкуетъ!» — подумалъ наконецъ Иванъ Ильичъ и рѣшился обстоятельно объ этомъ переговорить съ Антономъ Степанычемъ.

День былъ выбранъ.

Но прежде скажемъ, кто былъ Антонъ Степанычъ.

III,

Антонъ Степанычъ Фабриціусъ.

АНТОНЪ Степанычъ Фабриціусъ въ молодости своей и задолго, разумѣется, до той поры, какъ онъ поселился въ собственномъ фольваркѣ и сталъ сосѣдомъ Щебетковскаго, нося дома зеленый халатъ, подпоясанный платкомъ, а въ гостяхъ желтую нанковую пару платья, — былъ лихой, бѣлокурый уланъ, игралъ на скрипкѣ, рисовалъ дамамъ узоры для шитья и танцовалъ котильонъ и мазурку. Какъ всѣ нѣмцы, онъ былъ романтикъ. Судьба надѣля его неимовѣрнымъ задоромъ женитьбы, олицетворила въ немъ типъ старосвѣтскаго украинскаго жениха. Еще до сихъ поръ мѣстные жители

близь Мелитополя и Орѣхова, помнятъ его щегольскіе усики и завитой, бѣлокурый кокъ. День и ночь ѣздилъ онъ тогда, лѣтомъ и зимою. Сперва бралъ отпуски и командировки, а потомъ и въ отставку вышелъ для цѣли женитьбы. Былъ у него деньщикъ Сидоръ, онъ же и кучеръ. Ѣдучи въ чистенькой нетечанкѣ, на тройкѣ саврасыхъ меринковъ, въ тѣ блаженныя, молодыя времена, добродѣтельный нѣмецъ, онъ же и русскій уланъ, вступалъ съ нимъ въ разсужденья. «Ты куда это, Сидоръ, везешь меня теперь?»—«Къ Чемерзовой»—«А что? развѣ у Чемерзовой тоже дочка есть?»—«Есть, да еще какая: бѣлая, полная и изъ себя краля!» — «Ну, и приданое будетъ?»—«Будетъ; я уже узнавалъ!»—«И за меня пойдетъ?« — «Пойдетъ!»

Въ другой разъ, задумавши сдѣлать коварный набѣгъ на какой-нибудь домъ несказанной зажиточности, бѣлокурый уланъ Фабриціусъ ѣхалъ туда и вдругъ замѣчалъ, что Сидоръ сворачиваетъ и беретъ другую дорогу.—«Ты куда это? ты не туда везешь!»—«Стану я туда везти!»—«А что?»—«Нѣтъ уже, не повезу!»—«Да что такое, говори!»—«Барышня не подходящая: косая, сердитая и людей поѣдомъ ѣстъ!»—Случалось наконецъ и такъ, что Фабриціусъ приказывалъ ѣхать къ вдовѣ Пепшеренской, что на Сибалкѣ живетъ, въ гороховатскомъ уѣздѣ. А Сидоръ на это свистѣлъ себѣ подъ носъ и возражалъ, что отъ полковницкаго повара онъ слышалъ, что вдова уже умерла.—„Умерла, такъ и умерла!“ говорилъ баринъ и въ особомъ спискѣ, который возилъ всегда съ собою въ карманѣ, отмѣчалъ: «Вдова Пепшеренская скончалась.» Этотъ аккуратнѣйшій нѣмецкій списокъ дѣлился на четыре столбца и носилъ такой видъ:

Списокъ невѣстамъ Макарославской губерніи.

Имена.	Кто такова?	Наружный видъ.	Состоянія.
Эдокси Коржова.	Дѣвица.....	Пріятна но рыжа..	130 душъ крестьянъ.
Безворотная Настасья Парфентьевна........	Вдова Маіора.	Красива......	Имѣетъ капиталъ.
Машенька Ильина........	Дочь Судьи...	Прекраснаго роста, худощава.....	Безпомѣстна, но отецъ загребистая лапа.
Историкова Пашенька.....	Поповна.....	Съ припадкомъ...	Капиталу 15 тысячъ.
Катишь Вовтувенко.......	Анфанъ-дамуръ..	Въ веснушкахъ...	Дадутъ хорошо.
Любочка Петржиковская......	Помѣщица....	Шатенка......	29 душъ и мел.

Заботясь о дружескихъ отношеніяхъ къ знакомымъ и незнакомымъ, лихой уланъ одновременно съ этимъ завелъ еще списокъ всѣмъ имянинамъ, днямъ рожденія и другимъ семей-

нымъ праздникамъ по сосѣдству своего полка и далѣе. Появленія его на эти праздники были до того точны, что иногда сами хозяева не знали, какой у нихъ день, а являлся Антонъ Степанычъ, хозяева переглядывались, и пирогъ подавался непремѣнно.

Поведеніе Фабриціуса въ домахъ невѣстъ было такъ же очень любопытно. Едва его чистенькая нетечанка и тройка саврасыхъ коней показывались въ околицѣ деревни, чуткіе носы чуткой дворни уже знали, что ѣдетъ женихъ.—«Барышня, душечка, женихъ пріѣхалъ!» говорили, вбѣгая въ попыхахъ, увѣсистыя горничныя —Мать невѣсты возводила голосъ степеннѣе.—«Ну, машеръ, тебѣ слѣдуетъ теперь показать себя! Надѣнь ту шнуровку, что потуже; а то у тебя эти вещи вѣчно черезъ край смотрятъ! Косыночку набрось слегка, да смажься тоже еще тѣмъ, знаешь, что Парашенька дала!» — Жениха встрѣчали радушно. Невѣста выходила къ столу, опустя глаза, и, едва шевеля блѣдными губами, тихо отвѣчала на поощрительныя вопросы маменьки. Проходилъ день, другой. Женихъ являлся вторично. Все подвигало къ пріятному сближенію. Вотъ онъ уже гуляетъ съ невѣстою между вишнями. Лакеи и дѣвки толпятся въ корридорѣ и выглядываютъ на него, какъ на звѣря. Онъ уже улыбается и говоритъ громче прежняго. Вотъ онъ поселился во флигелѣ.—Этимъ не стѣсняется ни та, ни другая сторона, а слуги ведутъ развѣдки изъ обоихъ лагерей. Сидоръ говоритъ: «хорошіе господа и барышня — мое почтеніе!» Хозяйскіе слуги тоже лишній разъ бѣгаютъ въ шинокъ выпить, въ счетъ будущаго барина. И заживается, бывало, уланъ Фабриціусъ у добрыхъ хуторянъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, до того, что иногда и въ хозяйство вмѣшается, и мужика лѣниваго подеретъ за чубъ, и ключника уличитъ въ лишней раздачѣ хлѣба, соблюдая интересы барыни и барышни. А иной разъ и заболѣетъ. «Это куда?»—спрашиваютъ, бывало, иногда хозяева, глядя изъ окна на одинъ извѣстный, продолговатый иструментъ, несомый для приличія во флигель подъ салфеткою, украдкою отъ постороннихъ взоровъ, по просьбѣ гостя. «Къ жениху, сударыня!»— отвѣчаютъ люди.—«Что жъ тамъ такое?»—«Да они тоже вчера обкушались за ужиномъ варениками и просили, чтобъ вамъ про то не говорить!» И вотъ приходитъ пора. Сидоръ, стягивая съ барина носки и сапоги, озирается и говоритъ: «Теперь уже пора; дѣлайте предложеніе; они не откажутъ! Уже все переспросили; и какой вы добрый, и гдѣ у васъ дядя, и что имѣете и все! Я уже кучу насказалъ! А барышня въ васъ вотъ какъ влюблены! Вчерась меня остановили въ саду и говорятъ:—«Сидоръ!» А я говорю: «что, барышня?» «Ахъ, говоритъ, Сидоръ, какъ бы пѣтушокъ да курочка, да жили бы мы до-купочки!»—«Такъ-таки и сказала?»—Такъ-таки и сказала!»—«Гмъ!» Фабриціусъ улыбается, гладитъ свой бѣлоку-

рый хохолокъ, крутитъ усы, ходитъ по комнатѣ и на утро же дѣлаетъ предложеніе. Дѣвица, точно, оказывается не прочь. Но подаютъ ему экипажъ, ѣхать надо; глядь—а въ нетечанкѣ «гарбузъ» (тыква), несомнѣнный знакъ отказа, по мѣстному обычаю... Что тутъ дѣлать?—«А вѣдь мнѣ, Сидоръ, отказали!»—говоритъ Антонъ Степанычъ, выѣзжая за деревню.—«Отказали!»—отвѣчаетъ печально Сидоръ. Съ горяча Фабриціусъ хватаетъ тыкву, чтобы швырнуть ее о земь. Но послѣ одумывается. «Что пользы? Это все-таки ѣдятъ, и оно вкусно!» И тыква на ближнемъ перевалѣ услаждаетъ его разсчетливый желудокъ и огорченную душу. Проходилъ годъ, два. Разъѣзды не унимались. Не сновалъ такъ по своему участку какой нибудь коронный засѣдатель или капитанъ-исправникъ, какъ сновалъ въ былые годы этотъ смертный уланъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, гдѣ только пахло невѣстою. И его не обѣгали; напротивъ, даже рады были его пріѣзду. Бесѣда его нравилась, а лошади ѣли сѣно даровое, непокупное. И несмотря на то, что отказъ за отказомъ ложились на его судьбу, Фабриціусъ въ глазахъ знавшихъ его даже какъ будто не старѣлся и съ каждымъ годомъ приходилъ въ большій трепетъ, чуть заслышитъ иногда о новомъ обѣтованномъ уголкѣ, гдѣ зрѣли, въ тиши и пустынѣ новыя невѣсты. Казалось, цѣль жениться стала его насущною потребностью. Скажутъ-ли при немъ, что женился такой-то шведскій или испанскій принцъ, или положимъ: въ Америкѣ такая-то дочь банкира отъ любви отравилась—онъ уже сейчасъ задумается, точно съ нимъ самимъ случилась эта исторія. И подъ конецъ до того втянулся онъ въ ремесло жениха, что ни о чемъ болѣе и не мыслилъ! Такова уже была сила воли и привычки нѣмецкой души, задумавшей себѣ какую-нибудь карьеру.

За этими, однако, сватовствами мелькнуло ровно тридцать лѣтъ. Въ провинціи и не то еще случается, такъ что и не спохватишься. Подошелъ одинъ разъ Фабриціусъ къ зеркалу, взглянулъ и ужаснулся: вмѣсто щеголеватаго, бѣлокураго кока, на головѣ былъ зародышъ широчайшей плѣши, а вмѣсто румяныхъ щекъ—какое-то подобіе печенаго яблока. «Нѣтъ, чортъ возьми!—подумалъ онъ:—надо торопиться; а то этакъ свистуномъ, пожалуй и на всю жизнь останешься!» Сказалъ и сталъ думать. Походный чемоданъ его давно потерся. Шкатулка съ бритвами, помадой, гребешками и духами тоже потерлась. И самъ онъ какъ будто полинялъ и потерся. Сидоръ, былой его денщикъ, а теперь тоже отставной, какъ и онъ, гдѣ то снялъ садъ и рыбную ловлю. Лошади перевелись. И не будь еще добрыхъ людей на свѣтѣ, то и самъ Фабриціусъ, отставной уланскій ротмистръ, послѣ службы въ бѣднѣйшихъ закоулкахъ, гдѣ-нибудь уже замерзъ бы или спился съ кругу.

Добрый человѣкъ нашелся. Это былъ магнатъ и въ то время предводитель дворянства того уѣзда, куда пріѣхалъ Щебет-

ковскій, Акимъ Захарычъ Гончаренко, который въ самую критическую минуту жизни Фабриціуса, когда послѣдній уже жилъ въ какой-то конурѣ и голодалъ, снялъ откупъ по всей губерніи и далъ ходъ Фабриціусу. Антонъ Степанычъ явился къ нему въ одномъ старомъ, потертомъ сюртукѣ, убитый и отупѣлый отъ неудачъ и бѣдности, и принялся работать, какъ муравей. Копался, копался и самъ въ концѣ зашибъ копѣйку. Гончаренко нажилъ баснословныя сотни тысячъ и, не почивши на лаврахъ откупа, взялся за другія дѣла. А Фабриціусъ, уже пятидесятилѣтній старецъ, болѣе склонный къ покою, сказалъ себѣ: «баста!» и превратился въ панка-хуторянина, какимъ его мы и нашли по сосѣдству Щебетковскаго. Въ службѣ его по откупу прошло около пятнадцати лѣтъ. Когда онъ очутился снова на покоѣ, въ маленькомъ, уютномъ фольваркѣ, то были годы, когда уже не сунешься свататься. Задоръ женитьбы канулъ у него вмѣстѣ съ лѣтами. Остались отъ нѣжнаго ремесла: одна тихая, безропотная наружность, сладкій взоръ, робкій голосъ и все еще изъ подтишка лукаво-плутоватые помыслы, при видѣ всякой здоровой бабенки или прилично-состоятельной и молоденькой барышни. Поселившись на хуторѣ, онъ обзавелся пчелами, огородомъ, сталъ держать на арендѣ шинокъ, отдавать въ наемъ землю и отъ зари до зари ловить перепеловъ на дудочку. Это было его любимое занятіе. Тутъ на волѣ разыгрывались его несбывшіяся романическія грезы о женитьбѣ. Списокъ невѣстъ онъ какъ-то нашелъ и разорвалъ его, хлопнувши себя по лысинѣ и залившись горькими-горькими слезами. А списокъ имянинниковъ и имянинницъ оставилъ у себя и, приспособя его къ новому сосѣдству, пополнилъ и расширилъ...

Снова, уже въ качествѣ степеннаго сосѣда, начались разъѣзды его изъ мирнаго фольварка. Фабриціусъ ѣздилъ уже, какъ свободный дворянинъ-помѣщикъ, хотя мелкопомѣстный и, какъ о немъ выражались, что онъ помѣщикъ, какъ за денежку пистолетъ. Въ дни выѣздовъ, занявши лошадку у сосѣдняго попа, онъ не хотѣлъ по прежнему явиться безъ пріятностей. Къ каждому сосѣду или сосѣдкѣ, въ гостинецъ, онъ привозилъ либо пѣтуха своего завода, либо банку варенья, зажитую у какой нибудь пріятельницы-скопидомки, либо просвиру съ частичками—изъ ближняго монастыря. И простыхъ людей онъ не обходилъ. Сосѣдніе хуторяне-мужики его боготворили. Онъ имъ писалъ иконы, дѣлалъ веретена, красилъ ведра и давалъ совѣты о разныхъ домашнихъ лѣченіяхъ. Но вотъ бѣда: знакомые въ шутку, разъ навсегда, сохранили за нимъ имя «жениха» и уже иначе его не звали. Нося парикъ, желтую нанковую пару и большую печатку у часовъ, въ торжественные дни онъ иногда надѣвалъ на шею бѣлый кисейный, густо накрахмаленый платокъ, высоко и чопорно, какъ жабо, подпиравшій его гладенькій, выбритый подбородокъ и

худощавыя, мѣдно-красныя, морщинистыя щечки. Въ гостяхъ вообще онъ держалъ себя гордо, боясь насмѣшекъ и обижаясь при малѣйшемъ видѣ издѣвки надъ собою. Особенно высокомѣренъ онъ былъ съ дѣтьми, и гдѣ, бывало, соберется ихъ веселая гурьба, тамъ уже онъ ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ надутый индѣйскій пѣтухъ.

Не оставляли его иногда насмѣшками и взрослые. Да и была тому причина. Всѣхъ поражало то, что гдѣ бы онъ ни былъ, въ своей нанковой парѣ (такой желтой, что въ ней онъ издали казался канарейкой)—это пара была постоянно чиста, какъ съ иголочки. А между тѣмъ, онъ ее никому не отдавалъ мыть и жилъ въ гостяхъ иногда по мѣсяцамъ. Шалуны-молодежь стали наблюдать за нимъ и подсмотрѣли, что бѣднякъ... самъ мылъ свое бѣлье и платье! Если онъ загостится, бывало, гдѣ нибудь долго, высмотритъ въ саду прудъ или рѣчку, шмыгнетъ туда, подъ вечеръ, или рано поутру, выберетъ кустикъ, раздѣнется до нага, осмотритъ платье, тутъ же, что надо, самъ заштопаетъ, вымоетъ все: карпетки, рубаху, штаны, и развѣситъ все платье сушиться по кустамъ, а самъ войдетъ въ воду. Сядетъ и станетъ дожидаться, плескаясь, посвистывая и кидая въ воду камешки. Когда все высохнетъ, онъ выйдетъ, умоетъ съ мыломъ лицо и руки, выполощетъ ротъ, одѣнется и явится въ домъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Иная еще странность его состояла въ томъ, что для собакъ онъ за обѣдомъ всегда дѣлалъ изъ хлѣба катышки и клалъ ихъ въ карманъ; а послѣ обѣда ходитъ, бывало, по двору и раздаетъ ихъ собакамъ, приговаривая: «вотъ это, Налетай, тебѣ! а вотъ это, Брунька, или Шумило, тебѣ»! Собаки вездѣ знали его и, вертя хвостами, расхаживали за нимъ по двору. Еще любилъ онъ, въ гостяхъ ли или дома, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, поютъ сверчки. И если ихъ тамъ не было, то онъ самъ ловилъ ихъ и напускалъ. По цѣлымъ вечерамъ, бывало, особенно зимой, сидитъ на постели и слушаетъ ихъ, покачивая въ ладъ головою, и приговариваетъ: «мои дѣтки, мои кузнечики, пойте, пойте! кричите»! Хозяйствомъ его на хуторѣ завѣдывала «наймичка»—толстая и старая, кривая на одинъ глазъ, работница. Злая отъ природы и ругавшаяся съ утра до вечера, она ухаживала за Антономъ Степанычемъ, какъ за ребенкомъ. Доя корову, варя ему обѣдъ, обмывая и обшивая его, она служила ему всѣми силами; но тѣмъ не менѣе обкрадывала его и таскала въ свой сундучекъ всякую плохо залежавшуюся его вещицу. А Фабриціусъ, обезпеченный въ насущномъ, являясь изъ разъѣздовъ по гостямъ, сниметъ себѣ нанковый сюртукъ, надѣнетъ халатъ, подпояшется платочкомъ, надѣнетъ зеленый картузъ съ утинымъ длиннымъ козырькомъ, возьметъ перепелиную дудочку и сѣтку и пойдетъ бродить по гречихамъ, просамъ и овсяницамъ. «А куда это вы, Антонъ Степанычъ»?—спрашиваютъ его

окружные помѣщики, разъѣзжая на бѣговыхъ дрожкахъ по своимъ полямъ и завидя его гдѣ нибудь подъ кочкою, въ лощинкѣ, или по поясъ въ червонно-золотыхъ, сверкающихъ колосьяхъ пщеницы.—«Куда вы идете»?—«Въ Петриковку-съ, Петриковку-съ»!—кричитъ Фабриціусъ, улыбаясь и раскланиваясь изъ пщеницы клеенчатымъ зеленымъ картузомъ.—«А оттуда куда»?—«Въ Путиловку»!—И отмахиваетъ онъ такимъ образомъ верстъ по пятнадцати и болѣе въ сутки. По праздникамъ онъ и теперь ходитъ за пять верстъ, или ѣздитъ, когда за нимъ пришлетъ отецъ Афанасій, въ церковь села Ратушекъ, гдѣ помѣщикъ тридцатый годъ уже живетъ въ отлучкѣ за-границей. Тамъ онъ, хотя и лютеранинъ, у пріятеля-священника пьетъ чай, толкуетъ о грѣхахъ міра сего и о политикѣ, и незримо катятся его часы. Одного равнодушно не можетъ до сихъ поръ слышать Антонъ Степанычъ: это—рѣчи о чьемъ нибудь сватовствѣ... Какъ старая почтовая лошадь, готовая ежечасно и непрошенно стать въ оглобли лихой кибитки, и какъ потерявшій въ болотахъ здоровье охотникъ, любовно натравляющій въ кабинетѣ молодыхъ щенковъ,—онъ донынѣ замираетъ и трепещетъ, чуть услышитъ о какомъ нибудь любовномъ похожденіи. Но самъ онъ уже давно далекъ отъ мысли о семейномъ счастьи. Когда же имянинниковъ не имѣется, а дудочка не манитъ уже въ поле, его занимаетъ ручной журавль, живущій у него въ саду...

Что за милый, степной журка!

Этотъ журавль, лѣтъ за пять назадъ, Богъ вѣсть кѣмъ подстрѣленный, упалъ у него на выгонѣ, близъ хутора Щебетковскаго, долго кричалъ и кидался, съ перебитымъ крыломъ, на обступившихъ его мальчишекъ съ Калинова-Овражка; но потомъ, взятый подъ покровъ Антономъ Степанычемъ, освоился, выздоровѣлъ и уже не покидалъ его гостепріимнаго фольварка. Зимою онъ жилъ на кухнѣ и въ сараѣ съ птицею, а лѣтомъ важно шагалъ по двору, клюя всякую всячину, воюя съ дворовою собакой. За то весною и осенью, когда по небу тянулись вереницами его свободные крылатые тооварищи, онъ стоялъ на одной ногѣ, задумавшись, среди двора, иногда по-цѣлымъ днямъ, съ холоднымъ отчаяніемъ закинувши кверху свою голову съ черными, сверкающими глазами и печально отставивши перебитое крыло. Онъ стоялъ, стоялъ, и вдругъ начиналъ дѣлать неистовые, уморительные прыжки, силясь подняться на воздухъ... Но, исколесивши попусту весь дворъ и садъ, опускался гдѣ-нибудь на крышу сарая и важно сходилъ оттуда по лѣстницѣ, какъ бы раздумавши летѣть, и, принимаясь для развлеченія глупо долбить носомъ траву, снова отправлялся мѣрно шагать по двору и уже болѣе не слѣдилъ въ небѣ криковъ и полета своихъ крылатыхъ товарищей... Одинъ Фабриціусъ, подмѣтя гдѣ нибудь изъ за угла, горько усмѣхался, утиралъ рукавомъ слезы и говорилъ: «Нѣтъ, врешь, братъ

ты‘ журка! Не полетишь; хоть бы и хотѣлось, не полетишь! У тебя крыльевъ нѣту! Вотъ—что! Крыльевъ нѣту, журавлище»!..

IV.

Прасковья Кондратьевна Дженджеръ.

ЭТОМУ-ТО человѣку одинъ разъ, какъ уже обжились между собою и вдоволь ознакомились, Щебетковскій предложилъ такой вопросъ:

— Скажите, въ самомъ дѣлѣ, Антонъ Степановичъ, есть у насъ въ околоткѣ хорошія невѣсты?

— То есть, какъ хорошія?

И Фабриціусъ насторожилъ уши.

— Ну, просто хорошія: красивыя, богатыя, умныя, или, какъ тамъ еще говорятъ?—Вы же мнѣ совѣтовали жениться, помните, и выхвалялись быть сватомъ!

— Да, точно я, дѣйствительно, я совѣтовалъ...

Старикъ задумался.

Мѣсто, гдѣ случайно сосѣди встрѣтились, была извѣстная уже плотина, соединявшая ихъ усадьбы. Густыя вербы, отѣнявшія ее, потеряли счетъ годамъ. Съ одного конца ея, къ хутору Щебетковскаго, устроена была мельница. Тутъ, выбравши зеленое, прохладное затишье, особенно любилъ проводить время Фабриціусъ, иногда съ удочкой, а иногда и такъ, усѣвшись надъ темнымъ омутомъ и свѣсивши съ мельничнаго лежня на воздухъ ноги. Сосѣди и теперь помѣстились между рабочихъ, старыхъ, мшистыхъ колесъ—Иванъ Ильичъ въ модной бархатной полукофточкѣ, а Фабриціусъ въ неизмѣнномъ зеленомъ халатѣ и въ картузѣ съ утинымъ козырькомъ.

Трудно было выбрать болѣе укромное мѣстечко. Кругомъ торчали сквозящіе, влажные листья водныхъ порослей. Султаны и метелки старыхъ и новыхъ камышей махровымъ ободомъ огибали поверхность залива. Съ колесныхъ лопатокъ и со стѣнъ амбара звучно падали свѣтлыя капли воды. Между ветхихъ засововъ пробивались и кое-гдѣ, по доскамъ, шуршукали тѣже вороватыя струйки, просачиваясь изъ запертой, въ верхнемъ жолобѣ, рѣки, отъ мощнаго напора которой, по временамъ, сильно вздрагивалъ весь мельничный станъ, съ навѣсами и переходами, съ тяжелымъ, взброшеннымъ на воздухъ маховымъ колесомъ и съ цѣлою сѣтью свойственныхъ каждой незатѣйливой хуторянской мельницѣ колышковъ, тычинокъ, дощечекъ и жердочекъ. Въ этомъ напорѣ постепенно чудилась Антону Степанычу его собственная, невозвратно-мелькнувшая молодость, съ бубенчиками и съ тройками, съ переѣздами по вся-

кимъ уголкамъ,—молодость, которая будто рвалась къ нему изъ кокого-то затвора, изъ какого-то далекаго перехода. Такъ всегда грезится добрымъ, мечтательнымъ старикамъ! Казалось, обычная картина оживится. Отъ угла платины покажется, весь перепачканный мукою, мильникъ; пройдетъ онъ извѣстными, протоптанными у всякой мельницы тропинками, отъ мосточка къ спуску и отъ спуска къ амбару, шагнетъ съ плотины на доску, перекинутую къ рабочимъ хотокáмъ, покопается въ верхнемъ жолобѣ, повернетъ таинственную рогульку и скроется въ нижнія амбарныя сѣни, причемъ только блеснетъ на солнцѣ его полная, широкая, усыпанная мукою лысина. Колесо медленно повернется, пуститъ изъ-подъ себя первую молочную струю, и пойдетъ бить въ шумной пѣнѣ сѣрыми, сверкающими лопатками. Столбъ серебристой пыли съ радугою на верхушкѣ, встанетъ надъ омутомъ. Двѣ—три лягушки съ азартомъ прыгнутъ съ берега изъ камышей. А со старой мельничной крыши взлетитъ и пойдетъ тихо кружиться въ небѣ огромная стая голубей, согнанныхъ далеко слышнымъ гуломъ и грохотомъ мельницы. Но мельница, какъ и молодость Антона Степаныча, на этотъ разъ молчала...

— Вы на то не смотрите,—началъ старикъ,—что я остался на всю жизнь холостякомъ, такъ сказать, свистуномъ-съ! Когда я былъ уланомъ и еще служилъ подъ Мелитополемъ, я не разъ даже пытался и увозить помѣщичьихъ дочекъ! И красавицъ, Боже мой, какихъ красавицъ! Бывали темныя ночи, шумѣлъ вѣтеръ; а мы съ Манвелловымъ, или съ Скрипицынымъ, съ товарищами, стоимъ, бывало, и ждемъ на тройкѣ. И кабы не перехватили насъ одинъ разъ, навѣрное бы увезъ и женился! Да не удалось! Потому что нѣтъ, скажу вамъ прямо, нѣтъ на свѣтѣ такого счастья, какъ имѣть добрую, вѣрную и, можно сказать, хорошую жену! Сказано въ писаніи, помните?—рече Господь: не добро быти человѣку едину, сотворимъ ему помощницу по нему... Ну, да что дѣлать! Эхъ-ма! Самъ-то я остался холостякомъ... Да-съ!

— Это все такъ, Антонъ Степанычъ; только вы на мой вопросъ прямо не отвѣчали. Я васъ спрашиваю: какія такія, въ самомъ дѣлѣ, есть у насъ въ околоткѣ хорошія и достаточныя невѣсты?

Старикъ сдвинулъ губы и преважно задумался. Онъ начиналъ входить въ свою колею. Былыя стремленія вновь зашевелились въ его головѣ.

— Хорошія и достаточныя? Извольте! Знаемъ мы такихъ, очень многихъ знаемъ! Напримѣръ... Да нѣтъ, вы прежде мнѣ скажите, въ шутку вы, или настоящимъ образомъ меня спрашиваете? Я объ этомъ шутить никакъ не могу: ни-ни! Уже это должно идти по порядку...

— Помилуйте, какія тутъ шутки! Ей-Богу, я говорю вамъ напрямикъ. Посватайте, я и женюсь!

Щебетковскій даже испугался. Съ такимъ рѣдкимъ спеціалистомъ по этой части, каковъ былъ его сосѣдъ, надо было все дѣлать въ народѣ и съ приличіемъ.

— Извольте!—сказалъ, подумавши, Фабриціусъ—извольте! Сѣмененковы барышни есть! Тамъ ни отца, ни матери нѣту; понимаете? и все на возрастѣ уже! По семнадцати душъ приданаго будетъ и земли по полтораста десятинъ, удобной и неудобной!

— Фи, полноте! это неподходящія! По боку ихъ, по боку! Еще!

— Еще: Ковалевъ, Григорій Лукичъ; недалеко живетъ; у него дочка есть и племянница. За дочкой сто десятинъ земли и винокурня, на Дядьчинѣ; очень выгодный кусокъ! А за племянницей еще, въ Почепѣ, есть домикъ порядочный,—она оттуда!

— Еще, еще, Антонъ Степанычъ! Это все мало...

— А еще: вдова поручица въ уѣздѣ есть, молоденькая, да такая черноглазая и разухабистая; все офицеры за ней волочатся... Мухина тоже помѣщица за Ястребцами; у этой двѣ дочки и сынъ; за дочками побожилась отдать по хутору и лѣсъ. А то есть еще Чекменевъ, сахарный заводчикъ. У исправника тоже хорошенькая дочка, да чуть ли еще не институтка; славно играетъ на фортепьянахъ, что чудо,—только не много... какъ бы сказать?—какъ будто изъ себя худощава—ну, да онѣ всѣ, эти институтки, уже такія сухопарыя; грифеля да мѣлъ, говорятъ, со стѣнъ зубами грызутъ, для интересу!

— Нѣтъ, Антонъ Степанычъ, нѣтъ; и это все неподходящія. Вы уже поищите мнѣ такую, чтобъ въ носъ било: знаете, голубчикъ, капиталъ ли, такъ капиталъ, души ли, такъ чтобы сотнями считались! Чтобъ не даромъ и дѣло начинать! Тогда и вы останетесь не въ накладѣ; я вамъ за труды прямо обѣщаю порядочный кушъ...

— Полноте, что вы!—сказалъ, краснѣя какъ ракъ, Фабриціусъ:—да я и такъ радъ. Что вы? Я и такъ очень радъ, по чести увѣряю!

Старикъ вздохнулъ и задумался.

— Да!! что же я? вотъ вамъ!—сказалъ онъ, спохватившись:—вотъ вамъ невѣсты, да и не одна, а нѣсколько, именно разомъ три! Дженджерька, Прасковья Кондратьевна, пани Дженджериха, какъ ее тутъ называютъ, съ дочерьми! Ну, да и курьезная же эта дама,—ха-ха-ха! Право! стараго, знаете, такого покрою; чуть не въ серпянкѣ ходитъ и по-малороссійски говоритъ. Это чистая рѣдкость! Впрочемъ, она женщина вполнѣ добрая, семьянинка и любитъ очень своихъ дочекъ. Всего же у нея, прямо сказать, полная чаша! Только этимъ хохлацкимъ, грубымъ нравомъ домъ ея вамъ, пожалуй, не понравится.

— Оно, разумѣется,—сказалъ модный статскій совѣтникъ:— не хотѣлось бы себя продавать какой нибудь дегтярницѣ. Какъ-то морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомнишь, какія бываютъ убоища, хоть и богатыя! А впрочемъ, Антонъ Степанычъ, скажите, сколько Прасковья Кондратьевна эта, или какъ ее тамъ вы зовете, Дженджериха, что ли, даетъ за своими дочками приданаго?

— Да тысячъ по восемьдесятъ ассигнаціями дастъ за каждою. Накопила таки за свой вѣкъ! Ну, и за другимъ прочимъ не постоитъ! Будутъ разумѣется, и вороха перинъ и подушекъ—ха-ха-ха!—мотковъ и нитокъ, боченковъ меду и наливокъ, и сундуки со всякимъ добромъ, съ придаными рубашками и простынями, платьемъ и шубами; даже... пеленки для будущихъ дѣтей, внучатъ, говорятъ, наготовила! Вы уже не прогнѣвайтесь! такъ велось еще здѣсь въ старину, такъ у иныхъ и донынѣ ведется!

Щебетковскій внутренно улыбнулся. — Семъ-ка, съѣздимъ, изъ любопытства!—подумалъ онъ, а мысли говорили:—«какое бы тамъ убоище не было, а все-таки восемьдесятъ тысячъ чистогану,—поѣдешь въ Петербургъ и опять дѣла устроишь!»

И онъ тихо спросилъ, не поднимая головы:

— А гдѣ, Антонъ Степанычъ, живетъ эта помѣщица?

— Гдѣ живетъ?—Да верстахъ въ тридцати будетъ, и еще моя пріятельница!

— Ну, такъ знаете что? Поѣдемте-ка къ этой помѣщицѣ, не откладывая въ долгій ящикъ, и поѣдемте въ первый же свободный день? Черезъ недѣлю, напримѣръ! Согласны?

— Поѣдемте!

И пріятели ударили по рукамъ.

Черезъ недѣлю, какъ сказано, Щебетковскій и Фабриціусъ собрались и поѣхали. Старикъ, разумѣется, надѣлъ свою нанковую пару, а Щебетковскій употребилъ не мало средствъ для придачи своей наружности свѣтскаго и изящнаго вида. Тщательно выбрилъ смугло-матовыя щеки, подрумянилъ помадою губы, надушился. Наконецъ, изъ свѣжаго запаса Петербургскаго платья надѣлъ самое модное и свѣжее и покатилъ.

Выѣхали новые пріятели въ превосходный вечеръ, когда съ Калиноваго-Овражка доносились звуки пѣсенъ, а деревенское стадо медленно шло по горѣ къ рѣкѣ.

— Скажите Антонъ Степановичъ, какъ нажила свое состояніе пани Дженджериха?—спросилъ дорогою Говоруха-Щебетковскій:—и какъ ея настоящая фамилія.

— Дженджеръ! А нажила она очень просто, какъ и всѣ мы грѣшные люди: трудомъ и стараніями!

И Фабриціусъ сталъ по пути съ увлеченіемъ разсказывать ея исторію.

Щебетковскій соображалъ ее по своему...

Прасковья Кондратьевна Дженджеръ была когда-то сирота

и жила на хлѣбахъ. Потомъ вышла, на сороковомъ году, замужъ за вдовца-городничаго, овдовѣла и успѣла послѣ смерти мужа, неусыпными заботами сколотить порядочный собственный капиталецъ. Теперь ей было лѣтъ уже подъ семьдесятъ. Лучшаго типа послѣдней, умирающей, старосвѣтской украинской женщины-помѣщицы и хозяйки прошлаго вѣка трудно было найти. Она доживала дни, какъ исключеніе, какъ забытая мода, какъ снѣгъ укрывшійся въ глубинѣ степной лѣсистой балки до жаркихъ дней апрѣля. Вся жизнь ея была рядъ хлопотъ о пріобрѣтеніи, хлопотъ безпорядочныхъ, урывками, обо всемъ, отъ земледѣлія, дававшаго ей крупные барыши, до полученія кровныхъ пятаковъ съ послѣдней свиньи, двадцати грядокъ огорода и грубаго вязанья или шитья полдюжины или дюжины, работавшихъ отъ зари до зари, до отупѣнія мозга и ослѣпленія глазъ, несчастныхъ горничныхъ дѣвчонокъ. Кормъ и содержаніе послѣднихъ всегда, въ годичномъ итогѣ, превышали доходъ съ производимаго ими шитья и вязанья кружевъ. Хлопоты о доходахъ не имѣли ни особой цѣли, ни причины. Все давно уже было у нея полной чашей. Но заботы не прекращались. Каждый шинкарь, каждый сгонщикъ скота и барановъ, каждый промышленникъ въ засаленной дубленкѣ былъ ея почетнѣйшимъ гостемъ. «Ахъ, бѣдная, какъ она трудится!»—говорили о ней сосѣди: «это все для дочерей! Вотъ истинная мать!»—Такъ и она любила говорить о себѣ и такъ думала сама. Но нѣтъ! Эта жажда, эта скорѣе жадность пріобрѣтенія, уничтожавшая въ ней подъ-часъ подобіе женщины, коренилась въ другомъ и имѣла другія причины. Безъ этихъ хлопотъ она просто не могла бы жить. Умирай ея всѣ дочки или выдай она ихъ неожиданно всѣхъ за князей, она все-таки не угомонилась бы — и также бы водилась со сгонщиками и шинкарями, грубо божилась бы надувая купца при продажѣ хлѣба и всякой рухляди, и сама, умирая, думала бы объ одномъ: «Ахъ, прахъ ихъ побери! Вѣдь пшеница подоспѣла... Чего добраго, эти дуры еще пропустятъ, и она осыпется!»—Дѣятельность и бойкость ея по хозяйству доходили до изумительныхъ размѣровъ. Но она любила пощеголять и своей любовью къ дочкамъ...

Одна дочка ея когда-то была пристроена замужемъ; но умерла отъ родовъ, вскорѣ послѣ брака. Три другія оставались дѣвами... Средняя, двадцати семи лѣтъ, была нѣженкою любимицею Прасковьи Кондратьевны. «Боже-жъ мой, милый Господи!»—говорила она часто двумъ-тремъ смиреннымъ посѣтительницамъ изъ мелкопомѣстныхъ, со свойственнымъ ей, какимъ-то неистово-лихорадочнымъ увлеченіемъ, причемъ грубыя морщинистыя руки ея, охорашивая ленты чепца или платье на застарѣвшей дочкѣ, дрожали, а старое, загорѣлое лицо, особенно ротъ, поводились конвульсіями: «Что это за дочка у меня была! И какая бѣлая была! Такая бѣлая, такая бѣлая! Да

одинъ лѣкарь ее чѣмъ-то намазалъ, шельма, анаѳемская душа,—такъ съ тѣхъ поръ она, какъ почернѣла, какъ почернѣла, да и до сихъ поръ почернѣла!» И конвульсивное движеніе перебѣгало по всему лицу ея, заставляя трястись и качаться оборки огромнаго, старомоднаго чепца въ видѣ пернатаго сказочнаго шлема. Эту же дочку, впрочемъ, и теперь еще она колотила собственными руками, не менѣе разу въ полгода.

Собственно такъ называемое любимое хозяйство Прасковьи Кондратьевны, сохраняя слѣды стариннаго украинскаго домоводства, состояло изъ нѣсколькихъ скоповъ масла, молока и варенья, меда и холстовъ. Холсты, впрочемъ, самаго грубаго, допотопнаго свойства, шли въ продажу оптомъ, или мѣнялись, для приданаго дочерямъ, на болѣе хорошіе холсты. Но она чутко понимала и новое дѣло въ хозяйствѣ. Похоронивъ своего мужа, который вообще былъ просто колпакъ, она купила лѣсу и тотчасъ устроила рубку дровъ. Продала ихъ тысячъ на тридцать ассигнаціями; потомъ стала устраивать овечій заводъ. Въ пять лѣтъ у нея по полямъ ходило уже тонкорунное стадо въ тысячу головъ. Не забывалось и хлѣбопашество. Прикупая мало-по-малу земли, она жила безвыѣздно въ своемъ хуторѣ и отнюдь не представляла брюзгливой, сварливой, разслабленной и плаксиво-скупой или падкой на одно ханжество старушенки. Напротивъ, это была въ полномъ смыслѣ слова «женщина-гренадеръ», вершковъ въ десять росту, увѣрявшая съ молоду, что если бы она была не женщина, то въ полкъ бы пошла служить и до генераловъ бы дослужилась. Вся она хранила отпечатокъ неслыханной бойкости и смѣлости. Напримѣръ, говорятъ, ни съ того, ни сего какъ то представилось ей, что подати беретъ не казна, а сами чиновники, и она положила не давать денегъ по рекрутскимъ участкамъ. Пріѣхалъ чиновникъ. «Не дамъ денегъ»!—Тотъ вспылилъ. Она на него. Онъ говоритъ:—«Отчего вы не платите»?—Она ему:—«А ты, шельма, сорви-голова, прежде давай росписку»!—«Вы надуете! Росписки не будетъ!»—«А?!. Когда такъ, такъ ты обманщикъ? Дѣвки! бабы! сюда!» Пятнадцать бабъ въ это время подобострастно трепали во дворѣ ея ленъ. Она гаркнула «розогъ»! Розги принесли; чиновникъ было бѣжать, но его разложили, по ея командѣ, и высѣкли, какъ нельзя лучше. «Чтобъ не обижалъ дамскаго полу, чтобъ сиротъ не трогалъ»!—причитывала она. И что же. Чиновникъ уѣхалъ, какъ встрепанный, и даже не жаловался. И въ самомъ дѣлѣ, какъ жаловаться! Носила она, правда, чепчикъ; но за то носила и сапоги. Сверхъ юбки изъ простой, темной фланели, въ будни она по плечамъ и поясу перевязывалась на-крестъ какимъ-то вѣчнымъ кашемировымъ платкомъ. И тогда казалось, что она облачалась въ кольчугу и прочіе доспѣхи. Смѣялась она громко. Въ жару, на работѣ, потъ съ лица утирала прямо концомъ подола. На сѣнокосахъ и во время жатвы хлѣба, равно какъ и при ого-

родномъ или строительномъ дѣлѣ, Прасковья Кондратьевна стояла, какъ вѣрнѣйшій прикащикъ, на часахъ, не умолкая тарантѣть по-малороссійски всякіе выговоры и во всеуслышаніе умывать головы неисправныхъ вассаловъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ же, снявъ предварительно съ руки вязаную нитяную перчатку, она при всѣхъ трепала за чубъ, приговаривая: «А вотъ, когда я тебѣ, Митрò, совѣтовала огородъ загородить, такъ ты и не послушался; а теперь у тебя свиньи поѣли рассаду, и не изъ-чего будетъ твоей женѣ борщу сварить»! Вспудренный Митрò, малый въ косовую сажень ростомъ, на это только встряхивалъ волосами, смиренно цѣловалъ ручку у Прасковьи Кондратьевны и снова становился къ своему дѣлу. По сорнымъ ли залежамъ, по камышамъ ли, или по лѣсу предстоялъ ей путь, она не задумывалась, приподнимала юбку и съ черешневою длинною палкою, всегдашнею спутницей, шла, разбивая межи и борозды будущихъ пахатей и покосовъ. На гумнѣ иногда столбомъ стояла пыль отъ вѣянья проса или пшеницы. Волы вывозя, по близости ея, мякину, чихали и мотали мордами; а она непоколебимо высилась въ своемъ чепцѣ, среди шума и пыли, какъ ни въ чемъ не бывало, и возвращалась домой съ цѣлыми пуками колосьевъ въ волосахъ и платьѣ, что предоставляла обирать своимъ дочкамъ. Какъ истинная старосвѣтская, степная помѣщица, она была хозяйкой и въ полѣ, и дома. Крылечко ея было за солнцемъ. На немъ постоянно сохли на веревкахъ цвѣты и лечебныя травы: ромашка, шалфей, бузина, мята, заря, деревей и звѣробой. Въ сѣняхъ висѣли кулечки, мѣшечки и корзиночки, полныя всякаго добра. Что-же, значитъ, была самая кладовая? Туда хоть и не заглядывай! Извѣстно только, что оттуда, на угощенье гостямъ и на продовольствіе хозяйки, выходили такія горы луку, грибовъ, маку, меду, яицъ, варенья, всякихъ сушеній и соленій, что можно было, кажется, ими прокормить цѣлую армію! Иногда видѣли, какъ она въ полѣ сидѣла близъ рабочихъ, на землѣ, воткнувъ передъ собою огромный синій зонтикъ, и вязала подъ нимъ чулокъ, а тутъ-же, близъ нея, розгами наказывали какую нибудь ослушницу, не пришедшую во-время полоть хлѣбъ или поливать бакши. И она на пискъ бабы приговаривала: Такъ тебѣ и надо; я и чиновниковъ за лукавство сѣкла! А тебя и подавно»!

Чубы съ весны рано начинали трещать у ея мужиковъ. За то ранѣе другихъ у нея начинались и покосы и уборка хлѣбовъ. Съ осени домъ ея не переставалъ принимать купцовъ и окрестныхъ торгашей. Одному она продавала медъ и вoскобойни, другому пшено, третьему ленъ, четвертому овецъ и лошадей изъ маленькаго собственнаго конскаго завода, куда сама она выбрала и отличнаго заводскаго жеребца. Купцы у нея пили чай въ дѣвичьей; сама она съ ними хоть и якша-

лась, но говорила: «То — купецъ; а я, какая-бы ни была, а всетаки дворянка»!

Освобождаясь иногда отъ работъ, что впрочемъ было рѣдко, она предавалась нѣгѣ домашняго очага,то-есть въ это время какъ-то сладко и мечтательно распускалась, точно таяла. Тогда она, неожидинно и по долгимъ часамъ задумывалась, глядя неопредѣленно на шкафъ или на вышитую подушечку подъ ногами, порывисто вздыхала и, вся разчувствовавшись и раскраснѣвшись, какъ послѣ жаркой бани, вдругъ начинала рыдать... Дочки, сидя тутъ же въ комнатѣ и никакъ не ожидая такого припадка отъ маменьки, вскакивали и, сердясь, говорили: «Что это, право, маменька; дожили до сѣдыхъ волосъ, а тоже нѣжничаете!» Но о чемъ носилась мыслями въ это время пани Дженджериха, оставалось для всѣхъ тайною. «Глупые вы дочки!»—говорила она только на это, успокоившись и утирая ротъ—поживите съ мое, тоже узнаете, что такое слезы! А теперь, Господа благодаря, по правдѣ сказать, — всего у насъ вдоволь!» Она отправлялась спать въ маленькую комнатку съ огромною двуспальною периной, предметомъ особенныхъ попеченій ея съ отдаленнаго брачнаго времени. Дочки относили, и не безъ основанія, чувствительность маменьки къ воспоминанію о какомъ-нибудь, покойномъ уже, ея обожателѣ, и соглашались, между тѣмъ, что дѣйствительно «Господа благодаря, всего у нихъ теперь вдоволь!»—хотя обожателямъ бы тоже не мѣшало завестись и у нихъ самихъ.

Къ этой-то добродушной старой помѣщицѣ ѣхали Фабриціусъ и Щебетковскій.

Выѣхали они уже поздно и поэтому, какъ и слѣдовало ожидать на дорогѣ заночевали. Бабушкинъ тряскій экипажъ родъ колясочки прежняго времени, запряженный, пока собирался Иванъ Ильичъ со средствами, четвернею занятыхъ у сосѣдняго барышника добрыхъ лошадокъ, сильно утомилъ ѣздоковъ. Остановились они на ночлегъ, за семь верстъ до хутора Прасковьи Кондратьевны, у крестьянина въ вольной деревушкѣ, съ которымъ Фабриціусъ былъ пріятель. Пріятель однако долго не хотѣлъ отворить дверей, увѣряя все, что онъ на печи, что уже темно, и что жена не хочетъ подать ему сапоговъ.

— Стыдно, братъ! — уговаривалъ у дверей Антонъ Степанычъ:—ты, видно, пьянъ!

— Кто? Я пьянъ?!. Я пьянъ?!. Э! Ей Богу же, я не пьянъ!

Двери наконецъ отворились, и пріятелей впустили. Щебетковскій кое какъ помѣстился, впотьмахъ, гдѣ-то на лавкѣ и на другое утро, проснувшись, помнилъ, что ночью въ душной хатѣ все подъ потолкомъ что-то билось, точно милліоны мухъ сновали и колотились въ вышинѣ, да сильно кричалъ надъ самымъ ухомъ его ребенокъ. Рано поднялъ его спутникъ, усадилъ въ экипажъ, и онъ очнулся только тогда, какъ они

подъѣзжали, румянымъ и сіяющимъ утромъ, къ Дарьевкѣ, селенію помѣщицы, и оно открылось у ихъ ногъ, подъ косогоромъ, подернутое легкимъ паромъ отъ рѣки и дымомъ отъ нѣсколькихъ рядовъ веселенькихъ, загроможденныхъ хлѣбными кладями, хатъ. Двѣ цесарскихъ курицы ходили по двору Дженджерихи; утки-шавкуны, хрипя и покачиваясь, плелись отъ кухни къ колодцу.

— Барыня дома?—спросилъ Фабриціусъ дворовую бабу.

— Никакъ нѣтъ!

— А гдѣ же онѣ?

— Въ полѣ, у косарей!

— Ну, ничего! —шепнулъ въ полголоса Антонъ Степанычъ:— заѣдемъ; она скоро вѣрно будетъ!

И они, миновавъ ворота, съ форсомъ подкатили къ крыльцу. Началась обычная исторія.

Барышни вышли всѣ толпой, съ застѣнчивыми улыбками приняли гостей, тутъ же распорядились съ чаемъ, съ закускою, пригласили ихъ въ гостинную и, усѣвшись по кресламъ, раздѣлили между собой общую бесѣду. Антонъ Степанычъ съ сладкою улыбкою тутъ же разговорился о хозяйствѣ, о хлѣбахъ, о городскихъ новостяхъ, чтобы по мѣрѣ силъ, какъ онъ желалъ, замять настоящую цѣль ихъ поѣздки. Барышни были въ духѣ. Явились три шавки, жирныя-прежирныя и пухлыя какъ сами хозяйки. Средняя изъ хозяекъ, вообще болѣе оживленная и разбитная, отряхаясь какъ болонка, встала и, поправивши на головѣ младшей сестры тирбушончики, предложила, пока еще не жарко, пойти въ садъ.

Походивши по саду, гости и хозяйки едва успѣли усѣсться въ тѣнистомъ мѣстѣ, на дворовомъ крыльцѣ, какъ со стороны улицы послышался стукъ колесъ и крупный сердитый голосъ:

— Чтобъ тебѣ, шельма, и на томъ свѣтѣ, и на этомъ не было проходу! Чтобъ попрыщихи и сто болячекъ матери твоей усѣлось на спинѣ!

Такъ раздался голосъ съ улицы.

— Разбойницкая твоя душа! А и ты самъ разбойникъ!

Съ этими словами во дворъ въѣхали дрожки въ видѣ большой орѣховой скорлупы. Держа надъ собою огромный зонтикъ, въѣхала пани Дженджериха въ ворота, въ большомъ бѣломъ чепцѣ, подвязанномъ подъ подбородкомъ, въ шалевомъ черномъ платкѣ и въ сапогахъ. Гнѣвъ еще не покинулъ ея загорѣлаго, суроваго лица; темные глаза яростно и туманно блуждали, не замѣчая гостей, а руки размахивали по воздуху. Слѣзши съ дрожекъ, она взялась подъ бока у самаго крыльца и, покачивая головою вправо и влѣво, начала опять:

— Такъ ты опрокидывать барыню? А? Такъ-то ты? Вотъ я же тебя! Ну, пошелъ же теперъ и выспись; ты вѣрно жены давно не видѣлъ, оттого и задремалъ и меня въ канаву вы-

валилъ! Вонъ какъ ногу, бестія, ободралъ! Выше лодыжки, подъ самою икрою!

И, пылая гнѣвомъ, Прасковья Кондратьевна обернула къ присутствующимъ ногу, обнаживши ее выше колѣна, и сказала:

— Вотъ посмотрите!—да вдругъ и остолбенѣла...

То была чудная картина. Щебетковскій и Фабриціусъ стояли съ понуренными глазами; дѣвицы, блѣднѣя отъ стыда и досады, прятались молча другъ за дружку; а сама Прасковья Кондратьевна озадачилась и стояла, какъ дѣва на извѣстной гравюрѣ, переходящая съ приподнятою полою черезъ потокъ...

— А! это вы, господинъ Хвабриціушъ! Откуда Богъ принесъ? А это кто такой?—И Прасковья Кондратьевна, распрямляясь и щурясь на Щебетковскаго, тотчасъ же озарилась пріятною улыбкой.

— Здѣшній помѣщикъ, Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, вашъ теперешній, недалекій сосѣдъ!—съ достоинствомъ проговорилъ Щебетковскій и поклонился.

— Говоруха, Говоруха? А, знаю! Это съ Калиновки! Ну, милости же просимъ, милости просимъ,пане Говоруха! Пожалуйте въ комнаты! Дочки, просите! Милости просимъ!—И, громко говоря, смѣясь и останавливаясь, она царицею вошла въ низенкія сѣни.—Да вы, я думаю, и закусить имъ не дали, и обѣда не заказали? Хороши хозяйки, чтобъ васъ нелегкая взяла!—замѣтила она уже въ передней дочерямъ. Тѣ какъ говорится, спекли раковъ и смолчали. Но гости перебили и сказали, что давно уже позавтракали.

— А! такъ вотъ что; такъ какъ же я рада, какъ же я рада!—И лукавая пани, простодушно вводя ихъ въ комнаты, уже тихо улыбалась; а между тѣмъ сразу давно смекнула, и зачѣмъ они пріѣхали, и чѣмъ она была имъ интересна.

— Ну, давно же я васъ не видѣла, прегордый пане Хвабриціушъ!—обратилась она къ Антону Степанычу, усаживаясь на диванѣ въ гостинной; а дочки тѣмъ временемъ, одна за другою, скрывались, суетясь и хлопоча объ обѣдѣ. — Думаю себѣ: отчего бы это онъ не ѣхалъ? А у него новый сосѣдъ: вотъ оно что! Такъ, такъ! Да гдѣ-же вы изволите, или изволили служить, пане Говоруха?

Щебетковскій удовлетворилъ ея любопытство.

— Зачѣмъ же изволили пріѣхать? Погостить? А?

— Нѣтъ! имѣнье въ наслѣдство принять.

— Вельгельмины Карловны?

— Да-съ!

— Знала, знала! хорошая была помѣщица и даже немного сродни намъ! Ну, да уже богатыя бѣдному никогда не родня! А хорошо умѣла варенье покойница варить! Что же это, душечка Раичка, Лукерья? Что же это на столъ не накрываютъ?

Въ голосѣ и движеніяхъ хозяйки явились суетливость и вниманіе. Это значило, что посѣтитель ей понравился.

— Гости, я думаю,—продолжала она:—такъ уже проголодались, что всѣхъ насъ на пропалую тайкомъ бранятъ!

— Гдѣ же съ? Нѣтъ-съ; мы сыты-съ!—отвѣчалъ и за себя, и за товарища Антонъ Степанычъ, стоявшій у нея всегда на заднихъ лапкахъ...

— Такъ, такъ! О, я знаю, что панъ „старый женихъ" тонкій и деликатный человѣкъ! Ну, да Богъ съ нимъ! А что скажете о слухахъ? А вотъ я такъ слышала, что опять новая подать положена на насъ! —И Прасковья Кондратьевна смиренно сложила на колѣняхъ загорѣлыя руки и, устремя на гостей широкіе глаза, начала являть на лицѣ своемъ слѣды любопытства. Тѣ какъ-то замяли рѣчь эту; зная слабую струну хозяйки о податяхъ. Но она не угомонилась и проговорила до самаго обѣда объ извѣстномъ уже всѣмъ анекдотѣ, какъ она высѣкла земскаго чиновника и какъ тотъ смолчалъ.

— Пусть меня хоть съ конвоемъ возьмутъ, хоть въ Сибирь на поселеніе сошлютъ, а я не платила и не буду платить ни подушнаго, ни другихъ повинностей! Это еще что? Мати Божа? Плати за гимназіи, за институты! Да развѣ я въ нихъ училась?! Или мои дочки были студентами? Тьфу! А тутъ еще плати за мосты, за столбовыя дороги, за гати! Да развѣ я по нимъ ѣздила когда-нибудь? Убей меня Богъ, коли я и въ Кіевѣ, не то что въ Полтавѣ, или въ Москвѣ была! А платить я не буду и не намѣрена!

Дочки на силу уняли въ этотъ разъ маменьку и подняли ее подъ-руки, приглашая идти къ столу.

— Милости просимъ закусить; милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ!—сказала, вставая, Прасковья Кондратьевна, и гости послѣдовали за нею.

— Что это? Боже мой, какая старина! — думалъ между тѣмъ Щебетковскій, садясь за столъ:—вотъ еще какіе злаки зрѣютъ по нашимъ захолустьямъ! А нашимъ писателямъ не вѣрятъ! Да это не барыня, а сущій тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка!

Все занимало петербургскаго гостя въ этомъ оригинальномъ уголкѣ.

Вмѣсто мужской прислуги, за стульями стояли три дѣвки, толстыя претолстыя, въ чистыхъ, бѣлыхъ рубашкахъ, засученныхъ на рукахъ до локтей. Юбки на нихъ были изъ голубой и зеленой набойки, а широкія русыя, полныя косы, въ ладонь, распущены по спинѣ до колѣнъ. Щебетковскій думалъ, что онѣ переконфузятся при видѣ его. Но дѣвки бойко и съ улыбками глядѣли ему прямо въ глаза своими широкими сѣрыми глазами и даже, какъ казалось ему, усмѣхались.

Хозяйка то одной, то другой приговаривала:

— Ты.! Эй, ты! развѣ не видишь? развѣ не знаешь своего дѣла?—И дѣвки сновали, какъ мухи.

Вооружившись ложкой, Щебетковскій едва успѣлъ приняться за первое блюдо, какъ одна изъ дѣвокъ, наклонивши къ нему полные, обнаженные, сверкающіе локти, сказала:

— Вотъ покушайте этого!—У Щебетковскаго чуть вилка не выпала изъ рукъ. Явилось другое блюдо, именно цыплята въ сметанѣ; дѣвка опять нагнулась къ нему и говоритъ:

— Да вы вотъ этотъ кусочекъ возьмите; видите, какъ на васъ онъ смотритъ!

— Что за чортъ возьми!—подумалъ Щебетковскій:—Это еще что за порядки?—А дѣвка прикоснулась плечомъ опять къ нему и говоритъ:

— Скушаете крылышко, будете скоро ходить; скушаете головку, ума Богъ придастъ, а скушаете сердце, полюбятъ васъ!—Всѣ засмѣялись. Засмѣялся и Щебетковскій.

— А, прахъ тебя возьми, Гапко!—расхохотавшись, сказала хозяйка:—и гдѣ ты, вѣдьма, такому выучилась?

А въ окна пахло сиренью, и всякіе птичьи голоса щебетали изъ сада...

Другія дѣвки усердно хлопали голыми пятками и, звеня шейными крестами и монистами, быстро исполняли свое дѣло, а потомъ снова становились за стульями вдоль стѣны и стояли, не шелохнувшись, какъ свѣчки. Когда какая опаздывала и долго не появлялась съ какимъ нибудь блюдомъ, то Прасковья Кондратьевна сердилась вслухъ, краснѣла, покачивалась и говорила остальнымъ:

— Что-жъ это? Съ Никитою поваромъ слюбилась, что ли? Или занимать Христа-ради у сосѣдей пошла? Развѣ у насъ уже и соусу не стало, или огурцовъ нѣтъ? Побойтесь вы Бога и не срамите барыню даромъ!

Накушались гости не то чтобы до отвалу, а почти до изнеможенія силъ, и съ трудомъ встали со стульевъ.

Прасковья Кондратьевна не скрыла своей любимой привычки. Едва хлопая отяжелѣвшими вѣками, она встала изъ за стола и тотчасъ сказала:

— Ну, дочки, теперь же вы сами уже пока занимайте гостей, а я пойду немножко засну. А послѣ, Антонъ Степанычъ, мы съ вами запремся; нужно сосчитать деньги! Только что за арендную степь съ продажи хлѣба получили. Нашъ Левенчукъ съ ярмарки привезъ,—пять тысячъ!..

Иванъ Ильичъ поклонился, провожая ее, и не безъ увлеченія глянулъ на Раичку, Лушеньку и Грушеньку.

— Что же вы такою овечкой глядите?—шепнулъ ему при этомъ Антонъ Степанычъ:—спасовали? Э! Я не такой прыти отъ васъ ожидалъ! Останьтесь же, а я тоже пойду отдохнуть!

Прасковья Кондратьевна отправилась безъ церемоніи въ амбаръ, гдѣ было приготовлено для нея свѣжее сѣно; а Фа-

брицiусъ—въ садъ, въ пчельный сарайчикъ, гдѣ тоже было прохладно и тихо, и тоже скоро тамъ заснулъ...

Едва Иванъ Ильичъ очутился наединѣ съ барышнями, какъ неожиданно развернулся и показалъ даже большую ловкость въ обращенiи съ дѣвицами. Онъ подумалъ:—Что за чортъ! Вѣдь деревенщина! съ ними можно и подурачиться! Театра настоящаго онѣ не видѣли, искусствъ другихъ тоже не понимаютъ, то можно съ ними и побалаганничать... Лишь бы пыли въ глаза пустить и занять ихъ особенно!—И онъ сталъ, дѣйствительно, просто балаганничать. Успѣхъ былъ полный. Эти здоровыя деревенскiя лица, мало отличавшiяся отъ лицъ ихъ горничныхъ, слѣдили за нимъ, какъ за чудомъ.

Прежде онъ началъ съ анекдотовъ. Барышни просто животики надрывали. Мысль завербовать себѣ богатую невѣсту окрыляла Ивана Ильича. «Восемьдесятъ тысячъ»!—думалъ онъ, перевирая всякую чепуху изъ читаннаго когда то сборника анекдотовъ:—«не худо! не унывать». Смѣхъ слушательницъ не прерывался. Потомъ онъ проигралъ довольно бѣгло на фортепьянахъ какую то польку Фогелева и еще какой то вальсъ и спросилъ о ихъ мнѣнiи хозяекъ. Эти были въ восторгѣ. Затѣмъ онъ задумчиво взялъ нѣсколько гармоническихъ аккордовъ, спѣлъ подъ рядъ, но какъ то сухо и рѣзко, пѣсни: «Слышишь, разумѣешь», «Вдоль по улицѣ метелица мететъ» и «Катьку». Послѣднюю онъ даже пропѣлъ нѣсколько ухарски, взмахивая волосами, пригаркивая и подпрыгивая на табуретѣ. Музыку онъ кончилъ варламовскою мелодiею: «Ты не пой, соловей» и пѣснею: «Меня душитъ тоска»—и сказалъ, что это все выучилъ самоучкой. Не успѣли барышни опомнится, какъ онъ перешелъ къ фокусамъ.

— Вы тутъ станьте, а вы тутъ, а вы вотъ здѣсь! Я положу эти три шарика, выйду въ другую комнату и возвращусь; не буду смотрѣть, а узнаю, кто изъ васъ и до какого шарика дотронулся!—Ушелъ, пришелъ и дѣйствительно отгадалъ. Началъ кидать разомъ на воздухъ четырьмя картофелинами, которыя нарочно потребовалъ, и подбрасывалъ ихъ такъ, что всѣ четыре были въ одно время на воздухѣ. Словомъ, пустился на все и самъ изумлялся своей юркости. Фокусамъ онъ выучился еще въ лицеѣ у одного товарища.

Когда Прасковья Кондратьевна, въ сопровожденiи также проснувшагося Антона Степаныча, пришла,—въ комнатахъ были чистѣйшiе Содомъ и Гоморра. Полныя барышни прыгали по кресламъ, несмотря на свои лѣта и степенность, а Иванъ Ильичъ, съ колодою картъ въ рукахъ, гонялся за ними; и даже всѣ дѣвки изъ заднихъ комнатъ сбѣжались, стоя толпою и съ тупо напряженнымъ вниманiемъ слѣдя за продѣлками гостя.

— Вотъ, подите, молодежь!—произнесла хозяйка; входя въ гостиную и садясь съ Фабрицiусомъ продолжать разговоръ, на-

чатый еще въ ея комнатѣ, между тѣмъ какъ на столъ подали уже графины яблочнаго квасу, тарелки съ вареньемъ и домашнею пастилой. Утирая ротъ и заспанное лицо, Прасковья Кондратьевна искоса слѣдила за дочерьми и Говорухой и шепталась съ Антономъ Степанычемъ.

Легко было угадать предметъ бесѣды хозяйки и стараго знакомаго. Послѣдній, добродушно скрестивъ ноги и нагнувшись къ ней къ самому уху, въ десятый разъ уже повторялъ: «что сосѣдъ его и ученъ, и образованъ, и съ министромъ знакомъ, и чинъ полковницкій имѣетъ, и выгодное мѣсто занималъ, и что въ Варшавѣ тетка у него со связями есть, да и свое порядочное имѣется состояніе!» (О теткѣ онъ прибавилъ какъ всякій ловкій сватъ).

Напились чаю. Щебетковскій усталъ: такъ долго онъ проказилъ. И кто бы могъ подумать: статскій совѣтникъ и недавній петербургскій денди! Что значитъ провинція! Что значитъ невѣсты съ приданымъ! Посидя немного, онъ всталъ и отозвалъ Фабриціуса къ окошку.

— Пора ѣхать,—сказалъ онъ, отирая потъ:—велите скорѣе запрягать! На первый разъ довольно! Просто не въ моготу!

— А что, понравилась?

— Понравилась.

— Кто же, кто?—второпяхъ спрашивалъ Антонъ Степанычъ, поблѣднѣвши и даже чуть не роняя слюны отъ крайняго любопытства.

— Послѣ разскажу; а теперь поѣдемъ? Нѣтъ силъ!

— Да куда же это вы, господа?—спросила хозяйка:—только что полакомили насъ собою, да и ѣдете? Вонъ, Раичка мнѣ сказала, что вы и музыкальный игрокъ! Это очень пріятно имѣть такихъ знакомыхъ! Теперь уже мы просто нотъ не будемъ покупать: вы намъ насочиняете, а мы ихъ и спишемъ, и дѣло съ концемъ!

Щебетковскій и Фабриціусъ взялись за шапки...

— Ну, такъ вы, по крайней мѣрѣ, поѣзжайте отъ насъ не горою, черезъ Кадинцы, а вправо долиною, черезъ Мерловку: тутъ меньше горъ и мостки лучше!

Гости поблагодарили и уѣхали, почти при захожденіи солнца.

— Не хотите ли на дорогу квасу или наливки, или моченыхъ яблоковъ?—спрашивала Прасковья Кондратьевна, стоя съ дочками на крыльцѣ, въ то время какъ путники садились въ экипажъ и вся многочисленная дворня высыпала изъ всякихъ угловъ и закоулковъ глядѣть на жениха.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ; не безпокойтесь!—отвѣчали гости, усаживаясь.

— А вѣдь вы не повѣрите,—продолжала хозяйка, лукаво улыбаясь и величественно рисуясь во всей своей старосвѣтской красотѣ на крыльцѣ, въ лучахъ заходящаго солнца, какъ временъ былыхъ воеводша, одѣтая въ простой голубой шу-

жупнъ съ мелкими воротничками, въ накидкѣ и въ монистѣ:—вѣдь теперь дочки мои уже, скажу вамъ, просто убиваться по васъ будутъ! Что вы съ ними надѣлали теперь? А?! Вотъ, сказано—мужчины! И не жалко?

Барышни на это, по мѣстной пословицѣ опять спекли раковъ. Все нравилось Говорухѣ въ этой картинѣ: и беззастѣнчивая пани, и толпа дворни, и ремесло жениха, и весь этотъ теплый, уютный и домовитый уголокъ.

Давно уже Антонъ Степанычъ толкалъ его ногою. А онъ только смотрѣлъ на крыльцо и улыбался.

Но вотъ кучеръ повернулъ возжи, лошади фыркнули, и колясочка тронулась по мягкой зелени неутоптаннаго, заросшаго травою дворика, мимо густыхъ и развѣсистыхъ вербъ околицы...

— Ну, что-съ, каково?—даже вскрикнулъ дорогою Фабриціусъ, когда они успѣли миновать послѣднюю хату деревни и спускались въ Мерловскую долину длиннымъ отлогомъ лѣсистаго косогора.

Дорога эта хоть и была верстъ десять далѣе, но представляла тотъ рѣдкій, ровный, какъ по столу, путь, какіе представляетъ иногда еще на югѣ гладкая, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, ни разу не паханная, степь.

— Да ничего еще пока!--отвѣтилъ Щебетковскій.

— Какъ такъ?

— Да такъ же!

— А когда вы будете разсказывать, Иванъ Ильичъ, кто вамъ изъ трехъ барышень понравился и на какой вы думаете свататься?

— Какъ пріѣдемъ домой, тогда и разскажу!

— Ну, смотрите же! Не утаите!—отвѣчалъ старикъ.

Да нѣтъ! —думалъ въ тоже время Фабриціусъ:—Я у тебя выпытаю! Подожди, доѣдемъ до Крученокъ, стемнѣетъ...

Въ это время съ откоса холма, по которому спускался экипажъ, показалось влѣво, за долиной что то странное, село не село, фабрика не фабрика, а какая-то куча зданій со шпицами, глухими, громадными стѣнами и съ красными кирпичными трубами, какъ бываетъ въ фабричныхъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ трубахъ слышалось свистящее хрипѣніе и клокотаніе, и дымъ и паръ широкою полосой вырывались оттуда. Кругомъ и вдалекѣ шли нескончаемые лѣса...

— Что это такое?—спросилъ Говоруха, показывая въ ту сторону рукою.

— А вотъ что такое!--отвѣтилъ старикъ, отгоняя дремоту, и оживился:—вонъ, видите-ли, лѣсъ? Его тутъ ровно три тысячи десятинъ, и все дубъ, столѣтній дубъ, не чищенный и не тронутый въ продажу. Вонъ то далѣе, видите, по рѣкѣ, какъ будто все верхушки домовъ? Это—цѣлый рядъ водяныхъ мельницъ и крупчатокъ, есть тутъ и сукновальни, и

крупорушни. А вонъ то, видите, уже чуть чернѣетъ по косогорамъ, вправо и еще правѣе, далѣе? Это—овчарные загоны, тысячъ на пять и на десять овцы. Трубы же вотъ эти и стѣны—это фабрика; да какая фабрика! На пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ сахару въ годъ продается; не только здѣсь, даже въ столицахъ этотъ сахаръ извѣстенъ.

— Кому же принадлежитъ это имѣніе?

— Сиротѣ, вообразите, принадлежитъ, мальчику лѣтъ семнадцати, который еще въ Петербургѣ учится, не то въ правовѣдахъ, не то въ пажескомъ корпусѣ, а всѣмъ управляетъ опека. Фамилія этому мальчику Галайданъ; говорятъ, происходитъ отъ какого-то разбойника Галайды. Вотъ бы, Иванъ Ильичъ, желалось быть на мѣстѣ этого мальчика и курсъ кончать въ Петербургѣ!

— Да, дѣйствительно, хорошо!

Старикъ зѣвнулъ.

— Вотъ тоже, Иванъ Ильичъ,—продолжалъ онъ:—въ самыя потемки пожалуй, ночью, верстъ черезъ двѣнадцать или болѣе, придется намъ ѣхать черезъ имѣніе моего бывшаго благодѣтеля, Акима Захарыча Гончаренко. Кажется, я вамъ о немъ говорилъ?

— Какъ же, какъ же, помню! Онъ еще васъ въ люди вывелъ? Богачъ?..

— Да, этотъ Гончаренко, скажу вамъ, такъ меня любитъ и такой хлѣбосолъ, что не выпустилъ бы насъ долго; и хорошо, что мы ночью, тайкомъ, проѣдемъ мимо него. Отличный и пребогатѣйшій человѣкъ!

— Отчего же бы намъ къ нему не заѣхать?

— О, нельзя! Это—особа важная, держится строжайшаго этикета. Нельзя, сейчасъ узнаетъ, зачѣмъ мы ѣздили! Былъ здѣсь губернскимъ предводителемъ. Живетъ, однако же, больше по старинѣ, на всю губу, и вдовецъ. Къ нему надо осторожно да осторожно ѣхать, и притомъ заискать. Я вамъ даже скажу, что и не осмѣлюсь васъ ему представить. На какой еще часъ попадешь?.. Да-съ, извините

— Однако же, Антонъ Степанычъ, это обидно. Отчего же такъ?

— Э, молодой человѣкъ, нельзя, нельзя; пусть другой везетъ! Я не имѣю права, не достоинъ. Это—слишкомъ недосягаемая для меня особа! А вы, пожалуй, попробуйте!

Старикъ въ потемкахъ коварно усмѣхнулся. Щебетковскій насупилъ брови. На него повѣяло провинціальными предразсудками, и онъ поневолѣ шепнулъ себѣ подъ-носъ:

— Татарщина! Добрый человѣкъ, а падокъ Лазаря пѣть.

Проѣхали еще верстъ пять.

— Иванъ Ильичъ!

— Что?

— Какъ же насчетъ сватовства?

Щебетковскій вздохнулъ и подумалъ:—«Да, надо торопиться, пока меня еще тутъ мало знаютъ, пока еще я въ модѣ!»—и отвѣтилъ:

— Что же, я согласенъ... на Раичкѣ... на средней; она ничего!

— Еще бы! Помилуйте, восемьдесять тысячъ чистоганомъ! Да вы заживете паномъ! Что вы, по правдѣ? Небогатый человѣкъ, служили, а теперь нѣтъ. У насъ это мало значитъ. Тутъ всѣ помѣшаны на сребролюбіи...

— Ну, какъ же это сдѣлать? говорите!

— А вотъ какъ. Черезъ недѣльку мы опять туда хватимъ, а тамъ опять, потомъ уже вы одни—да съ Богомъ и предложеніе. Но прежде маменькѣ, непремѣнно! Слышите ли? Маменькѣ первой, а то обидится и ничего не дастъ! Если же вы будете въ робости, то пожалуй, я за васъ предложеніе сдѣлаю!

Щебетковскій молчалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—дайте, еще подумаю. Раиса Петровна увлекательна, полна, знаете, здорова этакъ, силы такъ и брызжутъ вездѣ; ну да все, знаете, робость пока беретъ!

— О! подумайте, подумайте; надо обдумавши всегда! — И старикъ со вздохомъ помыслилъ:—Боже тебя благослови, добрый человѣкъ! Ты, кажется, добрый и стоишь полнаго счастья! А вотъ мнѣ не удалось, не удалось!

Оба замолчали.

Дремота стала одолѣвать старика. Онъ еще повозился немного, уткнулся какъ-то бокомъ, почти носомъ, въ подкладку колясочнаго бока и заснулъ. Лошади бѣжали свѣжею рысью. Росою отдавало въ воздухѣ. Мѣсяцъ всходилъ въ эту пору поздно, почти передъ зарею, и еще не вырѣзывался. Но звѣзды освѣщали путь...

А колясочка мѣрною рысью катилась по гладкой, совсѣмъ стемнѣвшей дорогѣ...

— Позвольте же, однако!—вдругъ послышался громкій голосъ надъ самымъ ухомъ Ивана Ильича:—этакъ не водится! позвольте!

Иванъ Ильичъ открылъ глаза.

Толпа конюховъ, какіе бываютъ при большихъ богатыхъ конюшняхъ, въ черныхъ плисовыхъ поддевкахъ и въ кумачныхъ рубашкахъ, съ фонарями въ рукахъ, стояли около коляски. Въ потемкахъ непроглядной ночи виднѣлись по сторонамъ еще какіе-то люди и, казалось, вмѣстѣ съ конюхами распрягали уже лошадей.

Сквозь трнутую свѣтомъ тѣхъ же фонарей каменную рѣшетку ограды, вправо отъ улицы, гдѣ стояла коляска, виднѣлся широкій домикъ, гдѣ перебѣгали огоньки. И опять раздалось у коляски:—Позвольте, однако, позвольте! Не знаю, милостивый государь, съ кѣмъ имѣю честь говорить. Но тебя,

предатель, Антонъ, не выпущу! И какъ ты, братъ, тамъ хочешь, я уже вылѣзай! Такъ мимо пріятелей не ѣздятъ! Если бы не случай, если бы не поиски за Анчаромъ, такъ и не захватили бы тебя! Милости просимъ!

Передъ самымъ носомъ Щебетковскаго, съ огромной пенковой трубкой, изъ которой сыпались фейерверкомъ искры, стоялъ низенькаго роста, полный, лысый, съ сѣдыми бакенбардами и широкоплечій хозяинъ деревни той, названный выше другъ Фабриціуса, Акимъ Захарычъ Гончаренко. Антонъ Степанычъ, вскинувшись отъ сна и узнавши, гдѣ они и кто ихъ перенялъ, сначала было сильно струсилъ и, прикорнувши къ углу коляски, притворился, что спитъ. Но дѣлать было нечего. Надобно было вставать. Пойманные спутники встали и за хозяиномъ медленно пошли черезъ дворъ. Дорогой, узнавши отъ Антона Степаныча фамилію хозяина этой деревни, Щебетковскій, въ свой чередъ, почувствовалъ какое-то смущеніе и непонятный трепетъ. Молчаніе Фабриціуса сбивало его до невѣроятности.

V.

Акимъ Захарычъ Гончаренко.

Новый знакомецъ торопливо провелъ нежданныхъ гостей въ домъ, взялъ въ передней свѣчку, освѣтилъ ихъ съ ногъ до головы, глянулъ на Фабриціуса, качнулъ головою, сдвинулъ плечами и, показывая Щебетковскому рукою залъ, сказалъ:

— Таковъ онъ у меня уже всегда, этотъ Антонъ Степанычъ! Милости просимъ!

Въ передней Щебетковскій мелькомъ увидѣлъ оленьи и лосьи рога, прибитые съ мордами звѣрей по стѣнамъ, для вѣшанья шапокъ и верхняго платья посѣтителей.

— Милости просимъ пока въ кабинетъ!—прибавилъ Гончаренко, провожая гостей черезъ полуосвѣщенный залъ:—Антонушка, займи товарища! А я пока устрою вамъ закуску. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Щебетковскій назвалъ себя.

— Ну, господа, вы меня извините: я уже поужиналъ, а сытый голодному не товарищъ! Пока я распоряжусь, чѣмъ Богъ послалъ, а вы тутъ посидите. Завтра же познакомлю васъ съ моей семьей! Антонъ! опять осовѣлъ? Займи же гостя!

Щебетковскій и Фабриціусъ остались въ кабинетѣ, сохранявшемъ еще видъ старыхъ украинскихъ кабинетовъ. Одна вещь особенно заняла вниманіе Щебетковскаго...

На кругломъ столикѣ, у окна, видно забытая кѣмъ-нибудь,

лежала раскрытая и заложенная зеленою, вышитою шелкомъ, закладкою новенькая книжка, французскій романъ Бальзака; а возлѣ—стаканъ воды, покрытый голубенькимъ кисейнымъ шарфикомъ.

— Что это?—спросилъ Щебетковскій, подымая шарфикъ и указывая Антону Степанычу.

Фабриціусъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и, стоя у дверей, молча переминался съ ноги на ногу,

— Что вы, Антонъ Степанычъ?

— Это вѣрно...

Только и могъ проговорить старикъ. Замѣшательству его не было границъ, равно какъ и удивленію Щебетковскаго.

Пройдя невѣрными шагами черезъ комнату, Фабриціусъ дотронулся сперва до книжки, потомъ до шарфика, уставилъ на Ивана Ильича совершенно мутные глаза и вмѣсто отвѣта только могъ проговорить:

— Да-съ!

— Что такое: да-съ?—спросилъ тотъ.

Старикъ утеръ лобъ, глаза и ротъ и улыбнулся. Подбоченившись, онъ вдругъ просвѣтлѣлъ, оглянулся по комнатѣ и спросилъ:

— А? Каково? Каковъ шарфикъ? Вѣдь это Александры Акимовны, дочки Акима Захарыча...

Щебетковскаго будто обдало варомъ. Таинственность Фабриціуса при случайномъ отзывѣ о Гончаренкѣ давно смутно наводила его на какія то соображенія. Теперь онъ вдругъ сталъ на сторожѣ. Старикъ же неожиданно впалъ въ прежнюю веселость и разсѣянность и, забывши, что самъ везъ жениха, наклонился къ уху Ивана Ильича и прибавилъ:

— Тутъ такое милое созданіе, что прелесть.

— Странное дѣло,—думалъ между тѣмъ Щебетковскій: — отчего же это онъ не упомянулъ мнѣ ее, вычисляя здѣшнихъ окружающихъ невѣстъ?

— А какъ велико состояніе Гончаренка? Кажется, богачъ?—спросилъ онъ.

— О! это темная вода, Иванъ Ильичъ, темная вода! Разное говорятъ; а я такъ думаю, какъ бы сказать не солгать, значительно, — шепталъ старикъ, покачиваясь и барабаня пальцами по губамъ: — у него должно быть въ ломбардѣ, да частью еще въ оборотѣ, тысячъ четыреста если не больше!

— Четыреста тысячъ!

— Да, четыреста!—и старикъ возвелъ глаза къ небу.

— Серебромъ?

— Серебромъ, серебромъ! Благодѣтельный человѣкъ!

У Щебетковскаго мигомъ вспотѣли затылокъ и спина.

— Да и какъ не нажить такого состоянія: откупъ держалъ девять лѣтъ, сначала въ уѣздѣ, а потомъ и въ губерніи! — заключилъ старикъ.

— Четыреста тысячъ!—думалъ Иванъ Ильичъ.

— А какъ велико семейство Акима Захарыча? — спросилъ онъ, помолчавъ и какъ бы разсѣянно, облокотившись о столъ.

— Одна дочка, душечка Иванъ Ильичъ, одна дочка, и какая красоточка! чудо!

При этихъ словахъ Щебетковскій невольно и быстро взглянулъ на Антона Степаныча, думая найти въ лицѣ его особое движеніе. Но старикъ очень добродушно разглядывалъ какой-то рогъ на стѣнѣ кабинета и посвистывалъ.—Ну, штука!—подумалъ Иванъ Ильичъ и искоса посмотрѣлъ на него опять.

Когда Гончаренко обратно вошелъ въ кабинетъ и пригласилъ гостей въ залъ, Щебетковскій былъ еще изъ-синя блѣденъ, жилы на вискахъ его стучали, а руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, теперь же мы не скоро отсюда вырвемся!—сказалъ шутливо и весело Фабриціусъ, волоча по корридору свои усталыя ножки и почтительно-громкимъ сморканьемъ стараясь заглушить свои отчаянно-фамильярныя слова. — «Да чортъ бы тебя побралъ»! думалъ на это Щебетковскій: «а отчего ты, ракалія, не намекнулъ мнѣ даже объ этой невѣстѣ прежде?!. Или, впрочемъ не уродъ ли она какой-нибудь, или слишкомъ застарѣлая дѣвка? Да все же, однако, тутъ больше шансовъ, чѣмъ у этой Дженджерихи»!

Залъ, освѣщенный нѣсколькими кенкетами, съ большимъ столомъ, уставленнымъ на-скоро приготовленною закускою, открылся передъ гостьми. Антонъ Захарычъ не надоѣдалъ гостямъ угощеньями, а только легкимъ движеніемъ бровей направлялъ быстрыя руки казачковъ. Усѣвшись на хозяйское мѣсто, онъ самъ не ѣлъ, а только поминутно, съ разрѣшенія гостей, перемѣняя трубку за трубкой, курилъ и пристально слушалъ разсказы Антона Степаныча объ уѣздномъ городѣ, гдѣ тому все было извѣстно и гдѣ самъ Гончаренко давно уже не бывалъ, хотя многія лица тамъ по разнымъ отношеніямъ его занимали.

Тутъ Щебетковскій, при блескѣ высокихъ чугунныхъ кенкетовъ въ видѣ переплетавшихся руками музъ и грацій, вполнѣ разглядѣлъ хозяина дома.

Отставной полковникъ гвардіи, это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, какъ я сказалъ уже, небольшаго роста, съ красивою лысиной, забранной съ боковъ довольно еще густыми волосами, съ крѣпкою, выдавшеюся грудью и широкими плечами. Маленькія, круглыя ручки его были въ волосахъ и очень бѣлы. На немъ была надѣта старенькая, темно-сѣрая венгерка съ черными шнурками и кистями, безъ мишуры и другихъ изысканныхъ украшеній, какія носили въ старину первые малороссійскіе помѣщики. Большая пенковая трубка, въ бѣломъ замшевомъ чехлѣ, постоянно дымилась въ его рукахъ. Долгою и громадною баснею ходило въ околодкѣ его горькое и дра-

матическое отчаяніе при потери жены, когда онъ, рестерзанный и убитый, съ первымъ ребенкомъ на груди, стоялъ въ церкви, у ея гроба; приготовился въ порывѣ неразсчетливаго сердечнаго увлеченія вслѣдъ улетающему милому существу, сказать, въ присутствіи своихъ сосѣдей, надгробную трогательную рѣчь, но не сказалъ ничего; безъ слезинки въ глазу подошелъ, шатаясь, къ гробу и съ торжественнымъ умиленіемъ сказалъ только: —«Душенька Варя, помни ты меня»! — отрѣзалъ однимъ взмахомъ ножницъ два огромныхъ своихъ уса и, положа ихъ на гробъ, заплакалъ какимъ-то смѣшнымъ, дѣтски прерывистымъ плачемъ, и всѣ кругомъ него плакали. — Похороны справлены. Единственная дочь поручена имъ родной сестрѣ его, приглашенной для этого въ домъ его, и жизнь снова широкою рѣкой покатилась для Акима Захарыча.

Весело еще жилъ, по своему, Акимъ Захарычъ.

Хлѣбосольство украинское, о которомъ сохранилось отъ былой дѣдовщины столько любопытныхъ подробностей, въ немъ, какъ въ немногихъ другихъ изъ товарищей его помѣщиковъ, держалось еще съ обычными своими красками.

Впервые въ жизни Иванъ Ильичъ сталъ за ужиномъ хмѣлѣть и вдругъ ни съ того, ни съ сего, съ двухъ капельныхъ, меньше наперстка, рюмокъ, разсмѣялся.

— Что это въ самомъ дѣлѣ такое? — спросилъ онъ и смѣшался.

— Ничего; наливка съ! это уже у меня такъ заведено! Никакихъ иноземныхъ винъ я не выписываю и не пью; а наливокъ сколько угодно, — кушайте!

— Чортъ возьми! кажется, я опьянѣлъ! — думалъ про себя Щебетковскій, хлопая отяжелѣвшими вѣками и косясь на цѣлый строй разно-мастыхъ бутылокъ, флягъ и граненыхъ флакончиковъ на столѣ.

— Да, — повторялъ Акимъ Захарычъ: — у меня ужъ такъ ровно двадцать семь лѣтъ заведено! Ни мадеры, ни шампанскаго, ни хересу я не покупаю. Кто, скажите, хорошій хересъ сюда завезетъ? Городской нашъ нѣмецъ бурды напуститъ, да подкраситъ ее сандаракомъ и жженымъ медомъ, да насургучитъ и штемпель свой нѣмецкій приложитъ, а ты и пей, пей потому только, что это тебѣ нѣмецъ продалъ, и потому, что есть на свѣтѣ въ одномъ мѣстѣ островъ Мадера, а въ другомъ городъ Хересъ, а въ третьемъ мѣстѣ рѣчка Рейнъ, должно быть еще прескверная рѣченка, не шире нашей Калиновки! Ну ихъ къ дьяволу! Угощу я васъ лучше нашею доморощенною!

И подавались на столъ опять разнообразныя наливки.

Щебетковскій и Фабриціусъ уже пили стаканчиками; онѣ смахивали, впрочемъ, на морсъ. Одна наливка стояла въ погребу Гончаренка уже семь лѣтъ, другая пятнадцать, третья на дняхъ еще только была сдѣлана и, не окрѣпнувши еще, отдавалась всѣмъ тонкимъ запахомъ свѣжаго, душистаго

фрукта. Тутъ были и терновка, и вишневка, и барбарисовка, и смородиновка, и клубниковка, и десятки другихъ, отъ неоцѣненной горьковатой рябиновки до «попадьи».

— Отчего же эта наливка у васъ носитъ такое странное названіе?—спрашивали иногда у Гончаренка гости, уже начиная едва двигать обезсиленными и липнувшими къ гортанямъ языками и уже разражаясь то тамъ, то сямъ, безъ всякой видимой причины, громкимъ и заразительно-веселымъ смѣхомъ.

— Оттого,—отвѣчалъ Акимъ Захарычъ:—называется она попадья (и не я ее такъ назвалъ, а еще мой отецъ), что отъ нея иногда гости, если бываютъ особенно усердны и добросовѣстны, неожиданно попа̀даютъ...

— Ха, ха, ха!—подхватывали на это гости и нагружались еще болѣе. Падать они, впрочемъ, еще вообще не падали. А напитокъ, назначенный уже собственно для того, чтобы уложить гостей, подавался въ концѣ трапезы. Это была знаменитая украинская «варенуха»—вскипяченная смѣсь крѣпкой горѣлки съ плодами, медомъ и духами.

— Вотъ, господа,—говорилъ съ улыбкой Акимъ Захарычъ, провожая ихъ:—вы, Иванъ Ильичъ, ляжете въ уборной моей сестры: мы ее вамъ опростали. А ты, Антонъ, комменъ-зигеръ; по старой дружбѣ, пойдемъ спать ко мнѣ, въ кабинетъ!

— У! Боже мой, Боже мой!—думалъ Щебетковскій, раскидавшись на мягкой хорошенькой кушеткѣ, на которой, можетъ быть, не разъ покоилась и дочка хозяина.—Однако, не сказалъ же мнѣ ничего старый хрычъ Фабриціусъ про этого славнаго, право, такого добраго и гостепріимнаго хозяина... Тутъ Щебетковскій зѣвнулъ. Ему показалось, что за дверью, въ сосѣдней комнатѣ, откуда въ дверную щель пробивался свѣтъ свѣчи, раздавались сдержанный, шаловливый шопотъ и смѣхъ, и будто бы кто-то наклонялся къ двери.

— Да еще спать гдѣ положили! Возлѣ ея, кажется, комнаты! Должно быть, я не засну до утра!—На этомъ онъ, впрочемъ, тутъ же захрапѣлъ, какъ убитый, и проспалъ отлично всю ночь.

На другой день, проснувшись довольно рано и на первыхъ порахъ, при затворенныхъ ставняхъ, не зная,—какъ это бываетъ,—гдѣ онъ очутился, Щебетковскій подумалъ, что проснется съ одурманенною головою. Однако же, сверхъ ожиданія, благодаря свойству наливокъ, всталъ бодрый и свѣжій. Заботясь о еще большей свѣжести, онъ узналъ отъ вошедшаго пожилаго камердинера, что въ саду, за каштановой бесѣдкой, есть на рѣкѣ купальня, что баринъ, сестра ихъ и барышня, да и Антонъ Степанычъ еще спятъ, и поспѣшилъ направиться туда.

Пройдя по туманнымъ и еще росистымъ дорожкамъ об-

ширнаго сада къ купальнѣ, онъ тамъ раздѣлся, выколотилъ прутикомъ свой сюртукъ, вытряхнулъ усердно сѣренькіе брюки и жилетъ, обшлагомъ сюртука расправилъ и выгладилъ и безъ того, впрочемъ, хорошо сохраненный шейный голубой платочекъ, ровно какъ и снятую крахмальную голландскую рубашку, осмотрѣлъ вычищенные лакеемъ сапоги, снялъ коегдѣ съ платья послѣднія пылинки, разложилъ все по скамьѣ въ палаткѣ купальни и, потягиваясь, пошелъ въ воду.

— Вотъ любопытно, — думалъ онъ, сидя въ свѣтлой, прохладной водѣ: — какъ-то я ее увижу? Брюнетка-ли она, блондинка-ли? Тоненькая, или полная? И при томъ, какъ она явится? Вѣроятно жеманясь, вся перетянутая снуровкой, какъ оса, и присыпанная пудрой! О, я уже вижу эту картину! Отецъ сидитъ въ гостинной, Антонъ Степанычъ близъ него; а она входитъ изъ той двери, которая въ ея половину, съ работой и какъ будто невзначай. Знаемъ мы васъ... Да и наружность я уже угадываю. Ни у одного нашего богача не видѣлъ я истинно-хорошенькихъ дочерей: у чиновныхъ богачей онѣ уксусно-жеманны и безтѣлесны, у купцовъ—набитыя дуры и часто безнравственны, у откупщиковъ — съ какими-то татарскими лицами! Боже мой, что значитъ мое желаніе жениться непремѣнно на богатой! Четыреста тысячъ... Вотъ если бы здѣсь?

Въ это время, въ рѣкѣ, Щебетковскому послышалось, будто кто-то бѣжалъ по отдаленной дорожкѣ сада.

Не успѣлъ онъ опомниться, какъ раздался звонкій смѣхъ и говоръ; ему отвѣчалъ другой хохотъ уже ближе, за кустами.

— А что, Даша, несешь тазъ?

— Несу!

И, распахнувъ полотняную дверку, въ палатку стремглавъ вбѣжала свѣженькая, толстенькая, порядочнаго роста барышня въ бѣлой кисейной блузѣ, съ полураскрытою грудью и съ бѣлокурыми, пышными волосами, упавшими на плечи. «Ай!» крикнула она и зажала въ ужасѣ глаза, увидѣвъ торчавшую изъ воды незнакомую усатую голову; съ секунду постояла и въ одинъ мигъ, поворотившись и поднявши нѣсколько замоченный росою подолъ юбки, снова кинулась въ дверь, гдѣ чуть не сбила съ ногъ уже подоспѣвшую съ тазомъ и такую же, какъ она, смазливую горничную, которая успѣла только крикнуть: «Вотъ тебѣ и на!»

Легкими сернами скрылись обѣ дѣвушки въ аллеяхъ сада.

— Эге-ге! Такъ вотъ она, вотъ незнакомая-то дочка Гончаренка!—подумалъ между тѣмъ Щебетковскій, медленно выходя изъ воды и принимаясь на-скоро одѣваться:—Какъ неприлично я ей, однако, показался, хотя, впрочемъ, кромѣ лица и усовъ она ничего не видѣла! И она не можетъ обидѣться!

— А барышня однако того! — прибавилъ онъ, направляя

носъ въ ту сторону, куда она исчезла:—какъ говорится, еще полевымъ горошкомъ дѣвочка пахнетъ! — И онъ даже слегка невольно потянулъ въ себя воздухъ, будто дѣйствительно ощущая слѣдъ того неуловимаго благоуханія здоровья и молодости, которое еще въ нашъ вѣкъ принадлежитъ всякой молоденькой и свѣженькой деревенской дѣвушкѣ.

Иванъ Ильичъ пріятно ошибся и въ домѣ.

Не жеманною, не съ работой и не въ гостинной встрѣтилъ онъ дочку Акима Захарыча. Въ залѣ былъ накрытъ круглый столъ. На столѣ стоялъ модный серебряный самоваръ, окруженный дорогимъ чайнымъ приборомъ и всякаго рода сухарями, печеньями, булками и сливками. Акимъ Захарычъ сидѣлъ въ креслѣ, съ неизмѣнною трубкой и въ той же, что вчера, сѣрой венгеркѣ съ черными шнурками. Дочка его, одѣтая въ розовое холстинковое платье по шею, стоя, улыбалась и разливала чай. При ней сидѣла еще низенькая, съ широкимъ лицомъ и въ чепчикѣ, особа — сестра Гончаренка. Чистенькій и выбритый Фабриціусъ стоялъ тутъ-же и отпускалъ комплименты и шуточки.

Раскланявшись съ гостемъ, Гончаренко расправилъ усы и, глядя на дочь, не вставая съ мѣста, сказалъ Щебетковскому:

— Дочка моя, Александра Акимовна, — Шурочка. А это моя сестра, Мареуша!—и прибавилъ: — Шурочка, подойди ко мнѣ!

Александра Акимовна все съ тою же неудержимою улыбкою прошла мимо Щебетковскаго и, наклонившись къ груди отца, поцѣловала его, вся румяная и чуть не фыркая отъ смѣха. Тутъ Щебетковскій мелькомъ снова увидѣлъ ея рослый, полный, царственно-стройный станъ, пышно-округленную, дѣвственную грудь, полныя, пышныя, обнаженныя выше локтей руки, дѣтски болтавшіяся по ея бокамъ, и дѣтски-смѣющіяся, румяныя щеки.— «Какая хорошенькая!»—невольно въ душѣ самъ себѣ шепнулъ Щебетковскій, хотѣлъ найти прежнюю смѣлость и бойкость, хотѣлъ опять развернуться, завладѣть общею бесѣдою, и не нашелъ въ себѣ ни того, ни другаго, какъ человѣкъ во снѣ, не подбирающій, въ горячую минуту, прыткихъ ногъ, съ цѣлью улепетнуть отъ какой-нибудь страшной погони.

Александра Акимовна стала между тѣмъ трунить надъ Фабриціусомъ, давала ему чай безъ сахару, не давала ложечки. Наконецъ, улучивъ минуту, подсѣла къ нему.

— Такъ какъ же? Все ройки?—сказала она.

— Все ройки, ройки, Александра Акимовна! да еще какіе! И вамъ я одинъ на счастье посадилъ. А птички есть у васъ новыя теперь?

— Да, чернаго дрозда прислалъ мнѣ нашъ пасѣчникъ, а лѣсничій поймалъ сойку и двухъ пѣночекъ.

— А какъ бы-съ обревизовать?

— Нельзя теперь, что вы!

И Шурочка повела глазами на гостя. Фабриціусъ опять принялся вертѣть въ рукахъ костяной ножикъ Александры Акимовны, то гладя имъ себя по щекѣ, то нюхая его, то пристально его разсматривая

— Кто это?—переждавши, тихо спросила старика Шурочка, опять поведя глазами на Щебетковскаго.

Фабриціусъ, съ достодолжнымъ почтеніемъ къ слушательницѣ, но не безъ легкости отзывовъ и вида небольшаго покровительства къ гостю, сталъ разсказывать о немъ, о его бабкѣ, о деревнѣ, объ отставкѣ, и кончилъ, слегка ударяя себя ножикомъ по рукѣ, словами: «Да, онъ, кажется, добрый малый; но вообще франтъ и, кажется, петербургскій выжига! Охъ, Александра Акимовна, что это за люди нынче, какъ я посмотрю...»

Но Шурочка давно уже не слушала Антона Степаныча и пристально, плавными, дѣтски-напряженными взорами слѣдила за гостемъ. Ей было все въ диковинку: и такой почетный чинъ въ такихъ молодыхъ годахъ, и то, что передъ нею именно петербургскій житель и его смѣлая, ясная порывистая рѣчь, и весь нарядъ его, отъ щегольскаго сюртука до какой-то пуговки, все ярко-блестѣвшей изъ-подъ стула на его лаковой полуботинкѣ. Чуть заговаривала опять съ Фабриціусомъ Шурочка, пристально, не спуская глазъ, слѣдилъ за нею и Щебетковскій:

— О, время, время!—между тѣмъ ораторствовалъ хозяинъ дома:—тридцать лѣтъ я безвыѣздно живу дома въ деревнѣ. Служилъ въ гвардіи, былъ во фронтѣ ремешкомъ, въ квартирѣ съ товарищами—военною косточкой, кутилой. Всю душу отдавалъ имъ; подъ-часъ на карту ставилъ все состояніе. И что же? Какъ въ воду канулъ: никто и строкой не помянулъ... Вы какъ думаете?

— О!—съ улыбкой отвѣтилъ Иванъ Ильичъ:—Петербургъ, со временъ незапамятныхъ, славится полнымъ отсутствіемъ сердца. Сердце Россіи въ Москвѣ, вы, я думаю, сами это хорошо знаете?

— Такъ, такъ!—съ хрипотой и цѣлыми потоками дыма заговорилъ Гончаренко, перекладывая ногу на ногу и придвигаясь почти къ носу собесѣдника: такъ! Однако, согласитесь же, грустно... Вотъ, я вамъ разскажу о томъ, камъ мы съ товарищемъ моимъ Агоравымъ одну нѣмку спасли...

— Ну! — подумала при этомъ сестра Гончаренко, таинственная Марѳа Захарьевна, въ чепцѣ и молчаливо вязавшая, въ углу гостиной чулокъ:—и этому гостю пошелъ тоже разсказывать! И какъ не совѣстно! Просто зѣвать хочется! Охъ однако, кажется петли спустила...

Спицы быстро мелькали въ рукахъ ея.

Зато съ какимъ наслажденіемъ и вниманіемъ слѣдилъ самъ

гость, Иванъ Ильичъ, за каждымъ движеніемъ Шурочки. Разумѣется, онъ не слышалъ ни слова ея отца и упивался всѣмъ ея существомъ на просторѣ, безъ помѣхи.

Съ перваго взгляда, дѣйствительно, Шурочка наводила своимъ здоровьемъ и ликующею, какою-то простодушною красотою прямо столбнякъ на каждаго сластолюбиваго человѣка. Это былъ тонкій и душистый плодъ въ пуху. Наши малороссы прямо назвали бы ее: огурчикъ, полтавское яблочко; другіе тутъ еще прибавили бы: кругленькая, Богъ съ нею, какъ сундучекъ, шкатулочка. Если бы она, положимъ попала въ плѣнъ къ туркамъ, и ее вывели бы, какъ выводили нѣкогда, лѣтъ двѣсти назадъ, ея предшественницъ, такихъ же пригожихъ казачекъ, какъ она, на базаръ невольниковъ, въ Константинополѣ,—покупщикъ подошелъ бы и на первую бы ее обратилъ свое плотоядное вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ: станъ у нея былъ рослый и плотный, грудь высокая, руки полныя, губы красныя, щеки круглыя, глаза веселыя, коса пышная, хоть бы царицѣ подъ вѣнецъ, и вся она—чисто пышка. Не будь у нея какой-то невольной, плавной, властительной походки, когда она шла при постороннихъ, мѣрно сдерживая свои руки, въ остальное время ее приняли бы еще за ребенка. Тогда въ домашнемъ, привольномъ быту это былъ просто избалованный мальчишка. Изъ-подъ гребня тотчасъ у нея выбивалась косма волосъ, на лбу появлялся какой-то чубъ, руки болтались по бокамъ, какъ хворостинки, талія мигомъ отъ разныхъ грушъ, перехваченной тарелки людскаго борщу и зеленыхъ ягодъ всякаго свойства становилась толще, приводя въ неописанное отчаяніе отупѣлую надъ чулкомъ тетушку, которая тутъ же начинала ее бранить и осматривать перепачканныя всякимъ съѣдомымъ руки. А Шурочка не каялась. Вырвавшись со смѣхомъ отъ тетки, съ измятымъ платьемъ и съ тѣмъ же чубомъ, она медленно, по своему, не спѣша, покачивая головой и переваливаясь, какъ уточка, шла къ новымъ проказамъ. Лѣтомъ не было покоя ея горничнымъ. То и дѣло она купалась то въ рѣкѣ, то дома, въ комнатѣ, просто въ тазу; влѣзетъ туда, или въ простыя ночевки, и начнетъ возиться, обливаясь и брызгаясь, какъ воробей умѣющій носомъ вымыть себѣ всякое перышко. А зимой нѣтъ ея цѣлый день въ домѣ. — «Гдѣ барышня?» — «Съ горъ катаются!»—Тутъ уже она составила цѣлую шайку изъ деревенскихъ мальчишекъ и дѣвочекъ. Одѣтая въ уморительный ситцевый капотъ и ваточную шапочку, въ длинныхъ мужскихъ сапогахъ, она садится въ крошечныя дѣтскія саночки и летитъ по снѣжному откосу. Шумъ, гамъ прыганье на холодѣ. Прибѣжитъ къ теткѣ: «Душечка, теточка, пупочка, простите! Я только немножечко...» А на самой лица нѣтъ: чистый піонъ отъ бѣготни, едва переводитъ духъ и вся въ поту. Училась она въ сосѣднемъ городскомъ пансіонѣ, выйдя оттуда на четырнадцатомъ году и привезя домой кучу суве-

нировъ. Всѣ ея дорогія вещицы были у нея спрятаны въ особой шкатулочкѣ, въ комнатѣ подъ кроватью, чтобъ никто не видалъ ихъ мѣста. Въ нѣсколькихъ десяткахъ другихъ ящиковъ, комодовъ, шкатулочекъ и ящичковъ хранились ея другія менѣе важныя вещи. Какъ сурокъ, какъ жукъ, она тащила въ свою норку все, что попадало въ ея смиренное владѣніе. Шурочка, уѣзжая въ пансіонъ и прощаясь съ своею комнатой, написала на стѣнѣ, въ углу, за притолкомъ окна, подъ занавѣской, карандашемъ: «Прощай моя комната!» — Когда же она воротилась и дворовые люди ее встрѣтили словами: «Ахъ, барышня, какъ вы выросли; вы уже невѣста!» — она тотчасъ кинулась въ эту комнату, откинула занавѣску, посмотрѣла не замарали ли мѣломъ ея надписи, нашла ее цѣлою, оглядѣлась не смотрятъ ли за нею, поцѣловала надпись, потомъ затерла ее пальцемъ, подумала и, опять на томъ же мѣстѣ написавши: «здравствуй, комнаточка!» позвала къ себѣ няню и велѣла принести всѣхъ своихъ птицъ и ручнаго зайца, о которомъ справлялась даже въ письмахъ изъ города. Тогда запасъ ея ящичковъ увеличился снова чуть не вдвое. Отецъ ее взялъ изъ ученья по четырнадцатому году, просто потому, что по ней соскучился, сдалъ ее опять на руки сестрѣ и окружилъ ее всѣми прихотями. Ростя, красуясь и зрѣя въ тишинѣ, какъ всѣ, какъ тысячи другихъ украинскихъ дѣвушекъ, она своими особенными глазами смотрѣла на міръ.

Недаромъ Иванъ Ильичъ, еще увидѣвши ее мелькомъ изъ воды въ купальнѣ, сказалъ, что это барышня еще горошкомъ пахнетъ. Въ ея присутствіи теперь, при видѣ ея манящей, какой-то ядовито-задирающей и вмѣстѣ дѣтски-простодушной наружности, слыша тихій шорохъ ея свѣжаго и свѣтленькаго платья и ея шепотливые, сдержанные переговоры съ Фабриціусомъ—Щебетковскій просто таялъ. Онъ испытывалъ ощущеніе человѣка, идущаго по полю въ волнахъ весенняго запаха отъ цвѣтущихъ готовыхъ покосовъ. И сейчасъ же уже услужливое воображеніе непрошенно стало рисовать Ивану Ильичу его положеніе въ отношеніи къ Шурочкѣ. Онъ думалъ· «Вотъ онъ старается понравиться отцу ея, понравился ей, дѣлаетъ предложеніе, получилъ ея руку и вмѣстѣ съ нею все состояніе. Духъ замираетъ! Нѣтъ, пустяки; жалкія выдумки. Не такого ему нужно зятя!»

— Такъ вы меня не слушаете?—спросилъ наконецъ за какимъ-то словомъ Акимъ Захарычъ, видя, что Иванъ Ильичъ не отвѣчаетъ ему уже на нѣсколько вопросовъ.

— О! нѣтъ, какъ можно: я все помню, что вы говорили!

— Ну, такъ какъ же вы думаете о конныхъ грабляхъ?

— О конныхъ грабляхъ?

— Да...

— Совершенно съ вами согласенъ!

— Ну, то-то же!—замѣтилъ самодовольно старикъ, распахнулъ венгерку, всталъ, отеръ съ лица обильный потъ и, отдавши человѣку, караулившему у дверей, опять набить трубку, сталъ мягко и скорыми шагами ходить по гостиной.

Иванъ Ильичъ пересѣлъ на диванъ, ближе къ Шурочкѣ.

— Это ваша работа,—спросилъ онъ указывая на пяльцы.

— О, да... нѣтъ! я даже почти не умѣю вышивать!—отвѣтила она съ улыбкой и, закраснѣвшись, отвернулась въ сторону.

Фабриціусъ прокашлялся.

— Гмъ... онѣ, Александра Акимовна, только-съ по тамбуру—вклеилъ онъ.

— Читаете ли вы?—спросилъ опять Щебетковскій:—теперь такъ много пишутъ.

— О, да!..—и голосъ у нея оборвался: — я читала много прекрасныхъ сочиненій!

Она тоскливо глянула по гостиной. Отецъ ея, стоя въ углу у печи, какъ-то бокомъ, съ торжествующимъ наслажденіемъ выслушалъ ея отвѣтъ, какъ бы говоря: «Молодецъ, молодецъ! хорошо отвѣтила!»—и опять заходилъ по комнатѣ.

— Я вотъ люблю цвѣты!—сказала сама Шурочка, перебирая косынку платья и медленно-важно отведя глаза отъ своихъ колѣнъ на Щебетковскаго, будто спрашивая его: «Кажется, черезъ это я не провинціалка?»

Отецъ на половинѣ дороги остановился и опять, бокомъ выслушавши слова дочери, плавно и мягко заходилъ по гостиной.

— Цвѣты? цвѣты?—спросилъ Иванъ Ильичъ: — да знаете ли вы преданіе арабовъ о происхожденіи цвѣтовъ?

— Нѣтъ!—отвѣтили въ одинъ голосъ Гончаренко, Шурочка и Фабриціусъ.

Даже Маоа Захаровна оторвала глаза отъ чулка и вмѣстѣ съ чепцомъ и сѣрыми, лѣнивыми вѣками подняла ихъ на Щебетковскаго.

— Арабы говорятъ, что когда Аллахъ создалъ землю, онъ такъ былъ обрадованъ ея видомъ, что отъ полноты души, на своемъ одиночествѣ, улыбнулся; и изъ этой улыбки родились женщины и цвѣты...

— Прелесть, это просто прелесть! — почти крикнулъ отъ удовольствія Гончаренко.

Иванъ Ильичъ взглянулъ. Старикъ на него смотрѣлъ торжествующимъ, напряженнымъ взоромъ и тоже стоя бокомъ въ концѣ комнаты, у дивана. Остальные были не менѣе довольны поэтическимъ преданьемъ.

— Грустно мнѣ, какъ я подумаю, — продолжалъ Иванъ Ильичъ подъ общее настроеніе жадныхъ слушателей, не безъ отрады любуясь ихъ лицами: — отчего это Петербургу, столицамъ, суждено слѣдить за всѣми новыми, великими открытіями,

а здѣсь у насъ, у васъ въ глуши, объ нихъ и понятія не имѣютъ! Напримѣръ, теперь, какъ не восхищаться сердцу человѣческому, когда найдено, открыто и подтверждено, что если на безводной лунѣ нѣтъ жизни, общихъ намъ животныхъ, за то на другихъ звѣздахъ, на планетахъ, живутъ растенія и люди,—люди, намъ подобные!

— На звѣздахъ люди?—спросилъ съ замирающимъ дыханіемъ Гончаренко, почти вырвалъ изъ рукъ лакея трубку и, куря и хрипя по своему, сѣлъ противъ самаго носа Щебетковскаго.

— На планидахъ-съ?—спросилъ и Фабриціусъ.

— Этого мало,—продолжалъ Иванъ Ильичъ:—наука воздухоплаванія такъ далеко подвинулась, что есть надежды, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, полетами шаровъ по воздуху черезъ земли и океаны замѣнить наши почты. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Америкѣ изобрѣтены были однимъ труженникомъ стальныя крылья, обтянутыя тончайшей гуттаперчевой клеенкой. Особый механизмъ на груди приводилъ ихъ въ движеніе.

— Ну, ну? — спросилъ, усиливая грудной хрипъ, Гончаренко.

— Объявлено было въ газетахъ объ ихъ испытаніи. Собралась огромная толпа зрителей. Изобрѣтатель сталъ на возвышеніе, положилъ собранные деньги въ карманъ, развернулъ широкія, тонкія, трепетавшія, какъ живыя, крылья, взмахнулъ ими разъ два и поднялся изъ середины удивленной толпы. Высоко въ небѣ онъ измѣнилъ полетъ, прилегъ грудью надъ землей и быстро скрылся въ синевѣ...

— А-а-а! зашипѣлъ, хлопая себя въ восторгѣ по колѣнямъ и заливаясь истерическимъ смѣхомъ, Гончаренко:—вотъ молодецъ! скажите!— И онъ утиралъ платкомъ радостныя слезы, торопливо кашляя и спѣша слушать далѣе.—Ну. чѣмъ же кончилось? Чѣмъ? — прибавилъ онъ, тыча въ руки лаке[illegible] новою набивкой трубку.

— Увы! Кончилось несчастьемъ. Газеты прибавляютъ, что этотъ смѣльчакъ, подъ-вечеръ, летѣлъ ниже, надъ лѣсомъ, собираясь спуститься къ одной деревушкѣ. Охотникъ случайно увидѣлъ его, принялъ за птицу и убилъ его изъ штуцера. На утро нашли его безъ денегъ, разбитаго въ дребезги, вмѣстѣ съ изломанными въ клочки крыльями и машиной. Пока еще его тайна вновь не открыта. За то о воздушныхъ шарахъ идутъ смѣлыя изслѣдованія...

— Кушать подано!—громко произнесъ лакей, въ перчаткахъ, появившись напорогѣ гостинной.

Всѣ встали и пошли въ залъ, молча и съ захваченнымъ дыханіемъ. Щебетковскій шелъ свободно, дыханіе его было ровно и привольно. Глава весело посматривали по сторонамъ.

На столѣ убранномъ съ изяществомъ и роскошью, была снова уже знакомая баттарея наливокъ. Хрусталь, посуда и

бѣлье были замѣчательной изысканности. Супъ скоро задымился въ тарелкахъ. Иванъ Ильичъ замѣтилъ, что у всѣхъ былъ отличный аппетитъ. Только Марѳа Захаровна, по прежнему, почти не спускала съ него сѣрыхъ, тяжелыхъ и лѣнивыхъ вѣкъ, хотя костлявые и страшно загорѣвшіе пальцы ея исправно работали надъ тарелкой. Гончаренко, сейчасъ же хлебнувши супу, обмочилъ въ него концы своихъ усовъ и принялся обсмактывать и утирать ихъ, что дѣлалъ до конца обѣда.

— Вы гдѣ служили въ Петербургѣ?—спросилъ онъ, кончая тарелку.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, болѣе работая по слѣдственно-судебной части.

— Пріѣхали устроить дѣла?

— Да-съ

— А вотъ я служилъ въ гвардіи; да это уже давно. Совсѣмъ тутъ окостенѣлъ и оскотинился за этимъ хозяйствомъ.

Щебетковскій бережно и вѣжливо отеръ свои румяныя губы и щегольскіе усики бѣлой, какъ снѣгъ, салфеткой, положилъ ее на столъ и развязно налилъ Шурочкѣ воды, замѣтивши, что Фабриціусъ пыхтитъ и давно безнадежно силится сдѣлать то же самое, между тѣмъ скатывая въ рукахъ знакомые уже намъ хлѣбные шарики для собакъ.

Обѣдъ кончился. Всѣ молча встали изъ-за стола. Щебетковскій снова спокойно и развязно сѣлъ въ гостиной, обратившись къ Шурочкѣ съ какимъ-то незначительнымъ вопросомъ. Но онъ ликовалъ въ душѣ.

Впечатлѣніе, произведенное имъ на слушателей рядомъ неслыханныхъ живописныхъ разсказовъ, переданныхъ рѣчью звонкою, ясною и незнакомою слуху мирныхъ и добродушныхъ домосѣдовъ, было полное и поражающее. Кровь кинулась въ лицо Шурочкѣ. Она молчала, опустивши глаза; но мысли ея носились далеко, далеко. Марѳа Захаровна, впервые въ жизни, сидѣла на диванѣ, рядомъ съ племянницей, а не въ углу, у окна, и не думала брать чулка. А старикъ Гончаренко, въ долгіе годы жизни въ деревнѣ не освѣженный ни выѣздами въ столицы, ни прилежнымъ чтеніемъ газетъ и мысленнымъ слѣдованіемъ за теченіемъ событій, волновавшихъ свѣтъ, просто пришелъ въ какой-то столбнякъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Слушая Ивана Ильича, онъ даже забывалъ о трубкѣ, за обѣдомъ болѣе суетился, чѣмъ ѣлъ, сопѣлъ немилосердно, ершилъ густоватыя брови и то смѣялся, заливаясь сиплымъ, рѣзкимъ хохотомъ, то быстро утиралъ слезы, самъ не знавши, откуда онѣ брались. Даже Фабриціусъ, уже коротко знавшій Щебетковскаго, и тотъ съ первыхъ же его разсказовъ сталъ смотрѣть на него во всѣ глаза; а подъ конецъ даже озирался по комнатѣ, будто не зналъ, гдѣ онъ очутился и на яву ли слышитъ произносимое.

Нагнувшись къ уху Антона Степаныча, Иванъ Ильичъ что-то ему шепнулъ Тотъ вышелъ, и черезъ четверть часа слуга доложилъ, что лошади Ивана Ильича поданы.

— Куда же вы?—спросилъ печально Гончаренко, не ожидавшій такого скораго отъѣзда:—вы бы вечерокъ еще съ нами просидѣли! Право, васъ заслушаешься!

Иванъ Ильичъ вѣжливо, но сухо и съ достоинствомъ отказался, даже ловко замялъ самую возможность дальнѣйшихъ удерживаній, взялъ шапку и сталъ откланиваться.

— А ты, братъ Антонъ,—обратился Гончаренко къ Фабриціусу:—все юлишь по прежнему? Вѣрно, уже опять собакамъ раздавалъ шарики?

— Нельзя-съ; раздавалъ-съ! У васъ, Акимъ Захарычъ, песики все чистоплотные и умные..

— Охъ ты, егоза Иванычъ, чистоплотные!—А вы, Иванъ Ильичъ, надѣюсь, теперь знаете дорогу къ намъ; милости просимъ. Пріѣдете, поохотимся. Вѣдь у насъ охота еще первобытная, дѣдовская, на дикихъ козъ и на кабанчиковъ...

Щебетковскій молчалъ.

— Благодарите, благодарите; скажите, что буду!—шепталъ ему сзади Фабриціусъ. Тотъ молча обернулся къ нему.

— Если ничто не помѣшаетъ и я поустроюсь съ дѣлами для которыхъ я пріѣхалъ, то постараюсь быть у васъ!—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Фабриціусъ вытаращилъ на него глаза.

Гости откланялись и уже выѣхали за ворота, а въ домѣ все еще раздавался рѣзвый хохотъ дѣвушки.

Миновали опять околицу, выѣхали въ поле. Снова поѣхали надъ берегами рѣки и степью.

Фабриціусъ первый нарушилъ молчаніе. Заглянувъ въ лицо Щебетковскаго, онъ тихо спросилъ:

— А что, Иванъ Ильичъ, каковъ панъ? Вотъ, можно сказать, магнатъ! Такой богачъ, такой гордецъ, а васъ какъ принялъ! Прелесть моя, да и только!

Щебетковскій усмѣхнулся.

— Уже таково вѣрно наше счастье съ вами, Антонъ Степанычъ!

— Нѣтъ, какъ принялъ, какъ принялъ! Фа-фа-фа! Даже ухаживалъ! Замѣтили, какъ онъ просилъ бывать? Какъ за столомъ вамъ подливалъ?

И старикъ качалъ головою.

— А за то,—продолжалъ онъ:—посмотрѣли бы вы, какъ онъ здѣшнюю уѣздную братію принимаетъ! Кормить—кормитъ и поитъ—поитъ; это такъ! Но уже никакого искательства! Ни-ни, и ни Боже мой!

— А однако же,—мыслилъ про себя, подъ возгласы сосѣда, Щебетковскій:—отчего это въ самомъ дѣлѣ этотъ чудакъ Фабриціусъ прежде мнѣ не сказалъ ничего о домѣ Гон-

чаренка и о томъ, что у него есть дочка, когда мнѣ высчитывалъ здѣшнихъ невѣстъ? Странно, не понимаю! Надо узнать!

Лошади бѣжали дружною рысью.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ, а теперь уже позвольте васъ спросить,—началъ Фабриціусъ:—и насчетъ настоящаго нашего дѣла: какъ же вамъ нравится, по правдѣ, домъ Прасковьи Кондратьевны и хоть бы сама дѣвица Раичка? Что намѣрены вы теперь тамъ предпринять и когда опять туда махнемъ? Вы молчите?

— Нѣтъ, ничего, я думаю именно объ этомъ!—отвѣтилъ Щебетковскій.

— Объ этомъ? Э, нѣтъ! Жалко мнѣ, по правдѣ, васъ. Раичка эта точно нѣсколько мѣшковата, да и чувства, кажется, имѣетъ холодныя. Вамъ не такую надо, вижу: огонь, чтобъ такъ и горѣла сама..

Щебетковскій, недоумѣвая, глянулъ на него.

— Да, — продолжалъ старикъ: — да! Вамъ надо другую! Вспомнилъ я, погодите, объ одной вдовѣ, моей знакомой, надъ Днѣпромъ! Она живетъ какъ разъ въ лѣсу, въ дремучемъ лѣсу, и можно поручиться—богатѣйшая помѣщица. Каменныя палаты у нея, залъ въ два свѣта, камины, зеркала; сама въ очкахъ съ пуклями, хотя всего тридцати лѣтъ и распродувная бестія, бабулька! Одной рукой въ вистъ деретъ съ гусарами, а другой тутъ же съ кирасирами банкъ мечетъ. И такая разбитная, въ сажень ростомъ, глаза вотъ какія, на выкатѣ, предебелая, презентабельная, просто камергерская особа, штатсъ-дама, царица Бона, да и только! Я бы вамъ совѣтовалъ къ послѣдней! Хотите? Опять катнемъ вмѣстѣ? Я могу получить рекомендательныя письма!

— Нѣтъ, Антонъ Степанычъ, перебилъ съ улыбкой Щебетковскій!—я уже что положилъ не перемѣняю! Мы съ вами, какъ еще пообживемся, опять поѣдемъ къ Прасковьѣ Кондратьевнѣ, непремѣнно! Слышите-ли? Не отступаться! Пословица говоритъ: «куй желѣзо, пока горячо!» Такъ?

— О! Такъ, такъ, разумѣется!

— То-то-же, мой почтеннѣйшій! Надо торопиться. Вѣдь мнѣ на дняхъ тридцать лѣтъ; а дѣло, надо думать, и въ особенности... если мнѣ еще тамъ и понравилось? Не такъ-ли?

— Такъ, отъ души такъ! Вы не повѣрите, какое это блаженство—семейный уголокъ, милая дамочка, кроватка, тамъ дѣтки. Ахъ, оставайтесь вы у насъ на Украинѣ, Иванъ Ильичъ!

— Да что же вамъ особеннаго въ томъ, что я останусь?

— Помилуйте: эта тишина, эта природа, довольство всѣмъ, довольство малымъ; да и вашъ собственный хуторокъ. Вѣдь это прелесть! Какой садъ, какой домъ старинный! Надъ всѣмъ благодать; земля—чудо, люди честные, тихіе. Стоитъ только

заняться: доходы васъ обогатятъ. Да и прадѣдушка вашъ, пращуръ этотъ, гетманъ, говорятъ, самъ бережетъ ваше достояніе...

— А?

— Точно, ей-Богу. Говорятъ, его тѣнь кроткая по дому и по саду, когда никого нѣтъ, ходитъ, на все смотритъ, заботится и бережетъ. Право, и люди его видѣли; какъ есть въ казацкомъ гетманскомъ нарядѣ ходилъ, весь бѣлый, какъ пухъ, а усы и брови точно молочные. Этакая охрана-благодать въ домѣ, сущая благодать! И я еще при бабушкѣ, до васъ, нѣсколько разъ по ночамъ въ саду караулилъ, хотѣлъ его подсмотрѣть—да не удалося... Оставайтесь-ка вы у насъ!

Щебетковскій на это молча улыбался. Лошади ѣхали опушкою лѣса. Снова вечерѣло. Иванъ Ильичъ, лѣниво наслаждаясь видами, думалъ между тѣмъ, отчего старикъ умолчалъ ему о Шурочкѣ. Этотъ вопросъ, впрочемъ разрѣшался легко.

Антонъ Степанычъ, какъ уже сказано, былъ особенно близокъ къ дому Акима Захарыча. Когда еще Гончаренко гвардействовалъ и жилъ въ полку на жалованьи, до смерти своего дяди, державшаго его въ ежевыхъ рукавицахъ, а послѣ себя все-таки оставившаго ему и его сестрѣ деревеньку, Акимъ Захарычъ тогда же сошелся съ Фабриціусомъ, по случаю хлопотъ по выданнымъ, въ дни кутежей векселямъ на имя разныхъ ростовщиковъ, такъ какъ Антонъ Степанычъ вышелъ тоже тогда изъ улановъ и бродилъ по уѣзду. Потомъ Гончаренко принялъ наслѣдство, женился сталъ держать очень счастливо откупъ и взялъ къ себѣ честнаго и кропотливаго украинскаго нѣмца сперва въ письмоводители, а потомъ и въ товарищи по нѣсколькимъ паямъ. Нажилъ Акимъ Захарычъ; нажилъ и Фабриціусъ. Тутъ и счелъ себя Антонъ Степанычъ рѣшительно близкимъ къ семьѣ Гончаренка. Когда у послѣдняго родилась дочь и еще нѣсколько дней жила ея мать, онъ, на крестинахъ, сверхъ обыкновенія, подкутилъ такъ, что его должны были держать за руки. Тѣмъ не менѣе, однако, еще не охмѣлѣвши вполнѣ, онъ приподнялъ при гостяхъ новорожденную, въ пеленочкахъ, на воздухъ и сказалъ въ сильномъ душевномъ движеніи:—«Господа и вы всѣ, дворяне, дворянское сословіе! Я пользуюсь симъ случаемъ... клянусь, это .. это дитя—все равно, какъ бы мое родное! Если Сашенька выростетъ, я берусь найти и найду жениха такого, такого, что еще и свѣтъ не видѣлъ такого! Нынче молодежь пустая и коварная. А я уже буду слѣдить и ей найду жениха съ золотымъ чубомъ, то есть.. то есть... ну, да вы меня понимаете, господа? Генералъ-ли, магнатъ-ли, богачъ-ли какой, я только укажу отцу и скажу: вотъ вамъ зять! О, ей суждена судьба высокая!» Вслѣдъ за этимъ, изъ жилетнаго кармана, гдѣ потомъ только хранились уже знакомые намъ хлѣбные катышки для собакъ, онъ вынулъ тщательно переписанные, частью соб-

ственнаго сочиненія, а частью келейно заимствованные у одного писателя старыхъ временъ стишки и прочелъ кантъ въ честь новорожденной, который начинался такъ:

«Въ честь Россіянки прекрасной,
«Пойте, пойте гимнъ согласной!»

Съ той поры Фабриціусъ замолчалъ, и длинный рядъ годовъ, во все младенчество, отрочество и наступившую юность Шурочки, сперва живя въ домѣ отца ея, а потомъ не переставая навѣщать его, считалъ себя рѣшительно обязаннымъ пріискать жениха Шурочкѣ и скупился на этотъ счетъ страшно. Изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ и служащихъ, по его мнѣнію, не подходилъ никто. Зато онъ часто задумывался надъ газетами и слушая разсказы о разныхъ особахъ перваго почета въ столицахъ. Какъ то пріѣхалъ въ ту губернію молодой губернаторъ, красавецъ, о которомъ всѣ кричали. Шурочкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Онъ сталъ прочить его ей въ женихи, но раздумалъ, узнавши, что общій любимецъ, ставшій на первыхъ порахъ чѣмъ то вродѣ Гарунъ-аль-Рашида, даже переодѣвавшійся по ночамъ, для изслѣдованія страданій человѣчества, нежданно оказался самымъ пустѣйшимъ щелкоперомъ, даже падкимъ на взятки. Потомъ его мысли остановились на одномъ писателѣ въ Москвѣ, молва о романтической поэмѣ котораго, увлекавшей молодежь, долетѣла и до него, и онъ самъ своими руками переписалъ эту поэму. Писателя смѣнилъ болѣе практическій генералъ, въ сосѣдствѣ дѣлавшій маневры. Наконецъ, его мысли летали даже во Францію, и одно время, когда новѣйшій Бонапартъ тщетно искалъ себѣ подруги изъ вѣнчанныхъ особъ и остановилъ свой выборъ на испанкѣ Монтихо, Антонъ Степанычъ въ простотѣ души подумалъ: «Вотъ судьба! Ну, отчего ему было не завернуть сюда? И чѣмъ Шурочка хуже какой нибудь испанки? По крайней мѣрѣ, уже украсилъ бы престолъ, да и на ея головкѣ была бы корона».

Готовя такого рода партію для своей любимицы, онъ Щебетковскаго не считалъ достойнымъ для нея женихомъ, да кромѣ того полагалъ, что и ея батюшка съ людьми такого мелкаго полета не способенъ и дружбы водить, не только родства...

Къ концу дороги оба размечтались, и Фабриціусъ, и Щебетковскій. Щебетковскій самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается; мысли его бѣжали, бѣжали и смѣняли одна другую. Фабриціусъ думалъ: «Перепелиную клѣтку кончу, наловлю перепеловъ и сейчасъ же лучшаго отвезу Александрѣ Акимовнѣ. И ройка молодаго отвезу на медъ! Она любитъ, проказница»...

Пріѣхали.

Антонъ Степанычъ простился, упомянулъ, что если угодно сосѣду, онъ готовъ завтра съ нимъ идти на охоту, или съ удочкой заняться; что рыба клюетъ, что это онъ слышалъ и

въ деревнѣ Акима Захарыча, въ Катериновкѣ, отъ повара Любима. Щебетковскій съ увлеченіемъ, нѣжно пожалъ его руку и поблагодарилъ, сказавши, что пойдетъ съ нимъ, куда угодно, съ удовольствіемъ, лишь бы коротать хуторянскую скуку. «Кстати! я кое что и изъ журналовъ думаю выписать!—заключилъ онъ:—будемъ читать и слѣдить за всѣмъ»!

Старикъ пошелъ опять темными дорожками къ плотинѣ, садомъ. Вошелъ въ домъ и сильно изумился, найдя на крыльцѣ, на сторожѣ, свою кривую и невзрачную ключницу пьяною.—«Ты!! дура! что съ тобой»?—допрашивалъ онъ ее.—«Кто тебя напоилъ? признавайся»!—Ключница, красная, какъ уголь, и улыбаясь поминутно, перешла съ трудомъ въ комнату, зажгла свѣчу и указала на столѣ, въ салфеткахъ, какіе то узелки, бутыль съ наливкой и письмо.—«Это отъ кого»?—«Горпина пріймачка привезла отъ той пани, что на Деркачахъ»!—«Отъ Прасковьи Кондратьевны, отъ Дженджерихи? ты врешь»!—«Ей-же Богу-жъ-то; вотъ это, передъ вечеромъ уже, и привезла, да не дождалась васъ, спѣшила»!—«А ты уже и напилась»?—Ключница только стыдливо отвернулась и съ улыбкой стала утираться. Фабриціусъ вскрылъ письмо, малорусскія выраженія котораго мы сокращаемъ: «Родненькій мой, Антонъ Степанычъ! За привозъ сосѣда присылаю бубличковъ, редиса, пять колерабокъ, девять огурчиковъ изъ парниковъ, кусокъ холста и наливочки. Салфетки воротите и складень. Да не успѣла запечатать наливки; закупорьте сами—неравно люди ваши выпьютъ. Вы же холостой. Сосѣдъ—ничего, такой бойкій и, видно, можетъ быть хорошимъ хозяиномъ; а мнѣ такого и нужно. Пріѣзжайте опять: я не прочь, да и мои дуры тоже. Только напишите, какую готовить; а то у всѣхъ таліи разныя. Надо платье заказывать въ городѣ. Еще разъ, родненькій спасибо. Ваша ко услугамъ—Парасковья Дженджерь». Фабриціусъ крякнулъ и легъ спать.

А для Ивана Ильича—опять знакомая картина.

Съ соннымъ, прерывистымъ карканьемъ, усаживаясь на густыхъ вербахъ, шумѣла еще обычная стая грачей. Изъ саду пахло. Листья громадныхъ тополей шушукали у верхнихъ оконъ, гдѣ въ гостиной была спальня Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ такъ размечтался, пріѣхавши домой и легши спать на любимомъ мѣстѣ, въ старинной гостиной, на диванѣ, подъ портретомъ прадѣда, такъ, что просто глазъ не могъ сомкнуть. Въ ушахъ его раздавались веселые, отрадные звуки, жилы на вискахъ бились и стучали. И весь его составъ ликовалъ при мысли, что онъ одинъ въ своемъ домѣ, одинъ, свободенъ, независимъ ни отъ кого, и никто не подслушаетъ его голоса, ни его сокровенныхъ, задушевныхъ мыслей и стремленій, развѣ милая тѣнь прадѣда, о которой говорилъ ему добрякъ-сосѣдъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Крѣпость, взятая безъ вѣдома коменданта.

Начались осенніе дни. Лѣнивый малороссъ, собравъ кое какъ годовой запасъ хлѣба, сидѣлъ въ чистой, выметенной хатѣ и, подъ вліяніемъ дешеваго довольства, думалъ, идти ли ему уже пахать подъ яровое, для будущаго лѣта, или нѣтъ? На землѣ Щебетковскаго также кое-какъ копошились, сняли и молотили хлѣбъ. Подъ-вечеръ еще неслись съ поля, вмѣстѣ съ пылью, ржаніе и глухой гулъ бѣжавшаго къ водопою конскаго табуна. Надъ мельницей, огромнымъ, ветхимъ домомъ и похоронною часовней въ саду кружились огромныя стаи грачей. На деревушкѣ, спадавшей въ разсыпку по косогору, скрипѣли дружно, утро и вечеръ, деревянные журавли на колодцахъ. Между крестьянскихъ избъ выростала новая деревня, тѣснившая старую, деревня изъ золотистыхъ скирдъ молодаго хлѣба. Многіе барышники уже шныряли по окружности, выбирая пробы: то проса, то пшеницы, то льну, то гречихи. «Эгеге!—думалъ Иванъ Ильичъ:—да какой же тутъ богатый околотокъ! Наслѣдникъ Галайданъ, хоть и эта хозяйственная помѣщица Дженджериха и Гончаренко! Все тузы»! Случилось какъ-то такъ, что Иванъ Ильичъ не видѣлся съ своимъ сосѣдомъ черезъ рѣчку довольно долго, ни у себя дома, ни въ собственномъ монашескомъ фольваркѣ Антона Степаныча, ни на дружески соединявшей ихъ усадьбы плотинѣ, съ знакомою уже мельницей. За недѣлю передъ тѣмъ встрѣтилъ онъ его, идучи въ поле, гдѣ-то подъ оврагомъ, кислаго, съ покраснѣвшими глазками и съ одышкой. «Куда вы, Антонъ Степанычъ»?—«А вотъ, поразмяться немного; какъ будто расклеился, занедужилъ! Съ собаченкой на перепеловъ захотѣлось; вонъ какого песика прикормилъ»! Щебетковскій глянулъ: собаченка шла тоже, поджавши хвостъ. Вскорѣ потомъ узналъ онъ, что изъ усадьбы Антона Степаныча ѣздили въ казенное село Колтуны за фельдшеромъ. Пришелъ къ нему и уже засталъ его въ сильнѣйшей горячкѣ. Болѣзнь была захвачена, старикъ спасенъ, но уже не оправлялся во всю зиму и проскрипѣлъ вплоть до весны.

Между тѣмъ незадолго до первыхъ заморозковъ, наступили охотничьи времена. Окрестность, издревле еще богатая лѣсами, вызвала нѣсколько знаменитыхъ травлей. Старозаймочныя дебри огласились звуками роговъ и атуканья доѣзжачихъ. У Гончаренко, въ лѣсной дачѣ, высмотрѣно было стадо дикихъ козъ и два-три кабана. Щебетковскій не упустилъ случая и поѣхалъ къ нему. Видѣлъ онъ съѣздъ отчаянныхъ охотниковъ, ближнихъ и дальнихъ, любителей лошадей и псовой травли, въ полу-польскихъ, и въ полу-шотландскихъ охотничьихъ нарядахъ. Видѣлъ начальную церемонію охоты, выводку сворь, роздыхъ въ лѣсу подъ столѣтнимъ яворомъ, причемъ серебряные стаканчики переходили изъ рукъ въ руки. Видѣлъ разставленныхъ по кабаньему пути, на пняхъ, стрѣлковъ, слышалъ трескъ валежника, видѣлъ дымъ выстрѣловъ и выбѣжавшаго изъ кустовъ, въ крови и въ пѣнѣ, обезумѣвшаго отъ ярости и боли, сѣренькаго вепря. Видѣлъ наконецъ этого вепря, съ торжествомъ положеннаго на серебряное блюдо, и лучшаго конюха Акима Захарыча, бѣлокураго Герасима, на носилкахъ смертельно раненаго этимъ кабаномъ, въ то время, какъ гончіе, открывъ слѣдъ его, залаяли и кинулись по мелкосрубью и кочковатымъ оврагамъ, а звѣрь пошелъ на людей. Въ лѣсу снова былъ роздыхъ. Турій рогъ ходилъ между гостьми. А за позднимъ обѣдомъ Александрѣ Акимовнѣ и Мареѣ Захаровнѣ, по обычаю старины, отрѣзанные съ общаго блюда старѣйшимъ изъ участниковъ охоты, толстымъ паномъ Жмайловскимъ, за двѣсти верстъ нарочно пріѣхавшимъ сюда на охоту, были поданы съ особою церемоніею на золоченыхъ блюдцахъ филейный кусокъ козы, смоченной въ уксусѣ, и ребрушки кабана, жаренаго съ кашей. Передъ разъѣздомъ, какъ заведено было, гости опять пили изъ серебряныхъ чарочекъ и турьяго рога, распѣвая пѣсни старобытной Украйны, и, выйдя со двора, лицомъ къ лѣсу, стрѣляли, чтобъ водился звѣрь, по обычаю, холостыми выстрѣлами изъ своихъ ружей и винтовокъ, все работы Кухенрейтера, Лазаря Лазарини и лучшихъ венгерскихъ заводчиковъ. Щебетковскій при этомъ тоже, поддерживая обычай, попаливалъ изъ какого-то саженнаго шведа даннаго ему щедростью заботливаго хозяина.

Держалъ себя вообще Щебетковскій осторожно и вѣжливо У Гончаренка же сталъ бывать чаще и чаще, особенно когда легъ отличный зимній путь. О Петербургѣ онъ скоро забылъ. Пріѣзжая то въ будни, то въ праздникъ въ Катериновку, а иначе въ Надеждино-Прекрасное, какъ романтически именовалось имѣніе Акимомъ Захарычемъ, онъ привозилъ съ собою то новую пріобрѣтенную книжку, то желаніе въ чемъ-нибудь посовѣтоваться съ Акимомъ Захарычемъ, то новый пріобрѣтенный гдѣ-нибудь разсказъ о какомъ-либо занимательномъ современномъ событіи въ Европѣ или въ столицѣ. Иногда онъ по прежнему пѣлъ, иногда читалъ до поздней ночи, иногда

заводилъ любопытное разсужденіе о какомъ-нибудь явленіи въ исторіи міра, или въ астрономіи, сообщая увлекательныя свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ древностей. На души, жившія въ мирномъ безлюдьѣ и въ совершенномъ удаленіи отъ шумнаго коловорота совершенныхъ обществъ, эти слова производили глубокое впечатлѣніе. «Да вы намъ сегодня, Иванъ Ильичъ, экспромтомъ цѣлую лекцію прочли!»—говорилъ иногда Акимъ Захарычъ, просидѣвши съ трубкою въ кругу семьи нѣсколько часовъ сряду и думая: «Какой, однако, это милый и образованный молодой человѣкъ и какъ много подаетъ надеждъ!» Но еслибы болѣе строгій и проницательный слушатель въ это время наблюдалъ за Иваномъ Ильичемъ, онъ подсмотрѣлъ бы, что пожалуй, чего добраго, увлекательный разсказчикъ передъ тѣмъ, что произносилъ экспромтомъ цѣлыя лекціи, копался надъ довольно-увѣсистыми книжками, найденными въ дѣдовской библіотекѣ. Въ теплые, нѣсколько сыроватые зимніе дни, по льдистому снѣгу Акимъ Захарычъ и Иванъ Ильичъ въ маленькихъ, какъ орѣховая скорлупка, крытыхъ алымъ коврикомъ санкахъ объѣзжали заводскихъ рысаковъ. Одинъ разъ Иванъ Ильичъ даже неожиданно слеталъ съ Акимомъ Захарычемъ на-легкѣ, въ простыхъ пошевняхъ, на одну конную ярмарку, гдѣ-то верстъ за двѣсти, куда случайно пригнали для распродажи чей-то не слишкомъ казистый, но довольно крѣпкой рабочей породы табунъ и гдѣ Гончаренко, купивши его дешево, взялъ порядочный барышъ. Акимъ Захарычъ уже окончательно освоился съ нимъ и въ мысляхъ своихъ къ даровитости, ловкости и образованности Щебетковскаго придавалъ еще качества сметливости, умѣнья обдѣлывать дѣла и опытной житейской мудрости, такъ что, особенно при послѣдней покупкѣ табуна, гдѣ онъ умѣлъ подъѣхать и къ продавцу, и къ другимъ покупателямъ косвенно, какъ бы постороннее лицо, онъ уже шутя говорилъ: «Вы, Иванъ Ильичъ, хотя и молодой человѣкъ, а старшій тутъ!»

Въ разъѣзды свои Ивану Ильичу удалось самому повѣрить слова Фабриціуса о состояніи Гончаренка. Знакомый Акима Захарыча священникъ, встрѣченный на обѣдѣ у исправника, на вопросъ Щебетковскаго: «дѣйствительно-ли Гончаренко на откупахъ нажилъ четыреста тысячъ?»—отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ, и что по его мнѣнію онъ нажилъ еще болѣе, потому что у одного Мамышевскаго винокура въ ростѣ его пять тысячъ серебромъ было два года назадъ, да порядочный кушъ загребъ у него для оборотовъ Петръ Васильевичъ Замуруевъ, сгонщикъ, который впрочемъ слишкомъ уже забираетъ рыси и путается. Другой короткій пріятель Акима Захарыча геморроидальный страдалецъ съ разстроеннымъ до крайности желудкомъ и облѣзшими волосами,—почему постоянно возилъ въ бричкѣ подъ ногами, въ ящичкѣ, паричекъ табачнаго цвѣта,—когда къ нему адресовался Щебетковскій, еще болѣе под-

твердилъ его мнѣніе о состояніи Гончаренка. Это было въ домѣ послѣдняго, гдѣ постоянно клали спать и его, и этого господина въ одной комнатѣ Чистя зубы щеткой, этотъ страдалецъ, тѣмъ не менѣе лукавый человѣкъ, на вопросъ Щебетковскаго о состояніи Акима Захарыча, только замоталъ головою, не говоря ни слова, такъ какъ у него былъ полонъ ротъ воды, и уже выпустивши воду, сказалъ:—«О-о! состояніе Акима Захарыча? Это цѣлая Ротшильдовская компанія!»

Любила ли Александра Акимовна Ивана Ильича? вправѣ спросить теперь меня всякая читательница, очень вѣрно и основательно зная, что эта дѣвица и этотъ молодой человѣкъ для того и сведены въ этой повѣсти, чтобы занять мѣста героини и героя. Положительнѣе можно было бы отвѣтить, что скорѣе она не любила его, но, видаясь не безъ удовольствія довольно часто съ нимъ, она начинала къ нему привыкать. Еслибы его кто въ ея присутствіи ловко ругнулъ, или вѣжливо осудилъ бы его за какой-нибудь общественный проступокъ, она защищала бы его и охотно привела нѣсколько смягчительныхъ свѣдѣній въ его оправданіе. Знай она, что модныя барышни любятъ поминать своихъ обожаемыхъ въ молитвахъ, она непремѣнно и охотно помянула бы и его въ вечерней и утренней молитвѣ, вслѣдъ за покойною матерью своею, отцемъ и теткой. Уѣзжай изъ ихъ мѣста Иванъ Ильичъ, она простилась бы съ нимъ степенно и задумчиво, хотя бы три дня потомъ не принималась съ обычною свѣжестью ни за какую работу; а узнай она потомъ неожиданно, этакъ черезъ годъ, или черезъ два, что положимъ такой-то Иванъ Ильичъ Щебетковскій, который, помните, тогда-то бывалъ у нихъ, умеръ въ Костромѣ отъ холеры, или подстрѣленъ на войнѣ на Кавказѣ, она встревожилась бы и, вскрикнувъ: «Ахъ! Боже мой, какая жалость! Вотъ бѣдный! Такой молодой еще былъ!»—упросила бы разсказать, какъ это случилось, что онъ умеръ, и прилежно выслушала бы все повѣствованіе.

Зима кончалась. Въ воздухѣ повеселѣло. Дороги обстоялись и казались уже черными полосами. Прошелъ великій постъ прошла и Пасха. Мало по малу поля обнажились. Окна выставлены. Явилась зелень. Акимъ Захарычъ рано открылъ покосы и уже почти не сходилъ съ своей зеленой степи. На всѣхъ окнахъ его висѣли въ нитяныхъ клѣткахъ перепела. Табунъ ходилъ верстъ за двадцать, въ другомъ участкѣ его, по полю косякомъ, съ верховыми сторожами. Ивану Ильичу нравилась роль влюбленнаго. Въ Петербургѣ любовь онъ видѣлъ только на сценѣ въ водевиляхъ и со всѣмъ новымъ поколѣніемъ своихъ сверстниковъ охотно ей не вѣрилъ. Здѣсь же, на свободѣ, отрадно предаться ея живописнымъ картинамъ. Онъ вставалъ рано по утру, садился на осѣдланную лошадь и ѣхалъ на поля. Тамъ онъ въ волю мечталъ, — мечталъ и о свѣжемъ личикѣ Шурочки, и о ея

плечахъ, и о толстенькихъ ручкахъ. «Боже! какъ она меня любитъ!»—думалъ онъ иногда ни съ того, ни съ сего, и прибавлялъ, спохватясь: — «и полюбитъ крѣпко!» На немъ былъ коротенькій сюртукъ, въ рукахъ нагайка. Конь рысью бѣжалъ по зеленѣющимъ полямъ. Романтическія увлеченія заходили еще дальше. Иногда Иванъ Ильичъ, запоздавши въ полѣ, оставлялъ въ шинкѣ, подъ селомъ Гончаренка, а самъ шелъ къ нему въ рощу и садомъ, уже впотьмахъ, пробирался къ дому. Онъ отыскиваль угольную комнату, уборную Шурочки, гдѣ та работала всегда съ теткой, прислонялся къ окну и по цѣлымъ часамъ, до полуночи, глядѣлъ за ея движеніями, когда она болтала, шутила съ горничными и, наконецъ, зѣвая, уходила спать. Уходя, Щебетковскій иногда на окно клалъ кленовый листъ, полный ягодъ, или книжку, съ закладкой на какой нибудь страстной сценѣ, и послѣ не спрашивалъ ее о нихъ, стараясь угадать по лицу, что о немъ думали. Шурочка стала замѣчать его страстные взоры, тетка напряженно молчала. Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Щебетковскій самъ себя не могъ понять: любилъ ли онъ самъ? Ему все хотѣлось чего-то рѣзкаго, смѣлаго, какъ-будто у него отнимали лучшее сокровище. Онъ медлилъ и боялся посовѣтоваться съ своею совѣстью. Дни становились душнѣй и душнѣй. Шурочка уже собиралась съ Мареой Захаровной варить варенье и даже имѣла поползновеніе улепетнуть въ лѣсъ, версты за четыре, за глубокимъ оврагомъ, собирать тамъ дикую землянику...

Въ это время какъ-то завернулъ къ нимъ послѣ обѣда Щебетковскій, какъ обыкновенно, почитать, поболтать и погулять въ саду. Вошелъ въ переднюю—нѣтъ никого; въ кабинетъ и въ залу—тоже; въ гостиную—тоже никого нѣтъ Оправившись, онъ собрался было идти на дальнѣйшіе поиски, какъ раздались шаги съ садоваго крыльца, и Шурочка, съ руками въ вишневомъ сокѣ, раскраснѣвшаяся у желѣзнаго таганка, въ коричневомъ платьѣ и такой же ситцевой пелериночкѣ, на скрипѣвшихъ каблучкахъ козловыхъ башмаковъ, вбѣжала въ гостиную.--«Ахъ, мои батюшки!»—крикнула она, увидѣвши Щебетковскаго, и стала трясти замаранными руками. «Дома папенька?» — „Нѣтъ-съ, въ полѣ; тамъ и корни пустилъ у косарей!“ —«А скоро будетъ?»—«Да говорю же вамъ, что засиживается тамъ, иногда и ночуетъ!»—«Но я же его подожду!»—Шурочка, встряхивая руками, побѣжала далѣе. — «Куда-же вы?»—«А вотъ руки вымою; ишь какъ, и-и-Боже мой, какъ вымазалась!» — И, разсматривая липнувшіе пальцы, надъ которыми роились мухи, она побѣжала въ корридоръ

Акимъ Захарычъ не пріѣхалъ къ чаю. Но хозяйки распорядились и безъ него. Угостивши чаемъ Ивана Ильича, Шурочка полѣзла въ гостиной въ столъ, достала оттуда замасленныхъ картъ и сказала:

— Давайте тетенька, обыграемъ Ивана Ильича въ дураки!

Сѣли за столъ. Щебетковскій много ихъ смѣшилъ на этотъ разъ: подтасовывалъ и кралъ карты, ходилъ не въ свою очередь и билъ короля дамой, а все-таки кончилъ тѣмъ, что обыгралъ и Александру Акимовну, и Марѳу Захаровну. Вечеръ прошелъ незамѣтно. Къ ужину опять ждали Акима Захарыча и не дождались. Ужинали безъ него. Послѣ ужина еще поджидали нѣсколько Акима Захарыча и, убѣдившись, что онъ остался ночевать въ полѣ, вѣроятно въ куренѣ, близь табуна, въ другомъ своемъ участкѣ, предложили Ивану Ильичу переночевать. Посидѣли еще немного и разошлись.

Комната, гдѣ отвели ночлегъ Щебетковскому, была рядомъ съ залой и стѣна объ стѣну съ кабинетомъ хозяина. Въ ней подъ стать охотническимъ наклонностямъ хозяина, по стѣнамъ, на подставкахъ, были укрѣплены очень изрядно сдѣланныя домашними средствами чучела животныхъ и птицъ, водившихся въ тѣхъ мѣстахъ и большею частью убитыхъ рукою самого хозяина. Постель нашелъ Иванъ Ильичъ чистую, свѣжую, на мягкомъ зеленомъ сафьяновомъ диванѣ съ пружинами, который и нѣжилъ, и вмѣстѣ прохлаждалъ тѣло. Улегшись и отпустивъ слугу, онъ еще нѣсколько времени читалъ какую-то старинную книжку разрозненнаго журнала съ повѣстью изъ американскаго быта. Потомъ потушилъ свѣчу и перевернулся на другой бокъ, съ цѣлью заснуть. Но сонъ не бралъ его. Ночь была душистая и теплая. Въ растворенное для свѣжести окно доносился шорохъ слегка задѣваемыхъ легкимъ вѣтромъ древесныхъ вершинъ. Передъ самымъ окномъ стоялъ исполинскій берестъ, совершенно заслоняя его отъ лучей и безъ того въ эту ночь заслоненнаго облаками мѣсяца, почему чучела звѣрей и птицъ едва виднѣлись по стѣнамъ и простѣнкамъ комнаты. Въ дальней комнатѣ пробило два часа ночи. Тишина въ окрестности была полная. Только въ самой комнатѣ Ивана Ильича, должно быть забытая прислугою, раскрылась, съ вечера еще, маленькая заслонка въ печкѣ для освѣженія воздуха зимою и, вертясь безъ устали подъ теченіемъ воздуха, тихо звенѣла въ общей тишинѣ комнатъ на разные лады. Вѣроятно звуки ея долетали и до другихъ покоевъ, потому что на противуположной почти сторонѣ дома, какъ бы въ комнатѣ хозяекъ, Щебетковскому послышались слова: «*Марья, Марья*;» черезъ нѣсколько минутъ шепотливый зовъ усилился и опять замолкъ. Видно было, что особа, звавшая служанку, убѣдилась въ отсутствіи послѣдней. И не мудрено: кто могъ, въ эту ночь вырвался изъ-подъ душной кровли и спалъ, разметавшись на открытомъ воздухѣ. Скрипнула отдаленная дверь и опять отворилась, какъ будто отпиравшая ее убѣдилась, что въ другихъ сосѣднихъ комнатахъ нѣтъ ни одного лица, которое бы прошло въ комнату гостя и закрыло бы назойливую вьюшку. Вдругъ Щебетковскому почудилось, и ознобъ пробѣжалъ по

его спинѣ,—что по дубовому полу залы беззвучно шли чьи-то шаги, и къ самой его двери тихо близилась чья-то едва шелестѣвшая нога.—«*Неужели это она?*» — подумалъ онъ и, въ порывѣ какого то неопредѣленнаго движенія, сперва вскочилъ, какъ есть, а потомъ опять упалъ въ постель. Все на минуту замолкло. Какъ ни напрягалъ зрѣнія Щебетковскій, никакъ нельзя было рѣшить, отворяется, или не отворяется его дверь. Однако онъ, не долго думая, оставилъ кушетку и, какъ видѣніе, какъ безплотный духъ, началъ красться къ двери, и ни одинъ ловкій воръ такъ неслышно не крался къ шкатулкѣ, полной золота. На полпути онъ остановился и твердо спросилъ:—«Александра Акимовна! Это вы?» — Шурочка въ это время, также осторожно, какъ призракъ, рукою едва успѣла закрыть заслонку надъ вьюшкой, очутившись поэтому совершенно всѣмъ тѣломъ въ комнатѣ гостя и, готовясь уже также тихо уйти отъ него, думала: — «Вотъ и отлично; я таки закрыла, а онъ спитъ и не слышитъ! Зато дѣло сдѣлано!» Вопросъ Щебетковскаго ее поразилъ «Да, это я!»—отвѣчала она, окаменѣвъ отъ неожиданности, и не знала даже, испугаться ли ей и крикнуть, или просто опрометью бѣжать изъ чужой спальни, гдѣ она такъ безсовѣстно поймалась. «Не бойтесь, умоляю васъ не бойтесь!»—залепеталъ скороговоркою Щебетковскій,—«ангелъ мой, Александра Акимовна, не бойтесь!» — «Что вамъ?!»—спросила тихо Шурочка, все еще держась за ручку двери и не переступая черезъ порогъ. Ей даже казалось сперва, не заболѣлъ ли сильно гость и не требуетъ ли онъ помощи.—«Александра Акимовна, не бойтесь, не бойтесь, умоляю васъ! Оставьте дверь, никто не услышитъ! Я сейчасъ свѣчку зажгу!»—Щебетковскій чувствовалъ, какъ прерывалось у него дыханіе.

— Что вамъ?!—еще разъ спросила Шурочка. Щебетковскій поймалъ ея руку, нѣжно привлекъ къ себѣ и, повторяя:

— Спасите меня, я васъ люблю, будьте моей женой,—онъ сжалъ Шурочку въ своихъ объятіяхъ. Въ это время начинало разсвѣтать. Она посмотрѣла ему только въ лицо.

— Вы будете моей женой?—повторилъ онъ.

— Буду.

— Поклянитесь мнѣ въ томъ.

— Клянусь вамъ Богомъ!—отвѣчала Шурочка оченъ наивно и выпорхнула въ темный еще залъ...

— Дѣло сдѣлано! Теперь она наша!—подумалъ Щебетковскій, легъ и еще успѣлъ заснуть до выхода къ чаю,

Торжественно-степенный вышелъ на другой день Иванъ Ильичъ въ залъ, гдѣ уже суетливо раздавалъ по хозяйству приказанія подъѣхавшій незадолго утромъ Акимъ Захарычъ, поклонился хозяйкамъ, поболталъ съ хозяиномъ, напился чаю и велѣлъ запрягать лошадей, торопливо увѣряя, что пора ѣхать и что надо еще повидаться съ однимъ барышникомъ,

который торгуетъ у него ленъ. Въ это время подкатила таратайка съ двумя веселыми сосѣдями Ахима Захарыча. Всѣ снова разговорились, и Щебетковскій просидѣлъ еще до обѣда. Шурочка при этомъ сидѣла какъ-то сама не своя, перешептываясь изрѣдка о незначащихъ вещахъ съ теткой и почти не поднимая глазъ. Послѣ обѣда Щебетковскій сухо взялся за фуражку и, простившись съ Акимомъ Захарычемъ, который особенно какъ то на этотъ разъ тепло пожалъ ему руку уѣхалъ. Шурочка корридоромъ выскочила въ сѣни и сунула ему записку. Садясь въ экипажъ, Щебетковскій прочелъ: «Я твоя... на вѣки... Будемъ потихоньку переписываться... Твоя милый Ваня!.. Mon ange!—Жду! А. Г.» Послѣ отъѣзда его она еще слушала продолжавшійся общій разговоръ. Потомъ встала, безсознательно дошла до спальни, глянула искоса въ зеркало, сѣла бокомъ къ окну, на край стула, взяла въ ротъ какой то листокъ, медленно вздохнула, губа и уголъ брови ея дрогнули, крупныя слезы выступили изъ ея глазъ, и, громко рыдая, упала она широкимъ и добрымъ лицомъ въ измятую подушку...

Между тѣмъ, невѣдомо для Антона Степановича и самого Щебетковскаго и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, сосѣдніе и болѣе отдаленные языки уже усердно работали. Двоюродные сестры, троюродныя сестры, крестницы, кумушки и экономки не жалѣли ни догадокъ, ни соображеній. Самыя ядовитыя пересуды шли уже на счетъ новаго гостя. Сплетались небывалыя происшествія, на счетъ его внѣшней петербургской и даже тифлисской жизни, хотя въ послѣднемъ краѣ онъ даже не бывалъ.

Всѣ уже прямо толковали объ очевидно близкой помолвкѣ Щебетковскаго съ дочкой Гончаренко. Одинъ Антонъ Степанычъ ничего не зналъ.

Едва оправившись отъ болѣзни, онъ былъ еще слабъ и какъ то дѣтски робокъ ко всему окружающему. Съ первымъ весеннимъ тепломъ, онъ сталъ опять прогуливаться въ своемъ зеленомъ халатѣ, подпоясанномъ платкомъ, и въ картузѣ съ утинымъ козырькомъ. Первый визитъ былъ, разумѣется, къ сосѣду за рѣку. Щебетковскій принялъ его радушно, и Антонъ Степанычъ замѣтилъ, что онъ уже кое что смыслитъ въ хозяйствѣ, копается въ саду и знакомится съ пріемами и веденіемъ полевыхъ работъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, произошли два слѣдующихъ случая. Была въ Колтунахъ ярмарка. Антонъ Степанычъ чопорно расхаживалъ между мѣщанствомъ и мужичьемъ, которое онъ въ глубинѣ своихъ дворянскихъ убѣжденій отъ всей души презиралъ, и прицѣнялся то къ новымъ ульямъ, то къ стану готовыхъ колесъ, то къ связкѣ луку, готовясь кутнуть и утереть носъ цѣлой десятирублевой ассигнаціи, какъ услышалъ свое имя. По площади, между палатокъ, ѣхала въ крытой бричкѣ грузная и исполинская особа, въ которой тот-

часъ Антонъ Степанычъ узналъ Прасковью Кондратьевну. Но пани Дженджериха, навьючивъ весь свой экипажъ покупками, такъ что даже дѣвка ея, сидѣвшая на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, держала на колѣняхъ какую-то завязанную кладь, узнала его еще прежде.—«А, чортовъ сынъ!»—кричала она довольно громко, высунувшись изъ брички. Антону Степанычу при этой выходкѣ показалось сперва, что она пьяна или говоритъ кому-нибудь другому. И онъ, смѣшавшись, сталъ оглядываться по сторонамъ.—«Нѣтъ, тебѣ, тебѣ я говорю!»—подхватила опять во всю глотку толстая помѣщица, махая зонтикомъ и подъѣзжая къ нему. Онъ открылъ ротъ и даже въ изумленіи картузъ снялъ.

— Такъ это ты надъ добрыми людьми смѣяться думаешь?—кричала сердитая помѣщица:—и *такъ* ты ѣздишь сватать всякую шушваль, всякую дрянь, а самъ потомъ насмѣхаешься, да и носа не показываешь? Слава Богу, есть чѣмъ жить и безъ васъ! Раичка моя не такого еще жениха найдетъ, какъ эта прохвостница Гончаренкова. Да и скоро найдетъ, вотъ что тебѣ: полковникъ одинъ сватается! И еще богатый, и Станиславъ на шеѣ есть, и не такой шибеникъ, какъ твой нюня! Да и ты самъ съ нимъ выѣденнаго яйца не стоишь, вотъ тебѣ что! Да! Пошелъ, Дормидошка!—И, плюнувъ чуть не въ самый носъ Антона Степаныча, свирѣпая пани поѣхала съ площади, въ кругу разступившагося и глазѣвшаго на нее народа. «Что за притча!» думалъ старикъ, оставшись среди ярмарки и озадаченный такъ, что долго не могъ собраться съ мыслями: «что Прасковья Кондратьевна, хотя и почтенная дама, крупна на выраженія и любитъ таки покричать и показать себя, это всякъ знаетъ! Однако-же, за что такое неуважительное обхожденіе? Чѣмъ виноватъ я, и чѣмъ виноватъ Иванъ Ильичъ?

Не успѣлъ объясниться съ сосѣдомъ Фабриціусъ на счетъ этой встрѣчи, какъ подоспѣлъ другой случай. Откладывая свое посѣщеніе къ Щебетковскому, Антонъ Степанычъ однажды пошелъ съ дудочкой. Была отличная перепелиная охота. Сидя какъ то въ молодомъ просѣ, поглядывалъ онъ по сторонамъ и, задумавшись, почти безсознательно сюсюркалъ въ свистокъ. Вдругъ, шагахъ въ пятидесяти отъ него, у дороги, поднялся изо ржи незнакомый какъ будто дворовый мальчишка и, осторожно глянувъ по сторонамъ, опять опустился въ рожь.

— Эй, ты! Кто ты такой?—крикнулъ старикъ, поднимаясь въ свой чередъ изъ проса.—Отвѣта не было.—Говори-же, отвѣчай!—крикнулъ еще громче Фабриціусъ, начиная видѣть въ этомъ мальчикѣ и въ этомъ упорствѣ что-то недоброе, и голосъ его рѣзко откликнулся по полю, уже захваченному началомъ сумерекъ. Отвѣта снова не было. Бросивъ сѣть, Фабриціусъ поплелся къ замѣченному мѣсту, сдѣлалъ шаговъ де-

сять въ одну сторону и потомъ на крестъ въ другую. Мальчикъ, открытый врасплохъ, выскочилъ, какъ заяцъ, изъ-подъ его ногъ и пустился бѣжать. Подъ мышкой его была какая то книжка. Подобравъ полы халата, старикъ кинулся вслѣдъ за нимъ. Кочки и бурьянъ мѣшали бѣжать, но мальчикъ былъ скоро нагнанъ.

— Ну, что вамъ? что?—спросилъ онъ довольно дерзко, остановившись передъ старикомъ.

— Какъ ты смѣешь, дрянь!—прикрикнулъ на него старикъ и ухватилъ его за вихоръ.

— Я не дрянь, а драться чужимъ нельзя!—И, хвативъ довольно ловко по рукѣ старика, мальчишка снова пустился бѣжать.

— А, такъ ты такъ?—зашипѣлъ уже съ яростью преслѣдователь:—теперь же ужъ не убѣжишь!—Скинулъ сапогъ съ ноги и пустилъ имъ въ голыя пятки бѣглеца. Сапогъ сбилъ послѣдняго, мальчишка запнулся, упалъ и выронилъ книжку.

— Ну, ее то мнѣ и нужно!—сказалъ Антонъ Степанычъ:—а ты можешь себѣ идти!

— Нѣтъ, вы отдайте книжку!—заговорилъ покоренный, всхлипывая:—а вы драться не смѣете! я барину скажу!

— Кто твой баринъ?—спросилъ старикъ, не отошедши еще отъ злости и трепетавшими руками раскрывая книжку непонятнаго языка и содержанія, въ которую, однако, была вложена записочка.

— Акима Захарыча барина; изъ ученья взятъ! отдайте книжку!—За спиной у старика точно что-то полилось или забѣгали муравьи. Онъ взломалъ печать на запискѣ и прочелъ слѣдующее: «Желанье твое, милый Ваничка, исполняю. Папеньки послѣ-завтра опять дома не будетъ. Онъ на три дня уѣзжаетъ въ Побывное. Пріѣзжай; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь. Письма твои я прячу. Марѳа Захаровна тоже собирается въ лѣсъ идти за ягодами. Я, значитъ, буду одна. Не томи меня, покажи себя—пріѣзжай! Твоя на вѣки, любящая—Александра Гончаренко...» Руки старика сами собой осунулись по туловищу. Лицо вытянулось, и глаза затмились, точно ихъ кто-нибудь задулъ. Давно ушелъ и разобиженный, пойманный мальчикъ; давно и солнце опустилось за склонъ зеленѣющаго холма. А Фабриціусъ все еще стоялъ среди поля, и огненными строками мелькало передъ его глазами извѣстіе: «Иванъ Ильичъ Щебетковскій женится на Александрѣ Акимовнѣ Гончаренко.. »

— Какъ?—повторялъ на другой день Фабриціусъ, осматривая свою нетечанку и шныряя торопливо то въ домикъ, то на конюшню:—Этотъ молокососъ, этотъ вертопрахъ, эта, можно сказать, сволочь, голь,—женится на Шурочкѣ? Да куда же отецъ глядѣлъ?

И кто-же, какъ не самъ онъ, Антонъ Степанычъ, лично,

своею особою, хотя и случайно, но все таки дѣйствительно самъ привезъ его и ввелъ въ домъ Акима Захарыча. Какова же судьба? Семнадцать лѣтъ обдумывать дѣло и попасться въ просакъ. «Нѣтъ! Дѣло еще не потеряно! Скорѣй, скорѣй лошадей! Ѣду къ самому отцу: все открою, все разоблачу! Выведу его на свѣжую воду. Да и ее, сударушку, распеку порядкомъ!» И Антонъ Степанычъ, торжественно нарядившись, покатилъ къ Гончаренкѣ.

Въ то же почти время изъ уѣзднаго города почта повезла въ Петербургъ отъ Ивана Ильича письмо слѣдующаго содержанія. На конвертѣ: Его Высокоблагородію Карлу Богдановичу Шмерцу, экзекутору такого-то департамента. «Милостивый Государь, любезный другъ и бывшій когда-то мой начальникъ, Карлъ Богдановичъ. Пишу къ вамъ изъ собственнаго моего, дѣдовскаго помѣстья. Край очень живописный и благодатный; страна лѣни, черешенъ и варениковъ. Отставку я получилъ отъ его превосходительства, Василія Емельяновича! Передайте ему мой поклонъ, равно какъ и всему его семейству. Карьера бумагъ кончена. Ремесло пахаря и чумака теперь смѣнило ихъ. Помните, какъ мы, уходя изъ присутствія и покуривая у васъ трубочки, подтрунивали надъ этимъ чернильнымъ міромъ. О! вижу васъ теперь отсюда: хромые и слѣпые, толстые и плѣшивые, въ потертыхъ и въ новыхъ вицмундирахъ, чающіе движенія чиновъ и орденовъ, какъ подборъ калѣкъ у Силоамской купели, со страстишкой понюхать у сосѣда щепотку табачку и прочесть, между двумя отношеніями, новый листокъ „Пчелки“. Больше я съ вами уже не буду переводить канцелярскихъ принадлежностей. Живу теперь привольно, ѣмъ, пью, сплю, веселюсь, разъѣзжаю, волочусь за дочками сосѣднихъ помѣщиковъ. Кстати, мой другъ, Карлъ Богдановичъ. Я женюсь, женюсь на пышкѣ, такой крупичатой, аппетитной, русой и здоровой, только немножко тяжелой на подъемъ дѣвушкѣ. Отецъ ея—образецъ старыхъ нравовъ, но богатъ и съ умѣньемъ жить. Скоро вѣроятно и покончимъ дѣло и присосѣдимъ ее голубушку, къ своему домашнему обиходу. А теперь, пока, прошу васъ убѣдительно, въ ожиданіи моего брака, отыскать на Выборгской сторонѣ извѣстную уже вамъ мою былую пріятельницу, Мину Антоновну, по прилагаемому адресу. Она, говорятъ, проживаетъ теперь въ бѣдности. Прошу на посылаемую сумму разсчесться съ нею, да загладятся старые грѣхи; а на остальное купить мнѣ ящикъ лучшихъ сигаръ. Кстати, сообщаю вамъ еще забавный здѣшній случай.»

Тутъ приводился довольно грязненькій разсказъ о происшествіи съ исправницей и однимъ отставнымъ ротмистромъ.

VII.

Маневръ.

Въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ жабо, съ самой суровой и торжественной физіономіей, покатилъ Антонъ Степанычъ къ Гончаренкѣ. Лошади были заняты у сосѣдняго священника, страстнаго любителя пчелъ и обладателя прехорошенькой молодой жены. Въѣхалъ онъ во дворъ съ громомъ и съ шумомъ. Акима Захарыча еще издали замѣтилъ онъ на крыльцѣ, въ разговорѣ съ павлоградскимъ жидкомъ, покупщикомъ мѣстной пшеницы и льну.

— А, Антонъ,—ласково сказалъ Гончаренко—ты уже выздоровѣлъ? Очень радъ! —И, не оборачиваясь, сталъ пересчитывать поданныя купцомъ деньги.—Вообрази, продалъ пшеницу по осьми цѣлковыхъ за четверть! Какова цѣна выпала! Собиралъ долго, да все и спустилъ теперь; а вотъ онъ еще кланяется и проситъ, думая, что я задерживаю запасъ!—Антонъ Степанычъ, чопорно осадивъ лѣзшій на уши галстухъ, глянулъ изъ-подъ-лобья и видѣлъ, что жидокъ, дѣйствительно, кланялся.

— Да что, братецъ,—продолжалъ Гончаренко—это только, смѣха ради, можно охать у насъ на хозяйство! каковы куши другіе наши то украинскіе тузы взяли, кто съумѣлъ выдержать лѣтъ пять и семь цѣны, не давая много воли своимъ женамъ-модницамъ да дочкамъ. Вонъ Хрисанфъ Михайлычъ Прузовъ продалъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ четвертей пшеницы по восьми цѣлковыхъ и получилъ въ одинъ разъ сто двадцать восемь тысячъ рублей серебромъ, а на ассигнаціи четыреста шестьдесятъ двѣ тысячи. Ну, что твой сосѣдъ, потомокъ блаженной памяти гетмана Щебетковскаго? Что въ самомъ дѣлѣ онъ насъ забылъ?.. Да и ты, братъ, что такимъ сычомъ смотришь?..

— Я-съ, Акимъ Захарычъ-съ... я съ къ вамъ-съ одно дѣло имѣю-съ, важное,—не угодно-ли—одно дѣло .. переговорить-съ...

— Что такое, что такое? Фу, какая у тебя оффиціальная физіономія! Пойдемъ, впрочемъ, говори!

Друзья усѣлись въ знакомомъ уже кабинетѣ. Фабриціусъ положилъ на колѣни шапку, стиснутыя въ трубочку замшевыя перчатки, помолчалъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ:

— Акимъ Захарычъ! Извѣстно-ли вамъ, что на имя, честь и руку вашей дочери посягаетъ ничтожный, мало-извѣстный человѣкъ?

Гончаренко поднялъ брови, и въ груди его послышалось хрипѣнье...

— Повтори!

— Извѣстно ли вамъ, что Шурочку сгубили, околдовали, она нѣжничаетъ, влюбляется, записочки пишетъ, можетъ быть на шею цѣпляется уже всѣмъ встрѣчнымъ мужчинамъ...

— Ну, кому-же первому? Говори безъ обиняковъ!

— Мальчишка, пройдоха, галантеръ, полотеръ, кровопійца, этотъ-то мой!.. Какъ его? душегубъ, какъ его? — да вы знаете...

— Чортъ тебя, братецъ, разберетъ! Говори порядкомъ, — крикнулъ Гончаренко:—ну! что слюни развѣсилъ, хныкать собираешься? говори порядкомъ!

Антонъ Степанычъ перемялся на стулѣ, оправилъ галстухъ и брякнулъ:

— Иванъ Ильичъ Щебетковскій, этотъ-то самый Щебетковскій, этотъ-то самый потомокъ гетмана, какъ вы говорите... Онъ, онъ, бестія! Я же его на мою бѣду и привезъ сюда! Я же и отогрѣлъ на груди у себя змѣю эту. Акимъ Захарычъ, другъ! благодѣтель! Позвольте! Александра Акимовна пусть позволятъ, — саблю отточу, кирасу надѣну, бумаги десть на грудь запрячу, чтобъ не опасно было, вызову его на поединокъ и убью!.. Убью, клянусь, убью!

Акимъ Захарычъ всталъ, набилъ трубку, отеръ капли пота на лбу, сѣлъ опять рядомъ съ другомъ, нагнулся ему къ уху и сказалъ:

— Добрякъ ты мой, Антонъ, спасибо тебѣ; только я все это уже знаю, и самъ не прочь! Подождемъ! Открытаго предложенія еще не было; а каша давно заварилась...

— Да помилуйте, да какъ же это: пройдоха, мальчишка, галантеръ, полотеръ, губитель!—вскрикнулъ Фабриціусъ и даже отскочилъ.

— Ну, ты не бѣсись на него, Антонъ, а то мы поссоримся! Онъ, по моему, добрый малый, умный, и имѣньишко есть, хоть небольшое, а все-таки есть! Какого же еще намъ князя искать?..

Фабриціусъ поникъ головой вздохнулъ и замолчалъ.

Черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ на любимомъ мѣстечкѣ, въ горенкѣ Александры Акимовны, и отпускалъ шуточки и намеки на сердечныя склонности рода человѣческаго; комнатныя дѣвки работали вокругъ большаго стола новое бѣлье барышнѣ и тоже посмѣивались между собою. «Вотъ, тутъ бы поскорѣе гербики нашить *азъ* и *ща*»! — сказалъ Антонъ Степанычъ, ткнувъ пальцемъ въ воротникъ скромной сорочки. Шурочка такъ и сгорѣла. Казачекъ внесъ на подносѣ фляжку съ водкой и закуску. Старикъ выпилъ, хотѣлъ что-то сказать особенно сладкое, улыбнулся, носъ его сморщился, вѣки дрогнули, и на губу его сбѣжала крупная слеза. Надъ кроватью Шурочки висѣла подержанная, желто-фіолетовая гитарка Мароы Захаровны. На этой гитарѣ съ молоду еще тетенька любила

играть въ часы печали. Антонъ Степанычъ проворно сдернулъ ее съ гвоздя, обтеръ обшлагомъ пыль, откашлялся и дребезжащимъ голосомъ запѣлъ сочиненный имъ когда-то при рожденіи Шурочки извѣстный кантъ:

«Въ честь Россіянки прекрасной,
«Пойте, пойте гимнъ согласной»!

Пѣсня до того разстроила старика, что онъ разрыдался, всталъ, сказалъ: «Дочь моя, Александра Акимовна, Шурочка! поздравляю васъ... тебя... а впрочемъ выходи за него замужъ! онъ добрый человѣкъ»! »и убѣжалъ изъ ея комнаты.

По уходѣ его Шурочка сѣла къ столу, медленно склонилась къ шитью, медленно вздохнула, и мысль ея понеслась далеко—далеко. А фрейлины ея затянули свадебную деревенскую пѣсню.

Перекусивши и еще выпивши не одну рюмку знаменитой наливки «попадьи» съ самимъ Акимомъ Захарычемъ, Фабриціусъ козыремъ взобрался на нетечанку и снова помчался къ Калиновской усадьбѣ. Пара пѣгашекъ священника только пофыркивала. «Эхъ, тузъ ты, стрѣла, пронова! Эхъ, молодой же ты человѣкъ! — говорилъ про Щебетковскаго самъ съ собой Фабриціусъ:—вѣдь вотъ, пойди же ты съ нимъ; возьмутъ да и завоюютъ сразу»!

Лошадки въ пѣнѣ и въ мылѣ примчали Антона Степаныча къ крыльцу Ивана Ильича.

— Дома баринъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Только-что уѣхали.

— Куда? быть не можетъ!

— Въ городъ-съ. Въ городѣ ярмарка. Должно быть платье заказывать; говорятъ, новый портной изъ Кіева пріѣхалъ; или деньги въ казначейство взносить.

Старикъ тревожно взглянулъ на лошадей. «Что братъ, Ваня, довезутъ? а?«—«Куда?!»—«Въ городъ-то, въ догонку?»—Верзило-кучеръ озадаченный непривычнымъ наѣздничествомъ Фабриціуса, искоса посмотрѣлъ ему въ носъ, потомъ на ноги и переложилъ возжи изъ рукъ въ руки. «Какъ не довезти! Довезутъ: чай, не обывательскія» — «Ну, такъ жарь ее, братъ, Ваня, откалывай во всѣ лопатки; я тебѣ пятіалтынный дамъ на водку!»—Запалилъ долговязый священниковъ кучеръ во всю Ивановскую, и полетѣлъ старикъ въ городъ, въ догонку за Щебетковскимъ. До города было опять безъ малаго верстъ семнадцать. Солнце садилось уже, когда онъ догналъ сосѣда, почти у городскихъ воротъ. Бойко выскочилъ Антонъ Степанычъ изъ таратайки, обмахнулъ платочкомъ пыль съ сапоговъ, подбѣжалъ къ Щебетковскому, умильно потрепалъ его по колѣну и сладко пресладко сталъ смотрѣть ему въ глаза. «Радуйтесь и веселитесь!» хотѣлъ онъ уже сказать на-прямикъ.

Но какъ выразиться такъ откровенно и еще при двухъ кучерахъ? А французскаго языка на этотъ случай не хватало. «Вене, же-ву занъ...» только и вертѣлось въ умѣ.—«Что вы, Антонъ Степанычъ, куда это вы?» — «Я тоже почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ, я тоже—портной новый изъ Кіева—обносился—надо брючки, и сюртучекъ —и еще кое-чего!»—«Да вы что-то особенно радостно смотрите, и жилетъ на васъ бѣлый, и жабо, фу ты, пропасть! Эхъ, берегитесь: ужъ не шашни-ли съ какою-нибудь горожанкою завели?» —«Э-э! помилуйте съ, какія шашни-съ! Такъ, въ городѣ захотѣлось побыть! Не хотите-ли въ одномъ номерѣ для экономіи остановиться?» — Щебетковскій принялъ это предложеніе. Старикъ усѣлся въ свою таратайку, Ваня стегнулъ лошадей, и пріятели потащились, утопая въ пескѣ городскихъ улицъ. На лицѣ старика играла улыбка. «Постой, погоди, — думалъ онъ:—объявлю ему всю правду въ городѣ; вотъ, я полагаю, обрадуется, отцемъ роднымъ будетъ звать, десять десятинъ лугу и пасѣку всю подаритъ за труды! Что ему въ ней тогда, какъ тысячникомъ сдѣлается!» —На лугъ и пасѣку, какъ видно, онъ сильно разсчитывалъ. Отъ взятокъ онъ, тоже, какъ видно, былъ не прочь.

Остановились пріятели въ городѣ, въ одномъ номерѣ. Съ пути Щебетковскому захотѣлось чаю. Отчего же не напиться съ сосѣдомъ чаю? И дуетъ старикъ чуть не пятый стаканъ. «Ну, какъ же ваше здоровье теперь, Антонъ Степанычъ?»—«Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ! Малый, рому, или французской водки! Не хотите-ли рому?» — «Да вы кутите, Антонъ Степанычъ!» — «Ничего-съ, ни-и-и-чего-съ; для друга, для дружка дашь и Сережку изъ ушка! Малый, рому!» — и, накрывъ дрожащею, морщинистою рукою чашку, старикъ самъ отправился въ буфетъ искать сердце-бѣснующаго напитка. Копался онъ долго. Сосѣду его, какъ видно, надоѣло ожидать.—«Гдѣ Иванъ Ильичъ?» спросилъ Фабриціусъ, возвратясь изъ буфета съ какою то мутно бурою флягой. Вопросъ адресовался къ половому, который, яростно дуя и плюя, чистилъ чей-то сапогъ со шпорой. «Изъ энтого номера?»—«Да!» — Половой глянулъ противъ свѣта на сапогъ и, прищурясь, отвѣтилъ:—«Пошли на бильярдъ къ Каплуновичу играть¡»—«Ишь ты, а меня не подождалъ!» -- подумалъ съ досадою старикъ. Зная, что *Каплуновичъ* — такое уже мѣсто, откуда пріѣзжему, а особенно холостяку, трудно вырваться скоро, онъ со вздохомъ взглянулъ на припасенную флягу, отправился одинъ въ свой номеръ, смастерилъ себѣ, въ отместку, порцію забирательнаго пуншу, закурилъ трубочку, сѣлъ съ ногами на окно и сталъ дожидать пріятеля. А на душѣ-то такъ весело, что и не сказать словами. «Боже ты мой правый и единый,—думалъ Антонъ Степанычъ, сидя на окнѣ:—покрой ее святымъ покровомъ твоей Небесной Матери; отгони отъ нея горе злыхъ и

печаль лукавыхъ! Дай счастье ей, вѣрной рабѣ дома твоего! Господи, Господи!»—И онъ почти вслухъ молился.

Трактиръ Каплуновича, куда между тѣмъ ушелъ Щебетковскій, кипѣлъ народомъ. Это былъ аристократическій трактиръ, содержимый вдовою Шкловскаго негоціанта изъ іерусалимскихъ помѣщиковъ, носившей имя Хайки Абрамовны. Притонъ всѣхъ ремонтеровъ, проѣзжихъ гусаровъ и туземныхъ гулякъ изъ дворянъ и купцовъ, этотъ пріютъ, закопченныхъ трубнымъ дымомъ залъ и корридоровъ, во время ярмарки особенно оживлялся. Иногда отсюда выходилъ съ разбитымъ носомъ самъ мѣстный городничій. А когда проходили черезъ городъ уланы, то отсюда въ окно, къ счастью только втораго этажа, обыкновенно вылеталъ на улицу безъ галстуха, съ колодою смятыхъ картъ въ рукахъ, либо весьма почтенной наружности членъ уѣзднаго суда, либо, вслѣдствіе какого-нибудь карточнаго фокуса за штосомъ, кто нибудь изъ самихъ господъ улановъ. Выпивши у буфета рюмку бальзаму, Щебетковскій закусилъ огурцомъ и вошелъ въ общій залъ, изъ котораго три двери вели въ три отдѣльныя бильярдныя комнаты. По всѣмъ угламъ были кучи посѣтителей, табачный дымъ стоялъ столбомъ. Лампы только-что начинали зажигать. Пробившись за купеческими и дворянскими спинами поближе къ одному изъ бильярдовъ, Иванъ Ильичъ задумчиво сталъ раскуривать папироску, сравнивая мысленно это грязное и бѣдное мѣсто наслажденій съ зеркальными ресторанами Невскаго проспекта. — «Ба! Щебетковскій! Говоруха! Говори-щебечи, банкъ мечи! какими судьбами?»—«Силентьевъ, Вася!» И пріятели-соученики обнялись дружески, на время прервавши общую игру въ алягеръ. Щебетковскій, опомнившись отъ первой встрѣчи, сталъ смотрѣть на былаго товарища, тщетно стараясь угадать въ потертомъ зеленомъ вицъ-мундирѣ его, въ небритомъ подбородкѣ и въ красно-багровыхъ глазахъ—памятную голубую курточку съ бѣлымъ воротникомъ, дѣтски-нѣжныя щечки и свѣтло-синія глазки нѣкогда близкаго ему соученика Васи. Дѣло непостижимое! Отставной и недоученный лицеистъ Василій Силентьевъ когда-то дѣйствительно пользовался особымъ расположеніемъ другаго мальчика, Ивана Щебетковскаго, слылъ въ лицеѣ за отличнаго товарища и лихаго малаго, отличался необыкновенною памятью, страшною лѣнью и сонливостью на урокахъ и дикою страстью къ самымъ буйнымъ, отчаяннымъ похожденіямъ, въ ущербъ добропорядочному поведенію. Изломанные столы и скамейки, изрѣзанные переплеты книгъ и платье, разбитыя стекла въ окнахъ директора и надзирателей, подожженные волосы у сонныхъ сторожей, чернила, опрокинутыя на платье особенно щегольскаго учителя географіи, и, наконецъ, цѣлый ребяческій бунтъ, устроенный въ наказаніе учителя латинскаго языка за то, что послѣдній настоялъ передъ директоромъ высѣчь уче-

ника старшаго класса,—были слабыми памятниками пребыванія въ лицеѣ этого Силентьева. Многіе изъ болѣе впечатлительныхъ товарищей его, бывшіе потомъ либо въ полкахъ, либо въ канцеляріяхъ, долго еще отыскивали имя его въ газетахъ, дѣтски-преданно ожидая, что вотъ безпримѣрный другъ ихъ отличится гдѣ-нибудь на войнѣ, при взятіи штурмомъ неприступнѣйшей батареи, или прославится въ литературѣ, или затмитъ всю предшествующую извѣстность ихъ школы какимъ-нибудь проектомъ или рѣшеннымъ труднымъ дѣломъ на гражданской службѣ. Но имени *Силентьева* не попадалось въ газетахъ, и самъ онъ совершенно исчезъ изъ глазъ горсти былыхъ друзей дѣтства, разсѣянныхъ по свѣту. Щебетковскій глядѣлъ на него и не узнавалъ его. Что значитъ семь-восемь лѣтъ разлуки! Знаменитый коноводъ школьныхъ энергическихъ предпріятій стоялъ передъ нимъ оборванный, неумытый и нечесанный. Воротъ грязной рубашки выбивался изъ-подъ бураго шелковаго платка на красной шеѣ. Сапоги съ загнутыми длиннѣйшими носками, работы уѣзднаго мастера Васюка-Васюченка, выказывали въ объемистыя дырки, тѣло безъ чулковъ. Онъ свирѣпо косился на шаръ, ерзая кіемъ по рукѣ и кашляя тѣмъ кашлемъ здоровенныхъ дѣтинъ изъ отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, который называется «*какъ-изъ-бочки*»,—вообще былъ кажется, не прочь убить муху, втесаться въ прихвостни къ богатенькому барину, лишь бы пообѣдать на чужой счетъ, смотрѣлъ непріязненнымъ тономъ на все, что отзывалось порядочнымъ обществомъ и водился уже нѣсколько лѣтъ сряду съ одними самыми темными и отпѣтыми забулдыгами. «Мы, браэцъ, простяки, батраки, чумаки; мы, браэцъ, черррнорррабочіе!»—говорилъ онъ, дерзко глядя въ глаза всякому новичку на уѣздныхъ пирушкахъ и попойкахъ. Въ этомъ самоуничиженіи, впрочемъ, укрывался имъ особый ухарскій оттѣнокъ: «дескать, сволочь ты, барченокъ, а вотъ мы, по пословицѣ, и неумыты, да веселы и сыты!»—Окончательно сказать, Силентьевъ, изгнанный нѣкогда, при общемъ полусожалѣніи, полуторжествѣ товарищей изъ лицея, потомъ юнкеръ и съ грѣхомъ пополамъ офицеръ какого-то пограничнаго полка, наконецъ—судейскій протоколистъ, изгнанный вскорѣ и тутъ изъ общества смиренной канцеляріи, былъ уже просто грязноватый уѣздный побродяга и дармоѣдъ, еще добрый сердцемъ, но окончательно растлѣнный провинціальною тиной, нечистый на руку и неоффиціально подъ угломъ, не разъ битый за коекакія черезъ-чуръ уже крупныя, кляузническія продѣлки.

— Такъ ты, дружище, здѣсь служишь?—спросилъ его Щебетковскій, не безъ тяжелаго грустнаго чувства продолжая осматриватъ жалкую ветошь его мутно-сѣраго наряда и измѣненныя черты его лица.—«Да, братъ, кобелишко, здѣсь! Что небось, забылъ, какъ тебя звали въ лицеѣ кобелишкой? прытокъ ты былъ и больно труслив! А? Каковъ шаръ? Смотри! Аррръ...

А мы такъ, братъ, тянемъ лямку, въ чернилахъ купаемся; а ты, значитъ, все на высшихъ точкахъ, сюперфлю-вассерфлю пробиваешься?» И, перекосясь лицомъ и всѣмъ туловищемъ, онъ стукнулъ громко по полу кіемъ и сталъ въ дерзкую драматическую позу. Два сидѣвшіе пѣхотные офицера переглянулись при этомъ между собою и ушли, а одинъ купецъ вдругъ разсмѣялся, точно изъ ружья выстрѣлилъ, и также пошелъ махая рукою, въ буфетъ. «Фи, нельзя! съ фами нельзя, у фасъ шуллерскій кій и подъ руку говоришь!» сказалъ съ сердцемъ партнеръ Силентьева, низенькій человѣчекъ съ огромной головой и съ кривыми ногами, бросая на билліардъ кій и уходя: «меня предупреждаль, да я не пофериль; шуллерскій кій, шуллерскій кій, и сами фи шуллеръ! Господа, это шуллеръ! партія не въ счетъ!»—«Ха-ха-ха! у-у-у!» затрубилъ въ слѣдъ уходящему нѣмцу Силентьевъ, которому очевидно такіе отзывы были не въ диковинку. — «Хочешь Щеботковскій, съиграемъ по червонцу въ алягеръ вдвоемъ; да закусить вели подать!»—«Я въ бильярдъ не играю, а закусить закусимъ!»—И онъ заказалъ довольно отборную закуску. «Ну, по гривеннику»!—«Да не могу же»!—«Ну, я буду и за тебя, и за себя играть!»—Силентьевъ выставилъ и ловко пустилъ по красному въ догонку бѣлаго. Пошли разспросы о старинѣ и о старыхъ товарищахъ. «Ну, а ты, чѣмъ тутъ служишь»?—«Я? Служилъ въ судѣ, да уже теперь не служу; «по маслу, браэцъ, спустили! Въ дѣлѣ Южакова съ Сысоевымъ покривилъ душою! Знаешь, любовишка завелась; ну, и прихапнулъ, знаешь, самъ венъсенъ-рубль анъ-аржанъ; а секретарь Масловъ и донесъ Борису Карпычу, судьѣ,—ну и спустили по маслу, этакъ, знаешь—фюйть»!—и наставивши ладонь, Силентьевъ свиснулъ на вѣтеръ. У Ивана Ильича даже ознобъ пошелъ по спинѣ отъ такой безцеремонности былаго товарища...

— «А что, душа, скажи ты мнѣ, по чистой правдѣ: служа здѣсь въ судѣ, узналъ ты здѣшнихъ помѣщиковъ»?—«Какъ свои пять пальцевъ!»—Щеботковскій подумалъ, взялъ кій и сталъ играть съ Силентьевымъ, причемъ изъ ударовъ его видно было, что бильярдъ не совсѣмъ ему незнакомъ.—«Хорошо: коли ты знаешь окружныхъ помѣщиковъ, скажи, знаешь ли ты Гончаренка»?—«Акима то Захарыча»?—«Да»!—Силентьевъ съ громомъ посадилъ желтый шаръ въ среднюю и остановился.—«Маненько знаемъ», проговорилъ онъ.—«А что, какъ велико имѣніе этого Гончаренка»?—спросилъ Щеботковскій опять.—«Фю-фю фю»!—засвисталъ Силентьевъ, цѣлясь опять въ желтаго и поднимая ногу при этомъ въ уровень съ ухомъ.—«А что»?—«Да было имѣніе значительное, спроси хоть кого хочешь».—«Какъ было? А теперь»?—«Теперь не совсѣмъ! не совсѣмъ«! Иванъ Ильичъ почувствовалъ, какъ бы кто нибудь сталъ ему отъ затылка вдоль спины лить холодную воду.—«Что ты за вздоръ несешь?.. Вѣдь онъ былъ же

откупщикомъ и страшные куши нажилъ»?—«Такъ, дружище, такъ; былъ и нажилъ! На откупахъ нажилъ, а на подрядахъ все спустилъ, да еще чуть ли и не приплатился; селитру вздумалъ поставлять, а послѣ хлѣбъ и дрова. Его и вкатили въ полторы сотни тысячъ убытку!»—«Да какъ же это такъ? Полно тебѣ! Вѣдь у него четыреста тысячъ чистаго капиталу лежитъ въ ломбардѣ!» Кій въ рукахъ Щебетковскаго, отставленный отъ бильярда, дрожалъ. Самъ онъ былъ бѣлѣе стѣны. «Четыреста тысячъ»?! Съ этими словами Силентьевъ тоже оставилъ кій. «Ну, уже, братъ, извини; я уже дѣло то это почище тебя знаю; я, а послѣ Прокопенко, и просьбу ему писали, какъ тянули его съ залогами къ разсчету. Кромѣ деревни у него ничего не осталось; да и та принадлежитъ не ему одному, а съ сестрой—тамъ дѣва безволосая такая кислая живетъ, Маѳа или Мавра прозывается... Ну, а кромѣ ея—кромѣ этой деревни—вотъ еще что у этого то Гончаренка есть, коли хочешь знать; на сто десятинъ соловьинаго свисту, да на двести десятинъ заячьяго бѣгу, да на четыреста или и больше тысячъ—снѣтковъ въ Зундѣ и въ Бельтѣ съ нѣмецкими осетрами торговлю ведутъ!.. Человѣкъ, что же закуску? человѣкъ!.. Вотъ тебѣ и состояніе его!» Щебетковскій очутился въ положеніи преступника, которому прочли приговоръ. Силентьевъ между тѣмъ подъ его ухомъ билъ по шарамъ, сердился на половаго, что тотъ не несетъ закуски, и въ добавокъ ни съ сего, ни съ того пропѣлъ пѣтухомъ, причемъ изъ сосѣдней залы, снова раздосадованные его выходками, выглянули два сердитые пѣхотные офицера и нѣмецъ, звавшій его шуллеромъ. Закуску принесли. Силентьевъ осушилъ сразу пять рюмокъ настойки, заѣдая ее селедками и икрой, потомъ принялся за котлеты, потомъ за соусъ, тамъ за жаркое, а наконецъ опять за икру и за настойку. Щебетковскій же, какъ замолчалъ, и замолчалъ. Водки не пилъ, ничего не ѣлъ; разсѣянно отвѣчалъ на слова Силентьева, разсѣянно расплатился съ половымъ. И когда, прощаясь съ Силентьевымъ, почувствоваль на губахъ своихъ прикосновеніе жирныхъ и грязныхъ губъ его и услышалъ шепотливую просьбу его: «же-ву-при, Говоруха, дай мнѣ взаймы депозитку! просто, пароль-донеръ, не на что табаку купить»!—тотъ не отказалъ и далъ ему пяти-рублевую бумажку. Щебетковскій давно шелъ по темной уже улицѣ города, а Силентьевъ все еще стоялъ у бильярда, потупивъ голову и разсматривая безсознательно бумажку. Такой суммы давно уже, очень давно не было разомъ въ рукахъ загулявшаго бѣдняка..

— Какъ? Закабалить себя за такой пустякъ?—думалъ между тѣмъ Иванъ Ильичъ, шибче и шибче шагая впотьмахъ:—деревня одна, да и то не вся его, а часть! Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Ахъ, ослиная голова! Что же я думалъ? гдѣ же глаза были? Знакомый Гончаренка священникъ подтвердилъ слова

Фабриціуса о богатствѣ Акима Захарыча, упомянувши, что и у Мамышевскаго винокура его деньги были, и порядочный кушъ взялъ у него для оборотовъ еще сгонщикъ Замуруевъ, Петръ Васильичъ. Да и тотъ геморроидальный, тоже коротко-знавшій Акима Захарыча, сказалъ:—о-о-о! это цѣлая Ротшильдовская компанія! И другіе подтверждали мои разспросы! Прямо же нельзя было разспрашивать и производить справки! Неужели же они всѣ сговорились и надули?—И Щебетковскій не зналъ, что дѣлать.

Безсознательно вошелъ онъ въ номеръ темной гостиницы, бросилъ судорожно шапку и перчатки, потянулся, зѣвнулъ, усѣлся передъ самымъ носомъ Фабриціуса, положилъ ногу на ногу и нервически спросилъ:—«Ну-съ? что же вы, мой несравненный, безъ меня дѣлали, а?» Антонъ Степанычъ въ свой чередъ, только того и ожидавшій, быстро подмахнулъ стулъ еще ближе къ Щебетковскому, взялъ его за колѣни и необыкновенно сладкимъ голосомъ сказалъ:—«Итакъ, Иванъ Ильичъ, часъ насталъ; радуйтесь и веселитесь: не всегда ходятъ тучи по небу, бываетъ ..» Съ этими словами Щебетковскій неожиданно захохоталъ въ самое лицо старика, судорожно скрестилъ руки на груди и, глядя на него лихорадочно-блестящими глазами, перебилъ:

— Бываетъ все на свѣтѣ, почтеннѣйшій Антонъ Степанычъ, а досаднѣе всего то, что иногда черепахи надуваютъ орловъ, а лягушки журавлей. Баба бабой и останется...—«Что вы говорите, я васъ не понимаю?»—«То... что портной испортилъ мнѣ цѣлую штуку сукна! Но утро вечера мудренѣе. У меня голова что то болитъ! Оставимъ бесѣду до завтра!» Съ этими словами Щебетковскій раздѣлся, легъ, повозился еще на постели, дождался, пока раздѣлся и его сожвартирантъ, и погасилъ свѣчку. «У-у! да какой-же ты зубатый: должно быть на кіяхъ проигрался! Что-же? Время не уйдетъ, разскажемъ и завтра!» На утро, послѣ пуншу-ли, или послѣ тревогъ предъидущаго дня, старикъ проснулся поздно.

— Гдѣ Иванъ Ильичъ?—было его первымъ вопросомъ священникову кучеру, который, какъ видно, давно уже вертѣлъ носомъ въ передней, ворча надъ его чемоданомъ. Кровать Щебетковскаго была пуста. «Гдѣ Иванъ Ильичъ?»—повторилъ снова Фабриціусъ, поднимаясь на постели, съ перекошеннымъ отъ сна лицомъ и странно охрипшимъ голосомъ. «Уѣхали!—отвѣтилъ сурово кучеръ:—велѣли вамъ сказать, чтобъ вы за нимъ не ѣздили; а то, говоритъ, надоѣдаете!»—«Какъ, что? Что ты врешь?»—и негодованію старика не было границъ. Щебетковскій однако расплатился за номеръ, чай, пищу людей и даже за пуншъ и за кормъ лошадей Антона Степаныча.

Старикъ усѣлся въ таратайку и, повѣся носъ, направился обратно во свояси, въ какомъ-то неопредѣленно-грустномъ состояніи духа. Старикъ впервые, своимъ дѣвственно-непороч-

нымъ сердцемъ, чувствовалъ что-то затаенное недоброе въ поступкахъ Щебетковскаго. Но что это было, онъ еще не зналъ...

А между тѣмъ въ домѣ новаго лица, дальняго сосѣда Говорухи, Тентерь-Отребинскаго, въ тотъ-же день сидѣлъ нежданный гость. Этотъ гость былъ Иванъ Ильичъ Щебетковскій. Но прежде, нежели мы скажемъ, зачѣмъ онъ сидѣлъ у него, объяснимъ, кто былъ Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь-Отребинскій.

VIII.

Тентерь-Отребинскій.

Далекій сосѣдъ Щебетковскаго, онъ проживалъ отъ него верстахъ въ двадцати, и они почти не знали другъ друга. «Кто такой тамъ живетъ?» спрашивали проѣзжіе у окрестныхъ мужиковъ, указывая на темную чащу Суходольскаго лѣса, откуда глядѣла красная верхушка его дома. «А Богъ его знаетъ, кто онъ такой! панъ живетъ, да и только!»—Болѣе ничего не узнавали проѣзжающіе, хотя Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь Отребинскій вообще былъ человѣкъ простой и по своему гостепріимный. Судьба его была долго притчею въ околоткѣ.—Въ дѣтствѣ онъ учился отлично, безпрестанно привозилъ своему крестному отцу и благодѣтелю похвальные листы; платье содержалъ въ чистотѣ, говорилъ тихо, сидѣлъ тихо, сморкался тихо и вообще былъ не глупый и сметливый мальчикъ. Крестный папенька, принявшій его и воспитавшій сиротою, постоянно удостоивался ото всѣхъ почти вслухъ при немъ произносимой похвалы: «Вотъ благодѣтель, такъ благодѣтель; что онъ ему? а между тѣмъ, какія заботы, какія попеченія!»—Сперва благодѣтель готовилъ его просто для какого-то служебнаго мѣста, изрѣдка только заставляя его на-бѣло переписывать бумаги: то частное письмо къ кому-нибудь покрасивѣе, то форменное прошеніе. Потомъ, возъимѣвши мысль, что коммерція болѣе даетъ выгодъ въ жизни, сталъ готовить его къ себѣ въ прикащики, думая про себя, а еще чаще толкуя своимъ пріятелямъ: «Вотъ, бѣдный сирота, голышъ; къ чему онъ будетъ увеличивать только собою толпу взяточниковъ? У меня же ему будетъ поприще приловчиться къ житейскому, меня успокоить и себѣ скорѣе нажить кусокъ!» Университетъ куда пріемышъ опредѣлился было изучать медицину и гдѣ съ успѣхомъ уже разбиралъ тычинки и пестики, по настоянію крестнаго отца, былъ оставленъ. Новый прикащикъ горячо принялся за конторскіе счеты, посѣвы и покосы и на новомъ пути рѣшительно сталъ пожинать лавры. «Э-ге-ге! да это просто находка! трудолюбивъ, чес-

тенъ, кротокъ, смиренъ и исполненъ страха Божія и уваженія къ старшимъ. Не женить ли его на Агаѳьѣ Семеновнѣ?» — И добросердечный благодѣтель въ третій разъ задумалъ измѣнить жизненный путь своего питомца. Онъ положилъ женить его на весьма сдобной, но уже не первой красоты особѣ, проживавшей двадцать лѣтъ въ его усадьбѣ, во флигелѣ, въ качествѣ домоправительницы, а для большей вѣрности мужа къ женѣ и обратно, мимо всѣхъ своихъ родныхъ, положилъ зачислить за питомцемъ передъ свадьбою, при жизни своей, посредствомъ дарственной записи, все свое имѣніе, бывшее у него благопріобрѣтеннымъ. Питомецъ согласился. Послѣ келейнаго семейнаго пира, чета была помолвлена; помолвка, по настоянію заботливаго благодѣтеля, скрѣплена была торжественнымъ поцѣлуемъ. Черезъ мѣсяцъ имѣніе было зачислено законною дарственною записью за женихомъ, и послѣдній введенъ, въ глазахъ растроганнаго благодѣтеля, во владѣніе. «Ну Матюша, ты теперь богатъ; все твое, что было мое! Корми же только меня до гроба! Кормите, дѣти! Будете кормить?» — Дѣти, то-есть двадцати-лѣтній женихъ и тридцати-лѣтняя невѣста, объявили, что будутъ... Да впрочемъ, крестный папенька толковалъ о прокормленіи только такъ, ради красоты слова. Билъ же онъ навѣрняка и зналъ, что рыцарски-стойкаго Матюшу не подкупишь ничѣмъ и что честь его, въ денежныхъ и всякихъ дѣлахъ, несокрушима. Перешелъ Матюша въ домъ благодѣтеля (прежде онъ жилъ тоже во флигелѣ) и, пока готовились къ свадьбѣ, сталъ хлопотать и суетиться еще болѣе. Но вышелъ непредвидѣнный случай. Сердобольный крестный папенька, въ молодости буянъ и кутила, но вообще скупаго и тугаго характера, черезъ полъ-года послѣ совершенія дарственной записи какъ-то въ пылу заносчивой перебранки, шумной бури самовластія, каковою онъ иногда имѣлъ обычай угощать своихъ домашнихъ, ни съ того, ни съ сего, не пожалѣвши прежде цѣлой кучи оскорбительныхъ упрековъ и угрозъ, развернулся да и далъ полновѣсную пощечину своему крестнику. Даже Агаѳья Семеновна при этомъ привскочила и сказала кислымъ своимъ голосомъ и въ носъ: «Прокофій Парѳенычъ, какъ тебѣ не совѣстно!»—Матюши не узнали. Въ одно мгновеніе онъ помертвѣлъ. Въ первомъ безсознательномъ движеніи онъ хотѣлъ было куда-то бѣжать. Потомъ обратился къ Прокофію Парѳенычу и, моргая воспаленными глазами и всхлипывая, сказалъ: «Я благородный человѣкъ и имѣнія вашего до смерти вашей не возьму. А вы, папенька, послѣ этого подлецъ! Такъ за даровой хлѣбъ не помахиваютъ; подавитесь имъ сами, а не я,— а ко мнѣ теперь и не подходите!»—«Что ты, что ты, Матюшка, съ ума сошелъ?» — вскрикнулъ было опомнившійся благодѣтель. Но Матюша, какъ нѣкая кара высшая, явился неумолимымъ. Мѣрными, быстрыми шагами отправился онъ въ ста-

рую баню въ саду; растворилъ ветхую дверь, на посланнаго за нимъ лакея крикнулъ: «Вонъ отсюда! Знай, что это мѣсто теперь мое, и вы сами мои!» Заперся, да ровно семнадцать лѣтъ и не выходилъ оттуда. Оброс волосами, пожелтѣлъ и высохъ, какъ пергаментъ; корни, какъ говорится, пустилъ въ своей конурѣ и не вышелъ оттуда ни разу, въ то время, какъ все имѣніе и превосходный домъ принадлежали уже ему по праву. «Мнѣ твоего куска не нужно», говорилъ онъ крестному отцу и сдержалъ слово. Семнадцать лѣтъ принималъ, говорятъ, пищу въ окно, спалъ на бараньемъ тулупѣ, читалъ одни святцы и въ болѣзняхъ отвергалъ лѣкарства. Обидчикъ черезъ день уже одумался окончательно и страшно перепугался «Что, какъ онъ возьметъ, да и выгонитъ меня отсюда? Теперь вѣдь онъ полновластный хозяинъ: второпяхъ-то я прежде и забылъ его женить! Какъ быть?» Пошли совѣщанія. Прокофій Пароеенычъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ къ мѣстнымъ юристамъ и властямъ. Происшествіе въ его усадьбѣ огласилось. Его утѣшали; но роковая баня не давала ему покоя. Оно и дѣйствительно: крестникъ пожалуй и не требовалъ отъ него ничего. Да вѣдь онъ *могъ* потребовать, *могъ* каждую минуту вышвырнуть его изъ имѣнія, со всею его челядью. А тогда одно оставалось на старости лѣтъ: ходить по міру съ сумою. На Агаѳью Семеновну мало было надежды. Наступилъ какой-то праздникъ и съ нимъ какой-то торжественный день въ былой жизни его усадьбы. Прокофій Парфенычъ одѣлся понаряднѣе, пригласилъ мѣстнаго духовника и, оросивши лицо слезами, съ причтомъ отправился къ банѣ. Дверь отперли. «Крестникъ, Матюша! Матвѣй Леонтьевичъ! Я къ тебѣ пришелъ; прости меня, виноватъ я передъ тобою!» Такъ сказалъ старикъ и опустился передъ затворникомъ на колѣни. Крестникъ желтый и страшно-исхудалый, какъ мумія, всталъ медленно съ сырой, подгнившей кровати, покрытой полуистлѣвшимъ тулупомъ, поклонился передъ образами, тоже заплакалъ, однако же отвѣтилъ: «Богъ васъ проститъ, Прокофій Пароенычъ; имѣнія вашего я не возьму, пока вы живы; живите въ немъ мирно и счастливо! Но меня уже вы не увидите; намъ вдвоемъ не житье на свѣтѣ,—и нѣтъ между нами отнынѣ ничего общаго, хоть и пропаду я въ этой клѣткѣ, какъ собака, не сойти мнѣ съ этого мѣста!» — Дѣйствительно, Прокофій Пароеенычъ прожилъ послѣ того еще, какъ сказано, почти семнадцать лѣтъ, не безъ тревоги однако поглядывая на баню, откуда могъ ежечасно выйти настоящій владѣлецъ, только черезъ первыя десять лѣтъ своего заточенія однажды законно напомнившій о своей личности суду, чтобы не пропустить десятилѣтней давности. Прокофій Пароенычъ скончался. Незадолго до него скончалась и Агаѳья Семеновна, оставшаяся безбрачною. Едва старый помѣщикъ испустилъ духъ, Матвѣй Леонтьевичъ узналъ объ этомъ, вышелъ на воздухъ, шата-

ясь, въ полуобморокѣ, дошелъ до кабинета, принялъ ключи отъ столовъ и сундуковъ, и гонцы полетѣли отъ него во всѣ концы. Намека на прошлое какъ не бывало. Всѣ думали, что въ странномъ наслѣдникѣ давно уже наглухо вымерли всѣ чувства, всѣ способности ощущать радости, счастье, желанія, всѣ средства обонять, осязать, видѣть, слышать, вкушать, словомъ—жить. И всѣ ошиблись. Гонцы привезли цырульниковъ, портныхъ, сапожниковъ, цѣлую кучу лѣкарей и чиновниковъ. Деревня была не малая, а скупой покойникъ оставилъ еще подъ спудомъ не одинъ мѣшокъ съ-цѣлковыми. Было чѣмъ выплатить за свое преобразованіе. Мигомъ выбрили Матвѣя Леонтьевича, причесали, умыли, одѣли по послѣдней модѣ съ ногъ до головы, написали ему цѣлую кучу рецептовъ для поправленія здоровья и прошеній для пріема имѣнія во владѣніе, которымъ наслѣдникъ, какъ сказано въ прошеніи, не владѣлъ лично по болѣзни, и надавали всякихъ свидѣтельствъ, съ печатями и рукоприкладствами. Гости съѣзжались, дверь растворилась, и въ залъ вошелъ новый владѣтель села Голенищева-Червоннаго, Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь-Отребинскій,—настоящая фамилія бѣднаго пріемыша, родъ котораго вообще былъ изъ старинныхъ родовъ того околотка. Лица гостей были въ недоумѣніи, какъ встрѣтить его: улыбками или слезами? Покойникъ, подъ богатымъ парчевымъ покровомъ, лежалъ въ столовой галлереѣ, гдѣ надъ нимъ читали и плакали, кому слѣдовало читать и плакать. Стройный, черноволосый, нѣсколько смуглый, новый хозяинъ, хотя былъ слегка слабъ и мало говорилъ, обворожилъ всѣхъ пріятностью своихъ манеръ, бѣлизною бѣлья съ брильянтовыми запонками, и баснословно-роскошнымъ поминальнымъ обѣдомъ. Старика-покойника похоронилъ онъ съ большимъ почетомъ, роздалъ богатую милостыню на погребеніи, одарилъ духовенство бѣлое и черное, а также старыхъ слугъ покойника, которыхъ впрочемъ тутъ же счелъ долгомъ спровадить во всѣ концы посредствомъ паспортовъ и отпускныхъ. Но самъ онъ не проронилъ ни одной слезы, ни въ церкви, ни на могилѣ, ни на прощальномъ обѣдѣ. Гости разъѣхались. И только подслѣповатый дьячекъ церкви Голенищева-Червоннаго увѣрялъ впослѣдствіи, что слышалъ, подъ вечеръ похороннаго дня, когда гостей уже не было, какъ кто-то во ржи, за садомъ, жалобно и ревмя-ревѣлъ, а потомъ оттуда поднялся будто-бы новый баринъ Матвѣй Леонтьевичъ.

Нельзя сказать, чтобы Тентерь-Отребинскій былъ вполнѣ хомякъ и сидень. Ни онъ ни къ кому, дѣйствительно, не напрашивался, ни у него не толкалась съ утра до вечера уѣздная челядь. За то уже, если онъ давалъ званые обѣды и вечера, то послѣдніе надолго оставались въ умахъ окрестныхъ жителей. Хозяйство и всѣ дѣла шли у него отлично. Онъ не суетился и не метался ни въ полѣ, ни за кабинетнымъ сто-

ломъ. А тысячи отлагались къ тысячамъ, и ни онъ ни кто другой не зналъ, кому достанутся всѣ эти тысячи, потому что Тентерь-Отребинскій былъ совершенно безроденъ и жениться не располагалъ. Богачемъ его назвать — было мало, потому что богачей и безъ него довольно считалось въ окружности. У одного было несчетное количество десятинъ земли, у другаго крестьянъ, у третьяго лѣсу. У него же и того, и другаго, и третьяго было множество, и въ добавокъ ко всему — уже не мнимыхъ, какъ у Гончаренка, а настоящихъ было у него, какъ говорили знающіе, ровно пятьсотъ шестьдесятъ тысячъ серебромъ. Увы! въ уѣздахъ суждено большею частью прославляться однимъ такимъ состояніямъ, каковы состоянія добраго, но неосмотрительнаго Гончаренка и ему подобныхъ. Отребинскій держалъ отличнаго повара, котораго сперва обучилъ на кухнѣ мѣстнаго генералъ-губернатора, потомъ даже на кухнѣ какого-то министра, отличавшагося гастрономическимъ вкусомъ, и наконецъ при одномъ геніальномъ парижскомъ ресторанорѣ. Ѣлъ онъ умѣренно, но изящно, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и всегда почти одинъ. Гостей сзывалъ онъ разомъ уже на большіе званые обѣды. Пилъ отборнѣйшія вина. Носилъ самое тонкое бѣлье и первѣйшаго вкуса и моды платье. Года самодовольнаго заточенія и поста, казалось, должны были убить въ немъ органы гастрономическихъ чувствъ. Но было наоборотъ. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ былъ также молодъ и артистиченъ, какъ самый даровитый юноша, и, несмотря на свои почти сорокъ пять лѣтъ, когда гастрономы уже теряютъ драгоцѣнную свѣжесть позыва къ пищѣ и къ питью и становятся, въ большей или меньшей степени, обжорами, находилъ еще, что въ числѣ здравыхъ и положительныхъ благъ житейскихъ онъ ничего не знаетъ выше хорошаго аппетита. Дамы нѣсколько его боялись и мысленно, хотя совершенно напрасно, считали просто грязнымъ человѣкомъ.

Дѣлъ спорныхъ всякаго рода онъ вообще избѣгалъ; отъ своихъ отплачивался, а другимъ говорилъ: «Господа! слезы, вздохи, изліянія родства и дружбы,—все это вздоръ. И вамъ хочется имѣніе получить, и вамъ. Богъ васъ знаетъ, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ по совѣсти; ну, а на дѣлѣ вы обладаете правомъ законной внѣшности, а вы нѣтъ; ну, и концы въ воду! Счастье счастливому и горе дураку!»—Рѣзкія сужденія ему прощались. Соперниковъ по силѣ свободы слова и независимости положенія въ уѣздѣ у него не было. Уважая долгъ общественный, онъ не подпадалъ ни единой пенѣ, ни единому взысканію. Въ добавокъ ко всему, самъ онъ ничего особеннаго не искалъ, потому что почти все имѣлъ. — «Я не ищу,—говорилъ онъ,—у ближняго ни осла его, ни скота его, ни рабы, ни рабыни его; не ищу, наконецъ, и жены ничьей, не потому, чтобы принадлежалъ къ глупѣйшей сектѣ холостя-

ковъ, а просто потому, что не люблю женщинъ»? «Вездѣ», — говорилъ онъ, — во всѣхъ чувствахъ и лакомствахъ нужно только двѣ вещи: здоровье и вкусъ. А здѣсь я отсталъ: подъ пятьдесятъ лѣтъ трудно влюбляться! Въ карантинѣ моемъ состарѣлось же у меня и сердце. А коли умъ бодръ, да сердце немощно, то брака быть не можетъ!» —И онъ мирно проживалъ въ лѣсной глуши, въ своемъ зажиточномъ Голенищевѣ-Червонномъ. Мужики его благоденствовали, почти не видя его, до того, что окрестные чужіе мужики, какъ сказано уже, даже не знали его и по фамиліи. Дѣла его текли, какъ по маслу. Капиталы его обращались и росли въ конторахъ столичныхъ откупщиковъ, въ двухъ или трехъ акціонерныхъ обществахъ и дома, кое у кого, совершенно незримые. И никто не мѣшалъ ни наслаждаться свободою, ни со вкусомъ ѣсть и пить Матвѣю Леонтьевичу Тентерь-Отребинскому, сколько его душѣ было угодно. У него-то сидѣлъ въ роковой день, по отъѣздѣ изъ города, гдѣ узналъ о ложности мнимаго приданаго Шурочки Гончаренко, Иванъ Ильичъ Щебетковскій.

Матвѣй Леонтьевичъ принялъ его сухо, но вѣжливо. На ярко-отполированномъ палисандровомъ столѣ обѣденной комнаты, отдѣланной подъ лѣпной лакированный дубъ, съ большимъ, постоянно горѣвшимъ каминомъ, стоялъ сервизъ съ закуской и винами, пробки которыхъ украшались серебряными куколками Наполеона и Петра Великаго. Красивые лакеи въ ливреяхъ и казаки стояли у дверей.

— Вы изволите знать Акима Захарыча Гончаренко?—спросилъ Щебетковскій.

— Какъ же-съ. Какъ не знать. Я мало съ нимъ знакомъ, видѣлъ его раза два и жалѣю, потому что, какъ слышалъ, это предобрый человѣкъ! Говорятъ, онъ большой поклонникъ Украйны и всѣми силами старается поддержать ея старинные обычаи?

— Да, это правда, дѣйствительно правда... но...

— Говорятъ, еще наливки у него необыкновенныя?

— Истинная правда, и превкусныя. Только родъ его не слишкомъ древній, далѣе Екатерининскихъ временъ не восходитъ. А вотъ мой родъ, — если, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ любопытно знать, — идетъ по прямой линіи отъ знаменитаго гетмана украинскаго Полуботка, который погибъ въ Петербургѣ...

— Можетъ ли быть? Какъ это любопытно! Это вашъ предокъ!—И хозяинъ съ увлеченіемъ пожалъ руку Щебетковскаго.—Я въ послѣднее время очень много читалъ старую исторію Малороссіи и, не скрою отъ васъ, очень уважаю память вашего предка. Вы должны имъ гордиться. Такъ, точно такъ! Онъ умеръ на чужбинѣ!

— Да; но его прахъ послѣдующіе потомки перенесли въ теперешнее мое село, гдѣ я живу и единственно имъ владѣю...

— Очень пріятно, очень пріятно. Я самъ хотя бѣднаго происхожденія, но также украинскій дворянинъ и высоко чту это достоинство! Жалѣю очень, что не женатъ. Первымъ дѣломъ моимъ были бы хлопоты объ устройствѣ майората, для поддержанія нашего рода въ моемъ лицѣ!

Бесѣда на минуту прекратилась. Слуги приняли закуску и ушли.

— У меня къ вамъ, Матвѣй Леонтьевичъ, есть просьба! — произнесъ, помолчавъ, Щебетковскій.

— А! вы меня ловите на словѣ? Извольте, согласенъ и не отказываюсь отъ обѣщанія. При нашей встрѣчѣ у предводителя, въ прошлую осень, я точно самъ вызвался вамъ на одолженіе. Но помните ли вы... Иванъ Ильичъ, кажется?

— Такъ точно, Иванъ Ильичъ.

— Помните ли мои слова? Я говорилъ: мое одолженіе вамъ будетъ первое и послѣднее!

Съ этимъ словомъ, странный хозяинъ Щебетковскаго нѣсколько задумался и еще прервалъ общее теченіе рѣчи такими словами:

— Въ дни моего бѣдствія, ничтожный и скованный собственною прихотью, я много страдалъ. Я вамъ покажусь страннымъ; но то, что я выработалъ въ себѣ, я никому не отдамъ. Я выработалъ слѣдующую мысль: лучше свободы я не знаю ничего! Говоря безъ тонкостей, я живу, какъ знаю и какъ хочу. Ни въ комъ не нуждаюсь и никому, по правдѣ, не нуженъ. Откровенностей и исповѣдей въ преданности, а особенно въ чувствѣ дружбы никому не дѣлаю, потому что думаю такъ: иногда откроешь душу, а туда возьмутъ, да и наплюютъ. Разумѣется, выше денегъ, то-есть выше средства имѣть желаемое и при этомъ никому не кланяться и не пѣть Лазаря, — повторяю,—нѣтъ ничего на свѣтѣ. Однако же, я понимаю комфортъ еще и съ такой стороны, что еслибы, вмѣсто этого дома, судьба кинула меня въ лужу мутной воды, то я и тамъ постарался бы найти своего рода лягушечій комфортъ и спокойствіе Изъ-за этого желанія спокойствія я ни передъ кѣмъ и не одолжаюсь: иначе еще придется разсчитываться. Не одолжаю я и самъ никого. Вотъ хоть бы, напримѣръ, кинулся бы, положимъ, въ воду мой родной братъ, котораго, впрочемъ, у меня нѣтъ; спасать его я не сталъ бы. Во-первыхъ, замочишься, а во-вторыхъ, можетъ быть этого ему и не надо. Да что и скрывать? Одни дураки не подлецы, извините меня! Какой братъ на землѣ не обрадовался бы скорописной, какъ говорится, смерти брата, еслибы послѣ него осталось наслѣдство?—Да-съ... Однако же, позвольте: въ чемъ ваша просьба? Я вашъ должникъ. Вотъ вашу только, да этого, еще, пожалуй, Гончаренко просьбу я бы и исполнилъ. Его просьбу, особенно, еслибы онъ пріѣхалъ просить денегъ взаймы, исполнилъ бы потому, что тогда, не выѣзжая

изъ дома, кстати могъ бы съ нимъ познакомиться. А вашу, я уже говорилъ — почему. — Ваша покойная бабушка, не дай ей Богъ царствія небеснаго, за то, что она сдѣлала меня должникомъ вашимъ, въ дни тягостнѣйшаго моего недуга, невѣдомо для меня, присылала ко мнѣ лѣкаря и денегъ. Говорятъ, она была помѣшанная. Это только и миритъ меня съ нею... Въ чемъ же, однако, еще разъ позвольте мнѣ спросить, состоитъ ваша просьба?

Иванъ Ильичъ уже зналъ нѣсколько странности господина Отребинскаго и потому, нимало не потерявшись, рѣшился стать на его же точку зрѣнія и пойти на-прямики.

— Дѣло мое, Матвѣй Леонтьевичъ, вотъ въ чемъ состоитъ. Съ вами вижу, должно отбросить всякіе обряды и говорить откровенно. Спасите меня, Матвѣй Леонтьевичъ; я несчастнѣйшій человѣкъ!

Тентерь-Отребинскій глянулъ на собесѣдника и даже сдѣлалъ движеніе, какъ бы думалъ ухватиться за ручку звонка, желая приказать принести одеколону.

— Говорите, говорите откровенно! Я слушаю!

— Надо вамъ разсказать съ начала. Выпало мнѣ наслѣдство, котораго я никакъ не ожидалъ. Наслѣдство пустое, всего пятьдесятъ душъ и шестьсотъ десятинъ земли...

— Что же, это еще ничего! Кусокъ изрядный, и можно бы прожить вѣкъ независимо.

— Да дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ я имѣлъ уже обезпеченное мѣсто. Жалованья, правда, немного, около семисотъ рублей серебромъ; но за то впереди была карьера. Тетка моя близка въ Варшавѣ къ одному значительному лицу, и я самъ вхожъ былъ къ министру, которому даже...

— Э-э! послушайте, мой милый, вы заноситесь! Петербургъ—это все-таки зависимость, а деревня—сущее благо для человѣка нашихъ дней. Приволье ничего не дѣлать, ѣсть вкусно, спать безъ тѣни хандры и сидѣть по цѣлымъ днямъ, сложа руки и созерцая собственное свое достоинство... Какъ хотите,—это завидная участь!

— Да, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ хорошо трунить! А между тѣмъ, согласитесь, Петербургъ, балы, театры, общество, полное высшихъ стремленій, литература. Среди этой горячечной дѣятельности и самъ становишься трудолюбивъ, честолюбивъ и ретивъ къ общему благу, къ всемірнымъ цѣлямъ...

— Петербургъ,—началъ задумчиво хозяинъ:—Петербургъ, это невыносимая вещь для всякаго человѣка, любящаго болѣе всего самого себя, вотъ какъ я, напримѣръ, то-есть, любящаго достойное любви! Я тамъ не былъ, но думаю, что это — сущая гадость, весь этотъ жизненный шумъ и гамъ, который вы превозносите. Ну, кто меня дернетъ быть, положимъ чиновникомъ, хоть бы начальникомъ отдѣленія, или департамента? Ну, за что я буду рыться съ утра до вечера въ пыльныхъ и кляуз-

ныхъ дѣлахъ, отыскивая въ этомъ навозѣ гнусную падаль людскихъ ошибокъ и злодѣйствъ всякаго рода, да у меня и груди не достанетъ для подобныхъ меөитическихъ изверженій! Даже изъ любопытства скверно. Это, какъ думаю, не городъ, а обширный пустой гробъ, гдѣ ползаютъ во фракахъ и въ мундирахъ тощіе черви и съ голоду грызутъ другъ друга...

— Такъ какой же исходъ всему этому? Ну, я бросилъ Петербургъ пріѣхалъ сюда, сѣлъ на хозяйство, даже увлекся запашками и умолотами. Скука же однако сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ!

— Вы любите читать?

— Да... Но согласитесь, въ четырехъ стѣнахъ одному?

— Искусство васъ ни одно не занимаетъ?

— Люблю искусства, но самъ не художникъ..

— Сойдитесь съ какой-нибудь артисткой, пьянисткой, что-ли, да помоложе; составьте условія, перевезите ее къ себѣ, вотъ вамъ и лакомство — особенно въ этомъ случаѣ музыка хороша! Не шутя; я-бъ самъ договорилъ себѣ этакую поставщицу фортепьяныхъ благъ, да тугъ нѣсколько на ухо и не различаю лучшей пьесы отъ коровьяго мычанья...

— Вспало мнѣ, дѣйствительно, Матвѣй Леонтьевичъ, на мысль пополнить недостатокъ деревенской холостой жизни по закону. «Не добро человѣку быть едину» — какъ сказано...

— Вы захотѣли обабиться?

— Да, и нашелъ милое созданіе, здоровое, молоденькое существо...

— Поэзія пеленокъ! Не понимаю и этой страсти; но думаю, извините, что хотя семейныя добродѣтели и картины и трогательны, а жена съ флюсомъ на губѣ и крикъ груднаго мальчишки, когда спать хочется, все-таки плохая вещь. Такъ и навостришь лыжи изъ той-же деревни, либо къ сосѣду, либо къ сосѣдкѣ, либо въ тотъ-же вашъ сквернѣйшій Петербургъ... Не совѣтую вамъ, мой милый, и жениться! Право, это пустыя бредни. Развѣ уже только увлекся, да что-нибудь плохое сдѣлалъ, и нужно расчесться бракомъ...

— Матвѣй Леонтьевичъ! Вы меня не выдадите?—спросилъ Щебетковскій торжественно и стиснувъ ему руку.

— Нѣтъ! Только если нужно кого вызывать на дуэль, я не иду въ секунданты и беру назадъ свое слово.

— Матвѣй Леонтьевичъ, тутъ дѣло не въ томъ. Въ Петербургъ нѣтъ уже мнѣ возврата! Но злость меня беретъ, когда подумаю, за что я его оставилъ! Мы всѣ—люди современные; надѣюсь, вы не удивитесь при моихъ словахъ. Я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, некрасивую, по правдѣ, и даже черезъ-чуръ некрасивую...

— Это-то милое, чудное созданіе, что ли?

— Да, — подхватилъ, нѣсколько смѣшавшись Иванъ Ильичъ;—здоровое, молоденькое существо, богатое, какъ мнѣ ска-

зали, и очень богатое, Матвѣй Леонтьевичъ, ослѣпительно богатое...

— А!!

— Я увлекся! Пріударилъ, сильно пріударилъ и увлекъ и ее. Барышня сперва глазки стала дѣлать, кошельки мнѣ вязать, ленточки на память и волоски дарить, а потомъ и на свиданіе пришла... Мы вступили въ дѣятельную переписку, хоть сегодня увози...

— Поздравляю васъ, монъ-шеръ; отъ души поздравляю! Что же? Зовете шаферомъ или въ посаженые?

И Тентерь-Отребинскій съ увлеченіемъ пожалъ ему руку.

— Но вотъ мое горе: меня надули!..

— Быть не можетъ; такъ-таки и надули!

— Надули! Я узналъ, что они просто нищіе, хотя и были недавно еще богаты...

— Жаль; очень жаль! Это—дѣло дѣйствительно гадкое.

Иванъ Ильичъ примостился къ самому носу Матвѣя Леонтьевича.

— Поѣзжайте, откажитесь за меня, Матвѣй Леонтьевичъ! Вотъ моя просьба!

— Какъ такъ?!

— Откажитесь за меня передъ отцомъ, а дочкѣ даже можете не говорить; они уже тамъ сами устроятъ дѣло. Главное отецъ; а она повздыхаетъ и утѣшится послѣ.

— Да вы-то что же сами?

— Да я боюсь...

— Какъ такъ??

И Отребинскій глянулъ не безъ удивленія на собесѣдника. Но Иванъ Ильичъ очень мирно сидѣлъ противъ него, смотря ему въ глаза и только пощипывая конецъ перчатки.

— Именно боюсь. Вы вообразите одно. Дѣвушка очень достойная, милая даже, и такая еще аппетитная, огурчикъ точно; увѣренъ, и вамъ понравится. Но если я съ одной стороны не намѣренъ нищихъ плодить и раздѣлять съ ней брака, то съ другой стороны, вѣроятно, какъ я уже обдумалъ, и отецъ не захочетъ шутить! Предложенія-то я изъ предосторожности не сдѣлалъ, и прямо придраться нельзя: мало ли кто можетъ изъ молодежи ѣздить въ каждый домъ и волочиться... Да однако же есть причина...

Отребинскій всталъ, прошелся по комнатѣ и позвонилъ. Вошелъ слуга въ сѣромъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами и въ красномъ жилетѣ съ гербами.

— Вы хотите, чтобъ я ѣхалъ непремѣнно?—спросилъ онъ Щебетковскаго.

— Да, прошу васъ; на васъ одна надежда... Вы такъ смѣлы... самостоятельны...

— А барышни этой вамъ не жаль?

— Да посудите сами,—подхватилъ Иванъ Ильичъ, вско-

чивъ со стула:—молодость моя, мечты, счастье—все погибнетъ! А она и милая дѣвушка, и могла бы подарить своею любовью... да что же дѣлать? бѣдна...

— Сколько же вамъ нужно приданаго?

— Мнѣ сказали, что за нею около четырехсотъ тысячъ, а оказалось ничего. Справки плохо были сдѣланы прежде. Да я бы и на ста тысячахъ серебромъ помирился, и ужъ, клянусь, осчастливилъ бы свою жену!

— Запречь шестерикъ въ карету!—обратился Тентерь-Отребинскій къ лакею:—Маликъ поѣдетъ! Хомуты надѣть наборные. Ступай!

Слуга пошелъ къ двери.

— Да, я и забылъ васъ спросить: къ кому же это ѣхать?

— У этого самаго, что я вамъ говорилъ, Акима Захарыча Гончаренка случилось это дѣло; а дочку его зовутъ Шурочкою, Александра Акимовна.

Сборы были недолги. У Отребинскаго все дома шло, какъ по маслу. Слегка перекусивъ, онъ вышелъ и тутъ-же сѣлъ въ карету, объемистую, крѣпкую и спокойную. Ему туда подали только что привезенную съ почты книжку французскаго журнала. Шестерикъ воронопѣгихъ, громаднаго роста, почти въ девять вершковъ лошадей, среди которыхъ искусный Маликъ, самъ гигантъ по стану, ходилъ, какъ карликъ, стояли, какъ вкопанные, блестя бляхами наборовъ и распустивъ до копытъ черные, гладкіе хвосты.

— Страненъ немного я покажусь этимъ господамъ,—сказалъ Тентерь-Отребинскій изъ кареты:—ну, да это ничего; мнѣ давно тамъ хотѣлось быть! Только что-же, если они не повѣрятъ моему отказу, и скажутъ: быть не можетъ, это достойный и благородный человѣкъ?

Иванъ Ильичъ, опершись о балюстраду крыльца, кивнулъ головой и шепнулъ:

— Не бойтесь, повѣрятъ. Лишь бы мнѣ развязать руки для другихъ исканій. Да вы, впрочемъ, можете нисколько меня не жалѣть въ этомъ разговорѣ; скажите имъ, что хотите! Скажите, что это сущій негодяй и эгоистъ; что вы даже не соглашались ѣхать съ такимъ порученіемъ, а онъ просилъ и послалъ. Лишь бы отказаться... Вѣдь мы современные люди, Матвѣй Леонтьевичъ, не правда-ли?—И онъ засмѣялся...

IX.

Посольство.

Но карета двинулась, подхваченная плотнымъ шестерикомъ воронопѣгихъ, и Иванъ Ильичъ не слышалъ, что отвѣтилъ на его слова Тентерь. Да онъ, кажется, и ничего не от-

вѣтилъ; а тутъ же вынулъ французскій журналъ и принялся читать.

Тентерь выѣхалъ уже передъ вечеромъ, и потому по пути къ Гончаренкѣ пришлось ему переночевать у знакомаго содержателя постоялаго двора, забиравшаго у него овесъ и хлѣбъ. Отъ Гончаренка онъ тоже вернулся уже поздно на другой день. Шестерня воронопѣгихъ подкатила его къ крыльцу, на стемнѣвшемъ уже дворѣ, вся въ мылѣ. Слуги выскочили изъ дверей; за ними на порогѣ показался встревоженный Щебетковскій, безъ сомнѣнія дожидавшійся возвращенія своего посла. Послѣ уже Тентерь узналъ, что его гость весь день не находилъ покоя: то сновалъ передъ окнами, то уходилъ въ садъ, то писалъ и рвалъ какія-то письма; даже плохо пообѣдалъ, несмотря на гастрономическія дарованія повара Матвѣя Леонтьевича. Взведенный на крыльцо, Тентерь сбросилъ въ передней шинель, протянулъ руку гостю и велѣлъ тотчасъ подавать свѣчи и закуску въ гостиную. Лицо его, смуглое и блѣдно-худощавое, было замѣтно изнурено. Непривычная поѣздка его утомила.

— Вотъ, мой несравненный, — сказалъ онъ, усѣвшись въ гостиной въ мягкія кресла и наливая въ граненый стаканъ тончайшаго сорта лафиту, между тѣмъ какъ свѣчи и лампа подъ экраномъ разливали нѣжный свѣтъ по бархату и золоту, картинамъ и фарфору, коврамъ и цвѣтамъ убранной съ замѣчательнымъ вкусомъ гостиной: — толкуйте послѣ этого о трудахъ и усиліяхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Да я бы теперь ни за какія блага не поѣхалъ даже вотъ за пять верстъ. Всего разломало...

— А я полагалъ, что у васъ очень спокойный экипажъ! — сказалъ какъ-то особенно тихо и подобострастно сидѣвшій передъ нимъ на кончикѣ дивана Иванъ Ильичъ.

— Какое, мой милѣйшій! экипажъ, какъ экипажъ. То ли дѣло сидѣть дома да пить вотъ этакой лафитъ; — не хотите-ли, монъ-шеръ? — Гей! человѣкъ! Сигару!

Человѣкъ явился, подалъ на серебряномъ подносѣ сигару и неслышными шагами опять скрылся.

— Да, если такъ жить, какъ вы живете, — возразилъ Иванъ Ильичъ, тоже наливая лафиту и закусывая сардинкой: — такъ ни Петербургъ, никакая въ мірѣ забота не придетъ въ голову!

— Ошибаетесь, ошибаетесь. Вотъ видите-ли, даю опять вамъ честное слово: все отъ насъ зависитъ. Коли человѣкъ одаренъ порядочнымъ запасомъ желанія быть спокойнымъ и довольствоваться одною возможностью безнаказанно и привольно сидѣть, сложа руки и созерцая собственное свое достоинство, то и въ лужѣ, не только въ этомъ домѣ, можно отлично произвести всѣ эти занятія.

— Но неужели же никакого особенно завѣтнаго желанія у

васъ, Матвѣй Леонтьевичъ, нѣтъ? Ни мысли о бракѣ, о большемъ богатствѣ, о всеобщемъ уваженіи, славѣ, или хотя долговѣчности?

— Есть одно, сознаюсь: довести свои доходы до того, чтобы наконецъ представилась возможность, не влѣзая никому въ карманъ, имѣть на жалованьи француза-повара, прямо изъ Парижа, хоть бы, положимъ, самого Сойе...

— А бракъ? Молоденькая, свѣжая, здоровая барышня, которую отдаютъ со слезами и воплями, невинность въ батистовой сорочкѣ и бумажной юбкѣ...

— Вы циникъ, а я цинизма не люблю!—рѣзко перебилъ Тентерь:—это какъ то дурно дѣйствуетъ на мои нервы и на пищевареніе. Не хотите-ли шампанскаго?

— Помилуйте,—подхватилъ Щебетковскій:—гдѣ же тутъ пить шампанское, хотя, быть можетъ, мнѣ суждено услышать отъ васъ... не совсѣмъ—пріятный разсказъ о моей судьбѣ?..

— Да... о вашей судьбѣ? Вотъ какъ было дѣло.

Матвѣй Леонтьевичъ еще выпилъ лафиту и началъ:

— Пріѣзжаю я, мой несравненный, къ этимъ Гончаренкамъ. Докладываютъ. Хозяинъ самъ выскочилъ въ переднюю. Очень радъ, говоритъ, очень радъ! Давно наслышался и желалъ познакомиться. Вошелъ я въ домъ. Тамъ закуска стоитъ. Попы около прохаживаются. Какой-то гость съ фуражкой у печки прислонился и задумчиво смотритъ на графинчики. Меня въ гостиную. Тамъ дама въ шляпкѣ сидитъ и наряжена. Другіе тоже, смотрю, въ нарядѣ. Поговорили мы съ отцомъ. Входитъ дочка, вся въ розовомъ и съ лентами. Присѣла и такъ, съ улыбкою, знаете, на меня поглядѣла. Думаю, что бы это значило? Ужъ не праздникъ ли семейный какой подоспѣлъ?..

Щебетковскій при этомъ сказалъ: — «а, постойте!» и ударилъ себя по лбу. «Ахъ, вѣдь точно, вѣдь вы въ день рожденія Александры Акимовны попали! Вотъ случай!»

— Да, вѣрно случай. Слушайте-же. Сижу я. Входятъ еще двѣ дамы, изъ суда кое кто, еще пятеро. Словомъ, набралось гостей. Шурочка, или какъ тамъ вы ее зовете, курочка что-ли, такая живая, подвижная, ходитъ передъ всѣми, на меня поглядываетъ,—нельзя-же, въ первый разъ въ домѣ. Поглядываетъ, глазенки такъ бѣгаютъ. Въ румянецъ скоро вошла. Тутъ подзываетъ ее какая-то дама, оправила на ней косыночку, обдернула рукавчики и что-то сказала ей, глядя на меня. Подходитъ дочка ко мнѣ и, не смотря мнѣ въ глаза, спрашиваетъ:—«вы не на милодѣдовскую плотину ѣхали?»—«На милодѣдовскую».—«Иванъ Ильичъ не будетъ?» — «Не знаю, сударыня!..».

— Такъ и спросила?—перебилъ Щебетковскій.

— Да, спросила. Постояла она, ножкою повернула и говоритъ опять:—«Странно: Иванъ Ильичъ съ папенькою очень друженъ, а сегодня не пріѣхалъ, и уже болѣе недѣли не былъ

у насъ! Вы съ нимъ знакомы?» — «Да, такъ — кланяемся только».—«Тутъ съ нимъ очень хочетъ свидѣться одна наша знакомая.» — И ушла, думая тѣмъ скрыть себя. Ну-съ, а я жду, помня ваше порученіе. Приходило мнѣ при этомъ въ голову, зачѣмъ собственно открыто отказываться вамъ, когда явно ничего еще не было между вами: не лучше ли было бы такъ дѣло оставить...

— Охъ, и мнѣ уже приходило въ голову, да сгоряча рѣшилъ такъ. Нечего дѣлать... трусилъ, чтобъ не принудили жениться!

— И я такъ подумалъ, и я. Набралось гостей довольно. Отслужили молебенъ. Изъ столовой загремѣли тарелки и ножи. Скоро обѣдать пойдутъ. А послѣ обѣда, дѣло понятное, за наливки сядутъ. Когда тутъ наединѣ объясняться? Сильно не хотѣлось откладывать до новаго визита. Смотрю, хозяинъ бесѣдуетъ съ однимъ духовнымъ лицомъ. Всталъ я и подхожу. «Извините, Акимъ Захарычъ: имѣю къ вамъ одно дѣло».— «А, милости просимъ, милости просимъ. Пожалуйте въ кабинетъ, тамъ намъ будетъ просторнѣе. Не лошадокъ ли покупать? Есть у меня чудный шестерикъ, сѣрый въ яблокахъ, все по шести вершковъ».—«Нѣтъ-съ, не о лошадяхъ дѣло».— Вошли мы въ кабинетъ, сѣли у окна. Какъ начать?—«Извините меня, Акимъ Захарычъ, началъ я: въ первый разъ къ вамъ пріѣхалъ и, быть можетъ, сообщу не совсѣмъ пріятное для васъ».—«Не стѣсняйтесь!»—отвѣтилъ онъ и сталъ крутить усы. Молодецъ молодцомъ, усища по грудь. «Могу ли?»— спросилъ я и началъ теряться.—«Не стѣсняйтесь, милостивый государь!» повторилъ онъ и еще бойчѣе сталъ крутить усы. Я началъ: «изволите ли вы знать господина Щебетковскаго?»—Онъ видно не ожидалъ такого вопроса и сперва неопредѣленно глянулъ внизъ. «Знаю».—«Какого вы мнѣнія о немъ?»—«Для чего вамъ?»—«Такъ, это идетъ къ дѣлу.»—Онъ выкинулъ пепелъ изъ трубки и отвѣтилъ: «Не знаю, для чего это вамъ, только полагаю его за честнаго и благороднаго человѣка.» — «Онъ отъявленный мерзавецъ и негодяй!» отвѣтилъ я...

— Какъ? Это *вы* сказали?—спросилъ Щебетковскій, привскочивъ на стулѣ.

— Вы сами, наипочтеннѣйшій мой, поручили мнѣ это, и это входило въ планъ мой!—отвѣтилъ спокойно Тентерь:—не хотите ли хересу? у меня отличный.

— Благодарю васъ, не хочется. Продолжайте.

— Отъявленный, говорю, мерзавецъ и негодяй! На это Гончаренко, ошеломленный и никакъ этого не ожидавшій, сдѣлалъ то же почти, что и вы. Онъ поблѣднѣлъ, брови его заходили, а рука стала судорожно ловить упавшій чубукъ, какъ будто въ намѣреніи поблагодарить меня за откровенность. «Что вы, милостивый государь?» зашипѣлъ онъ хрип-

лымъ голосомъ и не смотря на меня. Что же мнѣ дѣлать? упросили меня, послали, долженъ былъ ѣхать и поѣхалъ! — «Да какъ вы смѣете забываться?» кричитъ. «Успокойтесь, говорю, Акимъ Захарычъ, сядьте, вотъ такъ! Не горячитесь; я и разскажу! Сядьте». — Сѣлъ онъ опять; слушаетъ, а въ груди, какъ мѣха кузнечные, такъ и хрипитъ. «Видите ли, говорю, въ чемъ дѣло: можетъ быть отъ васъ укрылось; только этотъ господинъ Щебетковскій сталъ ухаживать за вашею дочерью. Онъ придумывалъ для этого всѣ средства. Онъ успѣлъ въ этомъ... и... она его сильно полюбила!»—«Ну?!»—«Онъ показалъ ей, что отвѣчаетъ пламенно и безкорыстно».— «Ну?!»— «Они вступили въ переписку». — «Ну, ну?!» — «Стали имѣть тайныя свиданія». — «Да ну-те, наконецъ, что же изъ всего этого?» — «Онъ искалъ не ея, а ея состоянія... Ему сказали, что она богата...» — «Ну, да,» перебилъ старикъ: «и имѣетъ таки, чѣмъ прожить, слава Богу; она у меня одна!» «Эхъ, Акимъ Захарычъ, долго вамъ объяснять это. Человѣкъ этотъ— человѣкъ новаго поколѣнія. Что вамъ довольно, ему мало. Съ чѣмъ вы проживете вѣкъ, припѣваючи, среди мирныхъ благъ укромнаго уголка, съ тѣмъ онъ сочтетъ себя нищимъ, и, еслибы не полиція нашего отечества, я думаю — пошелъ бы еще грабить».—Понурилъ старикъ голову и уже ничего не возражалъ. «Ему сказали на вѣтеръ, что за нею четыреста тысячъ, нажитыхъ вами на откупахъ; онъ повелъ преслѣдованія, съ тончайшимъ разсчетомъ людей подобныхъ ему. Теперь узналъ, что за нею очень мало, или почти ничего, по его планамъ и видамъ, и поручилъ мнѣ, вашему покорнѣйшему слугѣ, ѣхать къ вамъ и предупредить васъ, что онъ считаетъ долгомъ, *какъ честный человѣкъ*, — именно, кажется, онъ такъ сказалъ: какъ честный человѣкъ, — отказаться заранѣе и навсегда отъ руки вашей дочери, каковыя мысли проситъ осторожно сообщить ей!»—«Зачѣмъ же такъ обижать?»—спросилъ опять тихо Акимъ Захарычъ. принимаясь дрожащими руками чистить и набивать трубку. Я удивился его словамъ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ другаго при этомъ; ожидалъ, что онъ ухватитъ что ни попало и пуститъ въ голову посла. Оставилъ потомъ трубку и всталъ. «Понимаю,— говоритъ, а самъ силится улыбнуться:—изъ этого видно, что онъ очень... очень ловкій человѣкъ!»—И сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. «Очень ловкій, весьма, весьма ловкій человѣкъ!»—И подошелъ къ окну. «Очень, весьма ловокъ... А вы какъ думаете?»—спрашиваетъ, барабаня по стеклу. «Думаю тоже, что не безъ ловкости, хотя и простоватъ»...— «Гдѣ вамъ простоватъ»? закричалъ старикъ, быстро оборотясь, причемъ лицо его все — все было въ слезахъ. «Удивительно лукавъ! повелъ дѣло удивительно! Ха-ха! Да и отдѣлалъ же, вотъ отдѣлалъ. Вообразите, вѣдь зналъ, что смѣшно же отцу вызывать на дуэль человѣка за то, что не хочетъ быть женихомъ его дочери, когда тотъ и

предложенія не сдѣлалъ! Ай, да молодые люди! ай, да молодое поколѣніе! Какіе же подлецы»!—И, обтеревъ слезы, сталъ онъ еще быстрѣе ходить по комнатѣ. Но не выдержалъ и расхохотался, хватаясь за бока и повторяя: «дрянь, ей Богу дрянь, не вѣрьте вы этой молодежи! все дрянь и меточь! подлость! подлецы! безъ сердца! Охъ-хо-хо»! — Прошибъ ознобомъ и меня этотъ смѣхъ старика...

— Что же послѣ этого? - спросилъ Щебетковскій.

— Послѣ этого еще случилась оказія. Упалъ онъ на диванъ. Я его успокоилъ и оставилъ окончательно придти въ себя. «Чортъ съ нимъ! рѣшилъ онъ о васъ: пропадай онъ! я и знать его, собаку, и преслѣдовать не хочу». Вышелъ я, а самъ сталъ у двери; думаю, что-то будетъ, не посягнулъ бы еще на жизнь. Смотрю въ щель изъ-за двери: всталъ онъ, вздохнулъ, подошелъ къ зеркалу надъ столомъ, оправился и сталъ чесаться. Волненіе не унималось еще, лицо то багровѣло, то блѣднѣло. Вдругъ щетка надъ головой его остановилась; онъ повернулся и сталъ вслушиваться.. шагнулъ къ двери въ ширмѣ и распахнулъ ее. За дверью, войдя туда потихоньку, до начала еще нашего объясненія, корридоромъ, стояла блѣдная и полу-живая Шурочка. Должно быть, инстинктивно угадала она мой пріѣздъ и приглашеніе отца въ кабинетъ и все подслушала...

Щебетковскій передернулся на стулѣ и сталъ кусать до крови ногти...

— Это ни на что не похоже,—началъ онъ жалобнымъ и плаксивымъ голосомъ:—вѣчно такъ; перессорятъ людей, обнесутъ сплетнями, совѣстно послѣ и въ свѣтъ показаться! Наплели мнѣ о ея состояніи, а теперь еще охуждать будутъ. Ну, чѣмъ же я виноватъ тутъ? Просто мученіе!!.

Тентерь взглянулъ на часы. Лампа и свѣчи сильно уже нагорѣли Было за полночь.

— Ну, Иванъ Ильичъ, завтра наплачетесь и надумаетесь, а теперь еще я кончу мою исторію. Человѣкъ! готовить постель Ивану Ильичу, а на завтра они утромъ поѣдутъ рано; дать лошадямъ овса!

— Читали ли вы, мой милѣйшій, - спросилъ, уже шутливо и весело мигая, собесѣдникъ его:—романы Поля-Феваля?

— Читалъ; а что?

— Тамъ много есть такихъ патетическихъ сценъ, какую я видѣлъ у Гончаренка въ заключеніе спектакля. Вообразите, монъ-шеръ, послѣ всѣхъ передрягъ, и я, и батюшка, да и сама кажется дочка, какъ и слѣдуетъ, очень плотно закусили за обѣдомъ. Выпито было тоже изрядно Старикъ разболтался въ горячкѣ увлеченія о былой службѣ и лошадяхъ. Встали изъ-за стола поздно, и всѣ гурьбой отправились спать по флигелямъ и по амбарамъ. Думаю себѣ: прикорну пойду и я гдѣнибудь на свѣжести подъ кустикомъ въ саду. И пошелъ. Иду

себѣ съ палочкой по дорожкѣ, да поглядываю по сторонамъ. Вдругъ на одной повороткѣ, какъ изъ-подъ земли выросла, является передо мною эта барышня, Шурочка. Сначала было даже я ее и не узналъ. Гдѣ тамъ различать: мало ли этого фрукта было тамъ на праздникѣ въ ту пору. Смотрю: батюшки вы мои! Что это такое! Вся въ огнѣ; коса у височка распустилась; даже красива-то мнѣ она въ то время показалась... Стала поперекъ дороги да и глядитъ прямо въ лицо. «Что вамъ, говорю, угодно, Александра Акимовна?»—Оглянула она меня съ ногъ до головы и говоритъ, а губы какъ мѣлъ: «Странно мнѣ очень ваше поведеніе. Какъ вы смѣли давеча дѣлать такія низости и говорить папенькѣ такія вещи? Я все слышала.»—«Можетъ быть вы, сударыня, и слышали, только говорилъ я не отъ себя, а по порученію: мнѣ все отъ слова до слова это поручилъ передать вашему папенькѣ Иванъ Ильичъ!»—«Вы лжете!» говоритъ и такъ странно, усмѣхаясь, на меня глядитъ: «вы его задумали очернить, а тамъ сами за меня и посватаетесь... Только не бывать этому, хоть вы и богаты! Лучше утоплюсь, а за васъ не пойду!»—«Напрасно, отвѣчаю, затрудняетесь, сударыня. Обо мнѣ весь околотокъ знаетъ. Брачнымъ дѣломъ заняться я не намѣренъ и умру холостякомъ, а попалъ въ это дѣло по добротѣ характера и чтобъ расквитаться на счетъ обоюдныхъ одолженій. Спросите хоть кого угодно. Сватали за меня Свинчуткину барышню, съ хорошимъ состояніемъ: не послушался сватьевъ. Предлагалъ тоже откупщикъ Духоблаговскій свою дочку и сто тысячъ чистогану, — тоже убоялся премудрости».—Тутъ она задумалась и, протянувъ руку, какъ будто про себя сказала: «Знаете-ли, еслибы даже Щебетковскій и захотѣлъ меня обидѣть, я бы и тогда, кажется, выпустила бы изъ этой руки кровь до послѣдней капли за него».—Сказала и ушла. Да что? Я вамъ замѣчу: не то удивительно, что она это сказала, а то вѣдь диковинная вещь, что она въ эту минуту вѣрила тому, что говорила, и какъ разъ выполнила бы слова. Дай ланцетъ, такъ жилу бы и пересѣкла! Ажно, грѣха нечего таить, заглядѣлся на нее, какъ пошла опять по дорожкѣ, плывя лодочкою, мелькая полными, круглыми, раскраснѣвшимися локотками.—Ну, что вы задумались, Иванъ Ильичъ?

— Я? Ничего...

— То-то ничего. Читали вы когда-нибудь американскія сцены или про охоту въ Африкѣ.

— Читалъ...

— Гдѣ вамъ читать! Охотникомъ быть вы не умѣете. До охотницкой души надо дослужиться у Бога. Охотникъ, вѣдь это—тоже дитя, или поэтъ. А вы—чистѣйшая проза. Да и я съ вами! Ну-съ; такъ вы читали?

— Читалъ.

— Помните описаніе, какъ тигровая самка дѣтей защищаетъ?

— Помню...

— Ну, это все равно какъ барышня эта Гончаренкова любовь свою въ саду защищала! Славная барышня; право, такой комочекъ, кругленькая — и съ сердцемъ...

Щебетковскій кисло улыбнулся.

— Пора спать, — сказалъ онъ, принужденно желая придать лицу холодно-спокойное выраженіе.

— Да пора. Не хотите-ли на ночь наливки, или чего-нибудь другаго. А? монъ-шеръ? не стѣсняйтесь!

— Нѣтъ, не хочу.

— А вотъ я такъ выпью. Хочется пожуировать.

Гость и хозяинъ разстались. Скоро въ двухъ разныхъ концахъ дома они расположились на пуховикахъ, выслали слугъ, укрылись одѣялами, а свѣчъ еще не тушили. Хозяинъ легъ, выпилъ стаканъ сливянки, попробовалъ, спустя немного времени, рябиновки съ подноса, уставленнаго бутылками и флягами, и рябиновки выпилъ сряду двѣ рюмки, досталъ съ этажерки книгу французскаго журнала и сталъ читать. Такъ онъ дѣлалъ частенько. Непривычные люди въ Малороссіи могутъ назвать это запоемъ. Ему однако же не читалось. Онъ сѣлъ на постель и сталъ разбирать, отчего слова: «Славная однако барышня эта Гончаренко!» какъ врѣзались въ умѣ, такъ тамъ и остались. — Немного погодя, на другомъ концѣ дома поднялся на постели и Щебетковскій. Онъ также сѣлъ на пуховикъ, поджавъ ноги, и сталъ размышлять: «Странное дѣло, какъ пятки чешутся! — думалъ онъ. — Съ Осипа лѣсничаго тоже деньги надо будетъ получить... Сто да семьдесятъ два съ полтиной отъ Бугаева, итого сто семьдесятъ два съ полтиной... Да пшеницы можно продать! Не худо бы и на овсѣ тоже перехватить копѣйку. У Швецова давно не былъ. Надо съѣздить. Тарантасъ тоже вотъ бы заказать...» Вдругъ дыханье Ивана Ильича замерло. Нежданная мысль прервала его обычныя увлекательныя грезы. «А что, если я, олухъ Царя небеснаго, да и тутъ сдѣлалъ промахъ? Что, если въ этомъ-то собственно мнѣ налгали, то-есть, что Гончаренко бѣденъ, а онъ вдругъ дѣйствительно капиталистъ? Батюшки, батюшки! Вотъ убилъ-то бобра, вотъ разодолжилъ!» — И онъ почувствовалъ, какъ холодная капля пота проступила у него на лбу и сбѣжала на носъ.

X.

Шурочка въ гостяхъ у Фабриціуса.

На утро Щебетковскій прощался съ Тентерь Отребинскимъ нѣсколько сумрачно и кисло.

— Теперь мы съ вами квиты за бабушку!—сказалъ полушутливо хозяинъ, провожая гостя.

— Что за счеты, помилуйте; я всегда къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вы меня не знаете. Что сказано, то уже свято. Въ васъ я, надѣюсь, не буду нуждаться. Для собственнаго же спокойствія и вамъ не совѣтую склоняться на одолженія съ моей стороны.

— Экъ, медвѣдь какой!—думалъ Щебетковскій, садясь въ экипажъ.

— Совѣтую вамъ ѣхать прямикомъ, черезъ Бувандѣевскую усадьбу: скорѣе доѣдете, да кстати можете и къ хозяину заѣхать. Онъ, кажется, сегодня свадьбу справляетъ. Молодой человѣкъ, всего двадцати трехъ лѣтъ. Только-что курсъ въ университетѣ кончилъ и имѣетъ восемьсотъ душъ. Сирота,—и по любви на красавицѣ первѣйшей женится, на Яснопольской, если слышали...

— Да, хорошо имъ жениться на красавицахъ, коли восемьсотъ душъ!—думалъ Щебетковскій, выѣхавши за деревню:—и какіе однако тутъ по околотку и вблизи все тузы живутъ, а мнѣ не удается!—И всю дорогу спрашивалъ кучера о владѣльцѣ Бувандѣевской усадьбы. Даже въ трактирѣ по дорогѣ, не доѣзжая до нея, остановился нарочно и спросилъ о томъ же трактирщика. Оказалось, что дѣйствительно молодой помѣщикъ Бувандѣевъ двадцати-трехъ лѣтъ, сирота, пріѣхалъ изъ ученья, живетъ съ дядею и женится на Яснопольской. — Чортъ ихъ возьми!—даже съ сердцемъ подумалъ Щебетковскій:—и зачѣмъ я буду къ нимъ заѣзжать! Точно навязываюсь. Провались они и съ свадьбою, и съ имѣніемъ!—Приближаясь, однако, къ названному помѣстью, Щебетковскій измѣнилъ настроеніе мыслей. Онъ поминутно выглядывалъ изъ коляски. Усадьба, съ флюгеромъ на красной крышѣ господскаго дома, показалась среди садовъ, издали на отлогомъ косогорѣ. За двѣ версты еще стали попадаться поминутно пьяные мужики и бабы, спѣшившіе въ Бувандѣевскую-балку, или шедшіе уже оттуда. Кое гдѣ подъ стогами, у дороги, сидѣли съ улыбками, покачиваясь, тоже охмѣлѣвшіе слобожане. Праздничныя лица сіяли. — Что это такое?—спросилъ Иванъ Ильичъ у двухъ бабъ, цѣловавшихся у дороги.—Панъ Буванди женится!—Была свадьба?—Была! Да и свадьба же, вотъ свадьба; съ роду такой и не

бывало еще. А сегодня пиръ, и всѣхъ угощаютъ. Кто не приди, такъ и угощаютъ! Спѣшите и вы, люди добрые. И вамъ дадутъ горѣлки; а не хотите, такъ пива, или варенухи, или меду, или чего захотите! Идите только. Славный панъ и всѣ его любятъ!—И совѣтамъ цѣлующей бабы не было конца. Подъѣхалъ къ усадьбѣ Щебетковскій ближе и увидѣлъ, что помѣщика дѣйствительно всѣ любили. По улицѣ не было возможности проѣхать. Почти на версту пространства, безъ движенія, лежали распластавшіеся на землѣ, испившіе чашу угощеній. Поровнялся онъ съ трудомъ съ кухней, у воротъ стояли двѣ, выкрашенныхъ голубою краскою, исполинскихъ бочки съ водкою. На бочкахъ, подмостивъ шаткія доски, стоялъ съ флягами какой-то не то писарь, не то ключникъ, раскраснѣвшійся и уже съ одною улыбкою, взамѣнъ всѣхъ силъ, языка и голоса. Всякъ, свой и чужой, пѣшій и конный, тамошній и проѣзжій, трезвый и уже пьяный, имѣлъ право подходить къ бочкамъ и, вступая на барскій дворъ или ѣдучи далѣе, выпивать изъ рукъ улыбающагося виночерпія водки, сколько душѣ было угодно. А во дворѣ, что оказалось сквозь ворота, передъ окнами господскаго дома, подъ звонъ и громъ нѣсколькихъ бродячихъ скрипокъ, цымбалъ и контрабасовъ, съ поднятыми руками, безъ шапокъ и въ разнообразныхъ положеніяхъ, веселая толпа тѣхъ же мужиковъ и бабъ отплясывала «метелицу» и «журавля».

— А ты кто?—спросилъ невпопадъ Щебетковскій у виночерпія, глядя съ тѣмъ же приторно-кислымъ взглядомъ. Виночерпій поклонился, хотѣлъ что-то сказать, но только еще медовѣе улыбнулся, зѣвнулъ и сталъ опять усердно и яростно черпать изъ бочекъ «То князь! усердіе!» замѣтили за него мужики, толковавшіе у бочекъ, въ заднихъ рядахъ, и не успѣвшіе еще добраться до щедраго ковшика. «А гдѣ же самъ баринъ?»—спросилъ Щебетковскій. «Гдѣ! извѣстно гдѣ, съ женою.. » Отвѣтъ былъ приправленъ выходкою, отъ которой вчужѣ зависть такъ и разлилась по каждой жилкѣ Ивана Ильича. «Эхъ, чортъ возьми!» подумалъ онъ, поѣхавши мимо веселаго двора далѣе: «молодъ, богатъ и такую, говорятъ, подхватилъ! — Да что, — прибавилъ онъ мысленно уже въ полѣ, когда усадьба, дворъ и брачный пиръ Бувандѣя остались за его спиною:—что сѣтовать объ этихъ событіяхъ, о вступающихъ въ бракъ богачахъ, о Гончаренкахъ и обо всемъ въ мірѣ? Что любовь, что дружба, что чувства—сущій вздоръ! Комфортъ и довольство—вотъ счастіе».

Подъѣзжая къ своему хутору, Щебетковскій уже насвистывалъ какую-то пѣсенку.

Такъ собственно дешево и обошлось это событіе Ивану Ильичу. Всѣ зажили по прежнему мирно и спокойно. Мстить

тутъ было некому да и не за что. Все тутъ носило видъ благонамѣренности и осторожности. Акимъ Захарычъ Гончаренко могъ бы, разумѣется, погорячиться болѣе, да не захотѣлъ, видно, слишкомъ оглашать дѣла. Притомъ же, очевиднаго права на это онъ и не имѣлъ. Мало ли на свѣтѣ, особенно въ деревенскомъ быту, случается подобныхъ исторій. Иные сватаются и женятся, другіе только ухаживаютъ, третьи даже и не ухаживаютъ, а уже просто по одному виду и положенію въ жизни вездѣ считаются за жениховъ. Были когда-то въ одномъ мѣстѣ три офицера, которые походомъ считали долгомъ на каждомъ почти роздыхѣ, иногда даже на простыхъ дневкахъ, выдавать себя за жениховъ, свататься и получать согласіе дочерей и родителей. Положеніе жениха имъ давало болѣе или менѣе хорошія выгоды: лучшую квартиру, перины, вкусный обѣдъ, винную порцію для команды, иногда болѣе или менѣе грѣшное или невинное свиданіе при лунѣ, поцѣлуи невинности, слезы растроганной матушки, иногда на прокатъ тарантасъ и тройку лошадей, а подчасъ и денежную ссуду отъ батюшки, и тому подобныя одолженія. Невѣста, разумѣется, забывалась на первомъ же дальнѣйшемъ перевалѣ, гдѣ тарантасъ и тройка закладывалась общему кассиру и банкиру полка, маіору Дрявдамордову, а деньги проигрывались въ дьябелку или въ штоссъ... Словомъ поступокъ Ивана Ильича, хотя и огласился, никого собственно не удивилъ.

Наступила осень. Моросилъ мелкій, сѣрый дождикъ, называемый тамъ «мжичкою». Среди обмокшихъ и пожелтѣлыхъ полей, по сырой, напухшей дорогѣ, тащилась торопливо простая кибитка. Сидѣвшія въ ней прятались, при встрѣчѣ съ другими проѣзжими. Это были дѣвица Гончаренко и ея тетушка, Марѳа Захаровна. Воспользовавшись отъѣздомъ Акима Захарыча на какую-то конную ярмарку за полтораста верстъ, послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій, онѣ понадѣвали на голову теплые капоры на ватѣ, въ видѣ утиныхъ носовъ, обмотались платками, наскоро одѣлись въ салопы, смастерили подводу и покатили въ ночь къ Антону Степановичу. Возница ихъ составленной на-скоро, импровизованной тройки юлилъ на козлахъ бойко и вертѣлся, понукая лошадей и посвистывая, какъ юла. Дорогой тетушка сидѣла сурово, отпуская только краткія, но вразумительныя поученія. Племянница же то и дѣло высовывала изъ кибитки посинѣлое отъ холоду, какъ сизая слива, застигнутая морозами, личико, опушенное оборкой старомоднаго капора.

— Ахъ, тетенька, ахъ Василій!—повторила она, ломая руки:—мы, кажется, никогда не пріѣдемъ къ этому Антону Степановичу.—Онѣ однако же пріѣхали, съ грѣхомъ пополамъ, на другой день. Фабриціусъ вытянулъ лицо, когда, стоя на крыльцѣ, увидѣлъ въѣхавшую на свой фольваркъ, съ двумя дамами, ки-

битку и въ нихъ узналъ Александру Акимовну и Мареу Захаровну.

— Что имѣете ко мнѣ?—спросилъ онъ при этомъ рѣзко и даже, вопреки всякимъ приличіямъ, забывши подать руку дамамъ и вывести ихъ изъ кибитки, но въ то же время очень хорошо, хотя и смутно сознавая причину ихъ появленія. Онъ уже, хотя отдаленно, стороною, былъ извѣщенъ касательно отказа своего сосѣда черезъ рѣку. Именно, это произошло такъ. Вскорѣ послѣ необъяснимаго отъѣзда Щебетковскаго изъ города, изъ номера, гдѣ они остановились вмѣстѣ, Фабриціусъ подождалъ, подождалъ и рѣшился все-таки первый навѣстить пріятеля. Въ обычномъ зеленомъ халатѣ своемъ и съ платкомъ въ рукахъ, пошелъ онъ изъ своего жилья къ плотинѣ, въ намѣреніи перейти въ Калиновый хуторъ. На плотинѣ встрѣтился онъ съ дворовою дѣвчонкою, дочкою старой ключницы и домоправительницы Щебетковскаго, Улиты. Дѣвочка какъ-то особенно бойко посмотрѣла на Фабриціуса и быстро пошла мимо, чуть поклонившись.

— Эй, ты, шилохвостая, эй! куда бѣжишь? Чай къ женихамъ?—окликнулъ ее Антонъ Степановичъ, спускаясь къ другому уже берегу и не думая ее особенно задѣть. Дѣвчонка однако пріостановилась.

— Можетъ быть вамъ женихи нужны, а намъ нѣтъ! — звонко выкрикнула она и опять пошла впередъ, бойко размахивая смуглыми руками.

— Эге! Да какая же ты юркая, обидчивая! Подите пожалуйста—точно ее испугалися! Постой, эй, ты, постой! — Дѣвчонка остановилась на пригоркѣ и откинула съ красиваго личика космы густыхъ, русыхъ волосъ.—Эй, ты, послушай!

— Ну, чего вамъ?

— Баринъ дома?

— Дома.

— Можно видѣть его?

— Можно; только скажу вамъ, что онъ уже не поѣдетъ къ тѣмъ панамъ Гончаренкамъ, куда вы его возили!—прибавила она неожиданно, какъ видно сочтя долгомъ пригвоздить кстати въ рѣчь слухъ, перешедшій уже изъ барскаго дома и на кухню.

— Какъ не поѣдетъ? Кто тебѣ сказалъ это? Ахъ, ты дура! Вотъ погоди, я объявлю все Ивану Ильичу! — крикнулъ Антонъ Степановичъ, даже привскочивши отъ негодованія на мѣстѣ.

— Кто сказалъ, уже знаемъ! А баринъ не поѣдетъ, и вы не ругайтеся; много у васъ такихъ дуръ найдется,—много! А онъ не поѣдетъ, не поѣдетъ!—Дѣвчонка съ этими словами ускорила шаги и скрылась за мельницей.

— Тьфу!—произнесъ на все, помолчавъ, Фабриціусъ. Постоялъ, постоялъ и, положивъ, что рѣшительно тутъ самъ

чортъ въ догадкахъ ногу сломаетъ, ушелъ домой. Неразрѣшимое поведеніе сосѣда начинало его обижать и, наконецъ, просто по-стариковски разбѣсило. Онъ положилъ не церемониться болѣе съ этимъ молокососомъ за рѣкою и при встрѣчѣ такъ отбрить, чтобъ долго помнилъ.—Онъ думаетъ, что я его побоюсь!—размышлялъ самъ съ собою Фабриціусъ:—ого-го! не на такого напалъ! Еще молоко не обсохло на губахъ: вотъ что! Такъ отдѣлаю, присрамлю, усовѣщу, что и своихъ не найдетъ! Надо ихъ учить сорванцовъ! Кому же и учить, какъ не намъ!—Съ этими словами онъ рѣшился показать характеръ и выждать самому, чтобъ Щебетковскій первый къ нему явился и просилъ извиненія. Наступила мокрая погода; листъ началъ опадать. На плотинѣ была слякоть. Сосѣдъ не думалъ приходить, и, казалось, двѣ усадьбы начинаютъ, кромѣ рѣки, раздѣляться навсегда еще другою, болѣе недосягаемою преградою, черезъ которую уже не построишь ни плотины, ни моста. По цѣлымъ днямъ Антонъ Степанычъ стоялъ на крыльцѣ, поджидая Ивана Ильича. Къ Гончаренкамъ же онъ, послѣ своей послѣдней поѣздки, не рѣшался уже такъ скоро ѣхать. Фабриціусъ поджидалъ сосѣда напрасно. Въ одинъ изъ такихъ-то дней въѣхала къ нему во дворъ съ сѣдоками извѣстная уже кибитка.

— Что вы имѣете ко мнѣ?—повторилъ старикъ, слѣдя глазами всходившихъ на крыльцо посѣтительницъ. Шурочка, не отвѣтивъ ни слова, едва кивнула ему головой, хотѣла развязать застежку у капора, заплакала и быстро прошла изъ сѣней въ комнаты. Мароа Захаровна, печальнымъ взоромъ указавъ ей во слѣдъ, также молча прошла за нею. Что то роковое увидѣлось во всемъ этомъ старику.

Успокоившись, Шурочка выпила воды, сняла съ вспотѣвшей груди платокъ, сняла бережно капоръ, посадила близь себя старика, который былъ какъ ошпаренный и только безъ причины ерошилъ себѣ паричекъ, улыбнулась и стала говорить:

— Душенька, Антонъ Степанычъ, голубчикъ! идите къ Ивану Ильичу!

— Зачѣмъ??...

Шурочка вздохнула, подержала руку надъ сильно дышавшею грудью и отвѣтила, указавъ на тетку:

— Папеньки нѣтъ; онъ въ Тутолминѣ. Мы съ тетенькой уѣхали потихоньку. Идите къ Ивану Ильичу!

— Да зачѣмъ же? право не понимаю!

Шурочка опять перевела духъ.

— Какъ вамъ сказать? Вотъ видите ли: къ намъ пріѣзжалъ одинъ помѣщикъ, такой смуглый, препротивный и, говорятъ, очень богатый, Тентерь-Отребинскій...

— Знаю...

— Онъ, вообразите, привезъ отказъ отъ Ивана Ильича. Можете себѣ представить!

И Шурочка передала все, какъ было въ день ея рожденія.

— Ахъ, ты, Господи! Да что же это они, съ ума сошли, что ли!—произнесъ на ея разсказъ старикъ и торопливо сталъ собираться. Надѣлъ сюртукъ и желтые нанковые брючки, которые столько разъ на своемъ вѣку самъ онъ мылъ; бросилъ ихъ и началъ примѣрять фракъ. За фракомъ и пикейнымъ жилетомъ, также отброшенными опять, вниманіе его заняли почему то вышитыя гарусныя подтяжки, и онъ стоялъ, повертывая и пощелкивая ихъ на ладони.

— Да вы вотъ что, Антонъ Степанычъ,—сказала заботливо Мареа Захаровна:—теперь уже поздно; напоите насъ чаемъ, а завтра поутру и отправитесь къ нему!

— И въ самомъ дѣлѣ, матушка! – Старикъ какъ будто очнулся, засуетился съ бабой-кухаркой надъ самоваромъ, вздулъ угли, внесъ въ отведенную гостямъ комнату свѣчу, потому что было уже темно, и рѣшилъ съ ними—послать предварительно кого нибудь узнать, дома ли Щебетковскій и что дѣлаетъ. Выборъ идти дозоромъ палъ на кучера гостей, Василія, и Шурочка взялась сама сдѣлать ему наставленія.

— Иди въ кухню ихнюю, какъ будто такъ, чужой, и скажи, что присланъ хлѣбъ покупать и просишь о себѣ доложить. Какъ введутъ тебя, ты и скажи; нѣтъ ли, баринъ, хлѣба продажнаго? Да послѣ и скажи, чтобъ завтра были дома, что твой баринъ къ нимъ будетъ: у Антона Степаныча, молъ, остановились,—по фамиліи зовутся, если спроситъ, скажи, Тюфякинъ; такъ и скажи—Тюфякинъ. Слышишь, Василій?

— Слушаю.

— Какъ придешь, прямо ко мнѣ, и все разскажи.—Василій ушелъ, встряхнувши головой. Баба кухарка Фабриціуса показывала ему дорогу.

Между тѣмъ, въ ожиданіи возврата посланнаго, гостьи сѣли за чай. Тихо и тревожно бесѣдуя, напились чаю. Баба сняла самоваръ и чашки и ушла. Антонъ Степанычъ, кряхтя, все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ сидѣлъ, раскиснувъ и понуривъ голову, на диванѣ. Наконецъ, сталъ дремать. Гостьи снимали нагаръ со свѣчи, шушукались и гадали на картахъ. Карты въ десятый разъ раскладывались на столѣ. Червонный король въ десятый разъ падалъ близь червонной дамы. Узенькія губы тетушки не умолкали шептать, а розовыя ушки племянницы слушать. Только посланный все еще не возвращался. Наконецъ, и тетушка стала дремать. Фабриціусъ просто храпѣлъ. Шурочка тихо встала и неслышно вышла освѣжиться воздухомъ ночи въ сѣни и на крыльцо. Дождь пересталъ. Мѣсяцъ не былъ виденъ; но тепло и какъ то не по осеннему кротко дышала ночь. Опершись ножкой о боковую перекладину крыльца, стала она и задумалась. Съ недавняго времени она себя не узнавала: отку-

да взялась у нея сила воли. Кровь какъ то ходчѣе и смѣлѣе переливалась въ жилахъ. Голосъ измѣнился. Сердце жаждало сильныхъ движеній. Вдругъ за угломъ домика хрустнули щепки и послышались шаги...

— Ты это, Василій?

— Я, барышня...

— Ну, что? былъ?

— Ничего.. былъ...

— Говори же, говори, разсказывай, да тише...

Василій сталъ у крыльца.

— Прихожу я на кухню.

— Ну?

— Говорю, господинъ Тюхвакинскій прислалъ. Хлѣбъ есть, говорю, продажный?

— Что же они?

— Баба старая какая то сидѣла въ кухнѣ и чулокъ штопала. Сейчасъ пошла и доложила. Провели меня до него.

— Ну, ну?

— Привели въ переднюю. Потребовалъ къ себѣ прямо въ залу. Смотрю: лежитъ на диванѣ и съ котенкомъ играетъ, а тутъ же, возлѣ него, чай на подносѣ стоитъ и книжка на подушкѣ лежитъ. У стола чай распиваетъ ихняя ключница; а тутъ же, какая то черномазенькая дѣвчонка, лѣтъ такъ пятнадцати, чулокъ вяжетъ и смѣется: должно быть, дочка ключницы, какъ полагаю. Сейчасъ подозвалъ къ себѣ, говоритъ: «здравствуй, чей ты»?—Тюхваковскаго, говорю; баринъ у Антона Степаныча остановился и хлѣбъ покупаетъ, а завтра хотятъ быть у васъ утромъ!—«Хлѣбъ, говоритъ, продажный есть; а только странно, говоритъ, какъ это твой баринъ, должно быть и помѣщикъ еще, знается съ этою жужелицею Фабриціусомъ». Такъ и сказалъ—жужелицею.—Стало мнѣ жалко. Я и говорю:—какъ вамъ не стыдно, баринъ, лаяться; Антонъ Степанычъ, говорю, человѣкъ усердный и господамъ нашимъ очень нравится!—«Ну, уже поусердствовалъ онъ мнѣ»! добавляетъ и засмѣялся, посмотрѣвши на ключницу; та тоже засмѣялась, и дѣвчонка эта за нею. «Посваталъ было, говоритъ, меня за нищую, да еще и харахорится! Дрянь, говоритъ, и принимать его я не намѣренъ! Просто, говоритъ, осрамилъ меня съ этимъ сватовствомъ, а еще сосѣдомъ называется»!—Оченно бранить сталъ, лаяться на Антона Степаныча,—прибавилъ Василій.—Шурочка на это ничего не сказала. Только слышно было, какъ прерывисто дышала она, ухватясь впотьмахъ за верхушку перилъ.—«Ну, Василій, больше ничего не было»?—«Что было? харцизъ онъ проклятый»!—даже вскрикнулъ посолъ, тряхнувъ волосами.—«Какъ ты смѣешь такъ говорить»?—«А также; я проговорился, значитъ, въ сердцахъ за Антона Степаныча, что человѣкъ, молъ, крѣпостной Акима Зачарыча, и барину служу вѣрою и правдою, и баринъ его

любитъ».—Онъ и вскинулся. «Шпіоны, говоритъ, уже подсылаются. Вонъ отсюда»! Да какъ крикнетъ, да съ чубукомъ; да травилъ еще, антихристъ, собакою своею...

Александра Акимовна отпустила Василія спать, велѣвши рано-рано вставать и запрягать, до зари. Сама вошла въ комнату, разбудила Фабриціуса и тетку, весело разболталась, объявила, что Щебетковскаго нѣтъ дома, да и кстати, потому что она уже раздумала сноситься съ нимъ и прекращаетъ всякое знакомство. Собесѣдники потолковали еще, разошлись спать, и рано на зарѣ домикъ Фабриціуса опять опустѣлъ. Василій сурово сидѣлъ на козлахъ, помахивая вожжами. Лошади еле плелись; на дворѣ опять было пасмурно и морозило. А сидѣвшія въ кибиткѣ такъ и катались со смѣху. Смѣшила тетку Шурочка. Все ей доставляло пищу заливаться самымъ искреннимъ хохотомъ: и ея ваточный капоръ въ видѣ утинаго носа, на который она прежде не обращала вниманія, салопъ и печальная кибитка, и Василій на козлахъ съ озлобленнымъ лицомъ, и погода, и грязная дорога, и вчерашній вечеръ. «Вотъ потѣха, тетенька,— говорила она: — вообразите! Вчера Василію нашему чуть собаки ногъ не обкусали! Противный этотъ Щебетковскій, да и Тентерь тоже порядкомъ препротивный, смуглый такой, глазища такъ и смотрятъ, — я думаю, злой, и много о себѣ думаетъ!» — Проѣхали онѣ еще далѣе. Тетка уже дремала. «Да, я полагаю, — прибавила опять Шурочка:—что и Щебетковскій тоже сильно много о себѣ думаетъ? И чѣмъ гордятся эти мужчины!»—Это все такъ,—замѣтила тетка зѣвнувши и перекрестя ротъ:—только жаль мнѣ Антона Степаныча! Старикъ, какъ куръ во щи, попалъ въ эту исторію и какъ-то странно смотрѣлъ, когда мы прощались!»

И дѣйствительно. Не успѣли гости уѣхать отъ Фабриціуса, какъ онъ пришелъ въ сильное волненіе, одѣлся въ парадное платье, гдѣ въ карманахъ такъ часто лежали дѣлаемые имъ за обѣдомъ катышки для собакъ, напялилъ картузъ и ворча пошелъ прямо черезъ плотину, съ цѣлью крупно объясниться съ сосѣдомъ. Но тутъ случилось бѣдствіе. Щебетковскій, видно, ожидалъ его, или увидѣлъ издали въ окно, только распорядился съ быстротою молніи, и старика къ нему не допустили. Онъ былъ просто вытолканъ, съ совѣтомъ впередъ лучше вовсе не переступать плотины, раздѣляющей двѣ усадьбы, для собственной его безопасности. Ошеломленный и оскорбленный до глубины души, старикъ ушелъ къ себѣ обратно.

Вечеромъ, черезъ два или три дня послѣ того, прибѣжалъ во дворъ Щебетковскаго мальчикъ-пастухъ съ поля и перепуганнымъ голосомъ объявилъ:

— Тамъ на полѣ, за оврагомъ, съ паномъ, что за рѣкою живетъ, приключилось что-то совсѣмъ недоброе. Сидитъ въ халатѣ на кочкѣ, да бьетъ въ дудочку, хотя уже перепеловъ вовсе нѣтъ, и самъ тутъ же вававкаетъ перепеломъ!

Иванъ Ильичъ, подъ шумокъ осенней непогоды, сталъ обдумывать, какъ ему увеличить доходъ съ имѣнія. Оказалось, что изъ запаса лѣса его можно продать десятинъ полтораста, рублей по сто серебромъ за десятину, и того составляется кушъ почти въ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями. Задумалъ, перекинулъ на счетахъ и рѣшилъ ѣхать отыскивать покупщиковъ.

На съѣздѣ дворянъ въ городѣ, для раскладки земскихъ повинностей, въ лавкѣ купца, торговавшаго хлѣбомъ, овцами, чаемъ, табакомъ и чѣмъ попало, встрѣтился онъ съ Тентерь-Отребинскимъ, котораго едва узналъ въ огромной, черно-бурой медвѣжьей шубѣ.

— А! господинъ Щебетовскій!

— Матвѣй Леонтьевичъ!.

— Что вы здѣсь?

— Лѣсъ хлопочу продать.

— Жениться опять затѣваете?

— Нельзя же надо исполнить долгъ жизни.

— И есть невѣста?

— Да, есть!—И Щебетковскій сталъ высчитывать: Хлопкова, Бутеньина, Шандрина дочь... Мало-ли ихъ!

Все молоденькихъ и самыхъ богатыхъ считалъ.—Тентерь запахнулся шубой, такъ что носъ едва торчалъ, и перебилъ:

— А Гончаренко?

— Э! Я объ нихъ и думать забылъ.

— А вотъ я такъ думаю къ нимъ опять съѣздить; жалко, полъ-года пропустилъ!—замѣтилъ Тентерь-Отребинскій.

— Что-же? лошадей покупать?

— Да... лошадей!

И, немного помолчавши, Тентерь прибавилъ:

— Какъ-то, право, скучно наконецъ становится дома одному, безъ особенныхъ занятій и страсти. Поваръ поваромъ; помните, я вамъ говорилъ, что француза хочу имѣть. Только хорошо бы къ этому и увлеченіе какое-нибудь, хоть бы, напримѣръ, страсть къ охотѣ, или лошадямъ! Мнѣ кажется, еслибы я женщину какую нашелъ, просто бы кажется въ кабалу къ ней пошелъ. Есть у меня чудакъ одинъ сосѣдъ докторъ и другой сосѣдъ, тоже пріятель. Докторъ живетъ сущимъ Франклиномъ, все о человѣчествѣ и благѣ толкуетъ и разводитъ у себя подъ хатою виноградъ на солнечной сторонѣ. Этотъ говоритъ: коли у тебя будутъ дѣти, я ихъ все въ холодной водѣ стану купать и спартанцевъ изъ нихъ сдѣлаю. А сосѣдъ винограда не садитъ, и дѣтей не предлагаетъ купать въ морозной водѣ; а совѣтуетъ, когда женюсь, майоратъ сдѣлать. Сущіе чудаки. Да нѣтъ, врядъ ли мнѣ избѣгнуть вѣковать холостякомъ. Какъ-то женщины мнѣ кажутся такими странными существами, что право смѣшно даже подумать о волокитствѣ, а еще тѣмъ паче о такъ называемой страсти.

Только, впрочемъ, эта Шурочка—исключеніе... Прелесть дѣвочка!

Щебетовскій слушалъ молча и думалъ:

— Хорошо бы его самого захватить въ покупщики лѣса: онъ съ капиталами, бестія, и, кажется, уже черезъ-чуръ размечтался.

Черезъ полтора года Щебетковскій получилъ письмо отъ Тентерь-Отребинскаго: «Извѣщаю васъ: я женюсь на Шурочкѣ Гончаренко. Не послѣдняя глупость. Впрочемъ, отецъ ея не пожалѣлъ приданаго и даетъ за нею чистоганомъ четыреста тысячъ!»

XI.

Тѣнь прадѣда.

> «Не умѣла песья нога на блюдѣ лежать, такъ ступай подъ столъ».
>
> *Пословица.*
>
> «Господа! Не вызывайте напрасно уроковъ исторіи, поучительныхъ дѣлъ прошлаго; и для нихъ нужны силы и сердце. Нашъ вѣкъ имъ не внемлетъ. Онъ вяло идетъ мимо. Горбатаго излѣчитъ одна могила».
>
> *Лекція всякаго русскаго публициста.*

ПРОШЛО еще пять лѣтъ, еще десять и еще пять. Двадцать лѣтъ прошло. Ивану Ильичу Говорухѣ-Щебетковскому исполнилось сорокъ девять лѣтъ. Много утекло въ рѣкѣ Калиновкѣ воды, и много совершилось событій съ тѣхъ поръ вокругъ тихаго хутора Ивана Ильича. Какія же перемѣны произошли въ немъ самомъ съ тѣхъ поръ? Большія перемѣны!

Чинъ статскаго совѣтника, столько льстившій въ молодости, остался, разумѣется, тотъ-же самый. Имѣніе не уменьшилось и не увеличилось. Наружность была почти столько-же привлекательна и даже моложава. Но измѣнилась, и значительно измѣнилась, внутренняя, душевная его сторона. Зарывшись въ хозяйство, гдѣ, впрочемъ, онъ не рисковалъ, Иванъ Ильичъ велъ знакомство съ немногими. Исторія съ Гончаренками заставила его поудержаться въ выѣздахъ на первыя времена. А потомъ произошло дѣло, попадающееся на каждомъ шагу.

Иванъ Ильичъ обзавелся молоденькою ключницей. Черезъ два года эта госпожа уступила мѣсто другой. За этою появились новыя, и жизнь его потекла мирно, тихо, сухо, себялюбиво и совершенно однообразно. Одинъ день напоминалъ сотню другихъ. Не опомнился Иванъ Ильичъ, какъ бездна молодыхъ

и радужныхъ надеждъ и увлеченій оставили его душу. Будничный, сѣренькій цвѣтъ легъ на всѣ его мечты почти мгновенно. Сытый обѣдъ, лежанье въ халатѣ за книгой, а потомъ и вовсе безъ книги; сборы по цѣлымъ днямъ сдѣлать какой-нибудь пустякъ: написать письмо въ городъ, приказать починить задвижку у двери,—все это скоро принесло ожидаемый плодъ. Иванъ Ильичъ, недавно еще мечтавшій жениться не иначе, какъ на милліонеркѣ, мирился съ радостью получить лишніе сто рублей за арендуемый шинокъ на большой сосѣдней дорогѣ. Иванъ Ильичъ, гордо отзывавшійся о своей петербургской карьерѣ по службѣ въ одной изъ модно-властныхъ министерскихъ канцелярій, робѣлъ при мысли о дворянскихъ выборахъ въ уѣздѣ, жалъ руку становому и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на своего уѣзднаго предводителя, тысяче-душнаго отставнаго гусарскаго буяна и картежника. Робость стала главною чертою во всемъ его характерѣ. Несмѣлый и въ хозяйствѣ, онъ былъ далеко оставленъ на всѣхъ его путяхъ своими сосѣдями-помѣщиками изъ молодыхъ, изъ которыхъ въ эти годы у одного явилась винокурня, у другаго—сахарный заводъ, у третьяго—новыя машины, замѣнившія прежнія сельскохозяйственныя орудія. Не видя въ сильной конкурренціи съ людьми капитальными способовъ самому пуститься въ обороты, онъ отъ скуки вдался въ старинный родъ хозяйства, дѣлавшій и донынѣ дѣлающій изъ помѣщика старосту: началъ безостановочно, съ утра до вечера, стоять надъ душою работающаго мужика, въ то время, какъ вся работа въ день, надъ которою онъ назябся и намучился отъ скуки, стоила иногда гривенникъ. Служба болѣе не влекла. Въ карты онъ не игралъ. Жениться, или, лучше сказать посвататься—не рѣшался. И сталъ онъ квадратомъ, въ два обхвата толщиною. Сшилъ себѣ широкіе штаны, широкій какой-то балахонъ. Сталъ пить, ѣсть и спать. И не было въ его исторіи ни одного эпизода, который бы могъ напомнить скучающему ученику заманчивую картину въ родѣ открытія Америки, появленія Магомета или событій первой французской революціи...

Нѣтъ, впрочемъ, было одно яркое событіе, и его-то я намѣренъ теперь передать читателю.

Проснулся однажды Иванъ Ильичъ и самъ пришелъ въ удивленіе, отчего онъ такъ рано проснулся. Дѣло въ томъ, что его пощекотала за пятки смазливая бабенка, Акулина XIV, какъ титуловали себя иныя высокія особы въ Европѣ, исправлявшая у него должность домоправительницы.

Утро едва занялось и смотрѣло, свѣжее и розовое, изъ фруктоваго садика въ окна и стеклянныя полураскрытыя двери съ балкона въ гостиную.

— Вставайте, срамники, безсапожники!—произнесла весе-

лая домоправительница:—вставайте, безстыдники! Обозъ вернулся съ рыбою и съ солью!

— Ну, дайте мнѣ, душечка, карпетки, и все другое; оныхъ не нужно! Застегни вотъ тутъ пряжечку; теперь завяжи вотъ это, а теперь вотъ это, а теперь уже позови Прошку...

Пришелъ Прошка, новый слуга, изъ дворовыхъ парней, въ синей чунаркѣ, какую носятъ сгонщики скота и мѣщане, весь въ репейникахъ и клочкахъ сѣна, обличителяхъ его долгаго странствія по степнымъ пустырямъ. Иванъ Ильичъ ласково окинулъ его взоромъ и, какъ бы любуясь вѣрнымъ слугою, продолжалъ молчать и улыбаться. Улыбнулся при этомъ и Прошка.

— Ну, Прохоръ Тимофеичъ! Разскажи же ты мнѣ, какъ ты ѣздилъ, продалъ ли пшеницу, купилъ ли соли и рыбы, что такое видѣлъ и не нападали ли на васъ разбойники.

Прошка крякнулъ.

— Ѣздилъ я, пане, хорошо, пшеницу продалъ, соли и рыбы купилъ, не видѣлъ ничего особаго; разбойники тоже не нападали и все какъ слѣдуетъ. А вотъ и остальныя отъ пшеницы деньги.

Онъ подалъ пачку ассигнацій.

— Дать Прошкѣ водки!—крикнулъ баринъ.

— Извѣстно вашей милости, — замѣтилъ Прошка:—я не пьющъ!

— Да врешь ты, братецъ: не меня тебѣ увѣрять. Любишь ты кокнуть преизрядно, не увѣряй!

Прошка точно любилъ выпить. И теперь даже лѣвый глазъ его былъ меньше праваго и готовился прикрыться неугомонною вѣкой, которая всегда, какъ штора на окнѣ, опускалась сама собою, едва Прошка убивалъ муху.

Пока Прошку угощали и онъ клалъ за пазуху чунарки остальной кусокъ вкусной булки отъ хлѣба, поданнаго для закусыванья рюмки водки, Иванъ Ильичъ бросилъ взглядъ изъ окна залы во дворъ, гдѣ изъ-подъ рогожъ съ возовъ выкладывали привезенную рыбу и соль, и увидѣлъ, что на одномъ возу поднялся въ трехъ-угольной шляпѣ какой то незнакомецъ, очевидно спавшій до того на возу, и натягивалъ на себя темнозеленый, съ красными выпушками, мундиръ и шпагу.

— Кто это такой?—спросилъ Иванъ Ильичъ у Прошки.

— А Богъ его знаетъ, кто онъ такой!—отвѣтилъ Прошка тихо и даже для большой таинственности переступилъ отъ порога къ серединѣ комнаты:—попался на дорогѣ, подошелъ: возьмите да возьмите, говоритъ, къ своему пану. Мы и взяли. Всю дорогу пѣсни пѣлъ, свистѣлъ на какой-то дудкѣ да спалъ. Должно быть, засѣдатель, а можетъ и не засѣдатель, а что-нибудь другое!

Не успѣлъ этого кончить Прошка, въ дверяхъ показался незнакомецъ. Это былъ высокаго, громаднаго роста юноша, ру-

мяный, съ атлетическими членами, голубоокій и съ русыми волосами, которые львиною гривой окаймляли его голову и лѣзли на глаза. Онъ вошелъ, весело расшаркался и еще веселѣе развязнѣе отрекомендовался. Оказалось, что онъ: «Феликсъ Францовичъ Подгурскій, помѣщикъ изъ подъ Умани, имѣетъ домъ въ Бердичевѣ, ѣдетъ къ роднымъ въ Смоленскъ, но на дорогѣ ограбленъ, потерялъ шкатулку съ деньгами, подалъ объ этомъ кому слѣдуетъ объявленіе и, пока найдется его достояніе, проситъ покрова и гостепріимства Ивана Ильича, какъ помѣщика и дворянина, значитъ товарища ему по сану и крови».

Иванъ Ильичъ, одичавшій до невозможности въ своемъ хуторѣ, принялъ сперва эту рѣчь сурово и даже невѣжливо-негостепріимно. Онъ сталъ извиняться отрывочно и сухо въ невыгодности помѣщенія своего дома, обветшавшаго и развалившагося до того, что самъ онъ жилъ только въ двухъ комнатахъ, въ гостиной и въ угольной. Взявшись за подбородокъ, небритый уже двѣ недѣли, онъ даже хотѣлъ сослаться и на него, что вотъ, дескать, какой у него небритый и непривлекательный подбородокъ. Словомъ, жутко и дико было ему на первыхъ порахъ это посѣщеніе. Но посѣтитель не церемонился. Усѣлся на стулѣ, закинулъ ножку за ножку, шляпу взялъ подъ плечо, оправился, взглянулъ съ улыбкой на хозяина, и эта улыбка уже не покидала его.

Иванъ Ильичъ еще разъ потеръ подбородокъ, постоялъ, помолчалъ и—дѣлать нечего — пошелъ въ свою спальню. Тамъ онъ скинулъ балахонъ, въ который одѣла его Акулина, облачился въ какую-то верблюжью куртку и снова явился къ гостю.

Чай подали въ розовыхъ чашечкахъ, на зеленыхъ блюдцахъ, такъ походившихъ на освѣщавшее ихъ утро, тонувшее въ зелени душистаго сада. Хозяинъ и гость разговорились.

— Пріятныя мѣста, пріятныя у васъ мѣста! — говорилъ гость.

— Да, Феликсъ Францовичъ! не могу пожаловаться на судьбу! Вотъ я и въ Петербургѣ служилъ, и министру былъ извѣстенъ, и о громкой карьерѣ мечталъ, а какъ попалъ сюда, какъ вкусилъ благъ тихой природы и свободной лѣни, — то все забылъ и считаю... считаю себя... счас... спокойнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ?

— Такъ-съ, совершенно такъ; и нельзя не считать. Вы какъ бы анахоретъ, или пустынникъ! Вотъ и я, какой силы и геркулесовскаго объема человѣкъ; а выше тихаго пріюта дружбы и меланхоліи ничего не люблю!

— Такъ и вы любите меланхолію?

— И я...

— Оставайтесь же со мною подольше раздѣлить это счастье!—сказалъ Иванъ Ильичъ, блеснувши жирными, посѣрѣв-

шими отъ лѣни и скуки глазами и ухвативши гостя за руку: — оставайтесь у меня! заживемъ! Знаете, покой, тишина, сады, женщины!.. Я васъ познакомлю съ одною прелестною сосѣдкою—изъ простыхъ! Я эту масть предпочитаю другимъ. А вы? А?

Феликсъ Францычъ Подгурскій на это осклабился по уши и только замоталъ головою. Грива его какъ-то задвигалась при этомъ и будто ощетинилась сама собою, а затылокъ и толстые пальцы пухлыхъ рукъ налились кровью.

— Феликсъ Францычъ, у меня къ вамъ просьба!

— Что такое?

— Скиньте вашъ мундиръ и надѣньте мой халатъ или просторный сюртукъ!

— Съ удовольствіемъ.

— Откуда у васъ этотъ мундиръ? гдѣ вы служите?

— По коммиссаріату служилъ и теперь съ мундиромъ въ отставкѣ.

Мундиръ снятъ въ особо-очищенной комнатѣ, одной изъ давно-забитыхъ на-глухо въ верхнемъ этажѣ, и Подгурскій явился въ какой-то просторной полосатой курткѣ. Веселая домоправительница Акулина XIV-я, проводившая гостя наверхъ, укрывшись въ корридорѣ подъ развѣшенною перепелиною сѣтью, подглядѣла, какъ онъ переодѣвался, и, быстро войдя въ кухню, объявила во всеуслышаніе: — Ну, сударики-молодчики мои! Поселилась у насъ фря!—И когда вслѣдъ затѣмъ ее стали допрашивать—какая же фря? — она залилась истерическимъ хохотомъ, упала на лавку и разсказала, какъ гость снималъ мундиръ и какъ у него подъ мундиромъ не оказалось, кромѣ флейты въ сапогѣ, ничего болѣе, ни жилета, ни бѣлья. Флейта была любимою забавою Феликса Францыча.

И такъ, Подгурскій поселился у Говорухи-Щебетковскаго.

Первое время Иванъ Ильичъ очень деликатничалъ съ своимъ гостемъ:—Феликсъ Францычъ, да Феликсъ Францычъ!— Самъ ему даже перины ощупывалъ передъ ночлегомъ, спрашивалъ, что онъ любитъ кушать, и угощалъ его разными невинными деревенскими удовольствіями: ходилъ съ нимъ по саду, по выгону, а тамъ и на хуторянскія вечерницы, гдѣ, мощный Ловласъ, самъ онъ вкушалъ отъ всякихъ запрещенныхъ и незапрещенныхъ плодовъ. Потомъ они свыклись, ѣздили нѣсколько разъ въ церковь, обѣдали у попа, бывали раза два по дѣламъ хозяйства въ городѣ и наконецъ уже не разлучались. По цѣлымъ днямъ сидѣли они на крыльцѣ, молча или бесѣдуя другъ съ другомъ. Послѣ веселаго разговора, то одинъ вздохнетъ, то другой.— О, Клеменція, Клеменція! — взывалъ иногда при этомъ Подгурскій:—славная была женщина!—Щебетковскій женщинъ не вспоминалъ и не жалѣлъ; но не разъ заводилъ рѣчь о какомъ-то старикѣ — Субботѣ Иванычѣ, истинномъ своемъ другѣ, смятомъ бурями судьбы, — и не кон-

чалъ разговора. И странное дѣло! Судьбѣ, наконецъ угодно было въ лицѣ Щебетковскаго сыграть роль этого самаго Субботы Иваныча...

Какъ нѣкогда, двадцать лѣтъ назадъ, щегольской Иванъ Ильичъ сидѣлъ съ смиреннымъ Фабриціусомъ, и послѣднему пришло на мысль женить своего сосѣда; такъ и теперь самому Ивану Ильичу, уже маститому, квадратному со всѣхъ сторонъ, помѣщику и холостяку, пришло въ голову женить Подгурскаго. И все то, что нѣкогда онъ самъ питалъ въ душѣ, обращалось имъ теперь къ судьбѣ гостя. Онъ хотѣлъ жениться на богатой, и того давай, дескать, женю на зажиточной. Какъ знатокъ по призванію и ремеслу, онъ повелъ это дѣло еще осмотрительнѣе, чѣмъ самъ. Но это впереди. Мы еще на разсказѣ въ іюнѣ, а дѣло было въ августѣ.

Какъ сказано, Иванъ Ильичъ ни съ того, ни съ сего, чисто полюбилъ своего гостя. Разъ какъ-то спросилъ:—А что же ваше дѣло о пропавшей шкатулкѣ?—и когда получилъ въ отвѣтъ:— А Богъ знаетъ! подождемъ! — болѣе уже не спрашивалъ. Пущены были въ ходъ всѣ деренскія увеселенія. Иногда даже хозяинъ и гость, запершись, бражничали. Иванъ Ильичъ былъ на волосъ отъ запоя въ одиночку. Бывали вечера, когда и тѣнь грусти осѣняла ихъ своимъ покровомъ. Нахохлившись, какъ воробьи передъ дождемъ, просиживали они тогда цѣлые часы не говоря ни слова другъ съ другомъ. Было ли это отъ несваренія желудка, или такъ отъ чего нибудь, только Феликсъ Францычъ прибѣгалъ къ своей флейтѣ, вынималъ ее и игралъ на ней до поту лица. Эта игра производила на Ивана Ильича горькое впечатлѣніе. Иногда онъ даже при этомъ плакалъ. Желая развеселить хозяина, Подгурскій подсаживался ближе.

— Это кто у васъ написанъ на портретѣ?—спрашивалъ иной разъ въ такую минуту Феликсъ Францычъ, указывая на изображеніе во весь ростъ надъ диваномъ, молодцоватаго мужчины на конѣ, въ красномъ долгополомъ кунтушѣ, въ усахъ и при саблѣ.

— Это мой предокъ одинъ написанъ, прадѣдъ!—задумчиво отвѣчалъ Иванъ Ильичъ:—говорятъ, онъ иногда ходитъ здѣсь по саду и по дому; тѣнь его ходитъ! Впрочемъ, я не боюсь!

И, печально вздохнувши, какъ бы сравнивая свою неказистую фигуру, гороховый балахонъ и кудрявый хохолокъ, съ значительною уже просѣдью, съ красивымъ кунтушомъ, черными бровями и съ залихватскими усами прадѣда, Щебетковскій прибавлялъ:

— Великой силы и сана былъ человѣкъ! Гетманомъ былъ и цѣлымъ краемъ правилъ. Нашъ родъ имъ и славится. Вонъ и булава его и бердышъ висятъ на стѣнѣ! Неописанной знатности былъ человѣкъ, и еще, куда бы ни шелъ, въ гости или даже такъ куда-нибудь, вездѣ передъ нимъ играли трубачи,—

иначе и не ходилъ. И кого бы ни поискать по сосѣдству, ни у кого нѣтъ такого знаменитаго рода!

На эти геральдическія сказанія гость обыкновенно отмалчивался, зѣвалъ въ руку, глядя въ землю, незамѣтно вставалъ, какъ-будто за чѣмъ-нибудь важнымъ, шелъ къ домоправительницѣ въ чуланъ или въ кладовую и говорилъ:—Тамъ, Акулина Парфентьевна, Иванъ Ильичъ опять все такое говоритъ! Вы, душенька, дайте мнѣ грушъ или меду, что привезли съ пасѣки! Хочется душенька!—Домоправительница на это, несмотря на то, что была уже очевидно не прочь побаловать гостя своего барина, сердито фыркала, однакоже давала желаемаго, прибавляя:—У! Сахаръ Медовичи! все бы имъ лакомиться! На-те, да только, чтобъ Иванъ Ильичъ не узнали!

Подгурскій садился въ уголъ и, мурлыкая, какъ котъ, ѣлъ втихомолку груши и медъ...

Въ такихъ-то событіяхъ пришелъ роковой августъ.

Иванъ Ильичъ однажды ходилъ-ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и лобъ, судилъ, усмѣхался про себя, бормоталъ что-то вслухъ, наконецъ остановился посреди комнаты, разставилъ врозь руки, склонилъ голову, расхохотался почти во все горло и сѣлъ писать. Черезъ часъ было послано письмо къ помѣщицѣ, знакомой уже намъ пани, Прасковьѣ Кондратьевнѣ Дженджерихѣ, такого содержанія:

«Милостивая государыня и къ сожалѣнію не маменька,
Прасковья Кондратьевна!

Везу къ вамъ отличнаго жениха. Согласны?»

И получилъ на это отвѣтъ:

«Государь мой, Иванъ Ильичъ, и къ сожалѣнію не сынъ—мой, — ваше высокородіе! Вы имѣете на примѣтѣ жениха, а мнѣ сына. Везите. Отчего-же: я не прочь, и посмотрю. Можетъ, мы и сойдемся, и вы станете сватомъ, коли не стали сами когда-то сыномъ. А впрочемъ, остаюсь, ко услугамъ, доброжелателька ваша

Прасковія Кондратіева дочь
Дженджеръ».

У пани Дженджерихи въ это время уже не было ни одной незамужней дочки. Къ чему же суровой пани были нужны женихи? Отвѣтъ простой. Въ это время у старшей дочери ея, вышедшей замужъ двадцать лѣтъ назадъ, родились двѣ дочки, Маврикія и Капитолина, бывшія теперь уже невѣстами. Бабушка обѣихъ ихъ приняла на воспитаніе, а значитъ—и обязалась выдать ихъ замужъ. Это были, несмотря на годы, двѣ дебелыя, грузныя дѣвы, и назывались, вмѣсто Маврикіи и Капитолины, одна Мапочкою, а другая Цапочкою.

Эти барышни не имѣли рѣшительно никакого понятія о трудѣ и весь день, съ утра до ночи, сидѣли, сложа руки и только помышляя, какъ бы получше принарядиться. Бабушка была къ нимъ очень слаба и поминутно думала, какъ бы ско-

рѣе выдать ихъ замужъ. Еще на десятомъ году старшей, а младшей на девятомъ стала она дѣлать приданое. Теперь же особенно она торопилась. Ее сильно пугало сосѣдство Головковскаго уѣзда, гдѣ тогда былъ разсадникъ лучшихъ невѣстъ. Въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ двадцати верстъ, ихъ насчитывалось тогда около двадцати семи, какъ иногда весною, подъ ветхимъ дупломъ липы, встрѣчается цѣлая семья груздей и сыроѣжекъ. Разумѣется, были между этими невѣстами и застарѣлые березовики, и скромныя дождянки, и даже мухоморы. Но вообще ихъ поколѣніе славилось и только ждало избранника, который бы явился, мелькнулъ и погубилъ ихъ цѣлую кучу. Избранникъ пока не являлся, и Прасковья Кондратьевна стала ежегодно задавать пиры въ день рожденія своего, въ концѣ августа, чтобы заранѣе завербовать вниманіе свѣта на Мапочку и Цапочку. Въ этотъ день въ мирный домикъ пани Джeнджерихи началъ съѣзжаться цѣлый уѣздъ. Такъ случилось и теперь, когда Иванъ Ильичъ въ такой праздникъ рѣшился ей представить своего гостя...

Съ самаго утра штатъ хуторянской кухни былъ усиленъ сосѣднимъ полковницкимъ поваромъ, изъ литовскихъ губерній, Казимиржемъ Праскундзицкимъ, который, явясь сюда, счелъ долгомъ прежде всего напиться пьянымъ до омертвѣнія, почему и отнесенъ былъ въ погребъ проспаться, и приглашенною же на время женою его, экономкой полковника, Кастульей Кантидьевной. Кастулья Кантидьевна была шляхетскаго достоинства до выхода въ замужество за полковницкаго повара, носила постоянно на головѣ желтый шелковый платокъ и, являясь на хуторянскіе съѣзды съ предложеніемъ услугъ экономки, нализывалась еще прежде супруга и начинала, съ пылающими щеками, увѣрять во всеуслышаніе, что печеніе блиновъ, приготовленіе водокъ и закусокъ, а равно и весь остальной парадъ, это уже, извините, это уже ея дѣло, и никто до него не коснется. На этотъ разъ собственная ключница пани Джeнджерихи, должно быть, угощая повара и его супругу, сама хватила черезъ край и съ утра усѣлась на дѣвичьемъ крыльцѣ съ ключами, тоже въ нарядномъ платкѣ и безъ ногъ сложа руки и поминутно улыбаясь всѣмъ мимоидущимъ...

Наконецъ, стали являться и гости. Коляска Говорухи-Щебетковскаго подкатила изъ послѣднихъ. Иванъ Ильичъ, собственноручно обрившій по утру своего сожителя и напомадившій его жасминною помадой, вошелъ свѣтлѣе майскаго утра. Сожитель выпрыгнулъ за нимъ тоже въ духѣ, принаряженный въ лѣтнюю пикейную пару съ плеча гостепріимнаго хозяина.

—Да,—сказалъ, входя въ переднюю, Иванъ Ильичъ; — я васъ, Феликсъ Францычъ, и не спросилъ — говорите вы по-французски?

— О, ке-ле-монъ-шеръ, дасъ гейстъ, ми-не ки-не иси! —

отвѣтилъ безъ запинки атлетическій Подгурскій, тряхнувши бѣлокурыми кудрями и усмѣхнувшись во весь объемъ румяныхъ и круглыхъ щекъ:—разумѣется говорю!

Иванъ Ильичъ такъ и помертвѣлъ. Нерѣшительно ступилъ онъ за порогъ, неловко вошелъ въ гостиную, все обдумывая дикую рѣчь, отпущенную пріятелемъ, и, войдя въ кругъ дамъ, гдѣ ласково приняла его все та же величественная и бойкая, хотя уже совсѣмъ сѣдая, пани Джэнджериха, сказалъ махнувши рукой:

— Феликсъ Францычъ Подгурскій, помѣщикъ изъ-подъ Умани, имѣетъ домъ въ Бердичевѣ; ѣхалъ въ Смоленскъ къ роднымъ, но ограбленъ на дорогѣ и пока гоститъ у меня..

— Очень рада, очень, Хвеликсъ Хранцовичъ!—заговорила величественная хозяйка:—а на васъ, Иванъ Ильичъ я даже сердита. Отчего вы насъ забыли и такъ рѣдко бываете?

— Что дѣлать? Занялся по имѣнію, Прасковья Кондратьевна!

— Ну, милости же просимъ!

Гости окружили Говоруху-Щебетковскаго. Подгурскій покрутилъ усы, глянулъ козыремъ вправо, глянулъ влѣво и пошелъ знакомиться съ кавалерами и съ дамами.

Пока готовился столъ къ обѣду, Подгурскій былъ въ этомъ домѣ уже свой. Дамы и дѣвицы сразу рѣшили, что онъ душка и похожъ на Геркулеса. Вслѣдъ затѣмъ какъ-то найдено, что имя Феликсъ—значитъ счастливецъ, и пріятель Ивана Ильича мгновенно сталъ львомъ собранія...

Повертываясь на каблукахъ, Подгурскій юлилъ волчкомъ. Талія его была перетянута куколкой. Словомъ, онъ былъ вполнѣ амурчикъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда нѣкоторыя дамы поспѣшили тотчасъ пріобрѣсти его въ свое расположеніе, и онъ побрякивая цѣпочкой, занятой у Ивана Ильича, подсаживался то къ одной, то къ другой. Посчастливилось ему у многихъ. Во-первыхъ, у одной маменьки, у которой было три дочки, такъ себѣ, фи-донки, слывшія у мѣстныхъ жениховъ за особъ въ черномъ тѣлѣ, хотя онѣ и пріѣхали на праздникъ Прасковьи Кондратьевны въ нарядныхъ кисейныхъ платьицахъ, въ шнуровкахъ и газовыхъ галстучкахъ, причесанныя болонками. Во-вторыхъ, Подгурскому повезло счастье у другой маменьки, имѣвшей всего одну дочь, которая была за то разбитная, смуглая дѣва, гусаръ-барышня, съ усами въ полъ-вершка и съ глазами, изъ которыхъ такъ и глядѣло по купидону. Наконецъ, посчастливилось ему и у третьей маменьки, у одной несчастной и горемычной винокурши, подарившей мужа, въ продолженіе девяти лѣтъ женитьбы, тремя двойнями дѣтей женскаго пола, и какъ нарочно похожихъ, какъ двѣ капли воды, на печальную маменьку, о которой мужъ со злобой говорилъ: —«Да-съ, жена моя еще такъ себѣ, Богъ съ ней, ничего; да лицо-то у нея, батюшка мой, мордецъ, вотъ что!» — Но больше

всѣхъ, разумѣется, ухаживала за Подгурскимъ сама величественная Прасковья Кондратьевна. Феликсъ Францычъ развернулся, сталъ отпускать комплименты и просто всѣхъ очаровалъ.

Всѣ пошли за столъ. Обѣдъ шелъ, какъ вездѣ, сперва тихо, потомъ шумно, наконецъ уже никто никого не слушалъ, всѣ говорили разомъ и шумѣли изо всѣхъ силъ посудой. Подъ конецъ стола экономка Кастулья Кантидьевна, съ бантомъ чепца уже на затылкѣ, внесла дымящуюся чашу варенухи, и тутъ уже дамы оставили столъ, а мужчины принялись пить на всей волѣ. Кастулья Кантидьевна при этомъ тоже развернулась и стала разсказывать такія вещи, что пирующіе сначала фыркали и хохотали до упаду, а потомъ должны были просто вывести ее подъ руки. Немного погодя послѣ обѣда загремѣлъ изъ сада хоръ трубачей, и начались танцы. Тутъ общая веселость превзошла всѣ мѣры. Мужчины выходили изъ силъ, танцуя до упаду, И несмотря на то, что у иного плѣшь свѣтилась, какъ вычищенный мѣдный тазъ, а за животомъ не видно было ногъ, онъ носился и юлилъ легче вѣтру. Другой былъ, кажется, не толще чубука и съ жиденькимъ хохолкомъ походилъ на воробья, а тоже прыгалъ и носился по комнатѣ фертомъ. Наконецъ третій, который еще вчера ходилъ падишахомъ у себя по загонамъ и огородамъ, обращая къ рабочимъ лицо, полное торжественности, теперь вертѣлся, какъ бѣшеный дервишъ. Просто чудеса! Но всѣхъ превзошелъ Подгурскій.

Послѣ какого-то танца, несмотря на то, что въ немъ путалъ страшно всѣ па и не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о кадансѣ, онъ привелъ всѣхъ въ неописанный восторгъ своею любезностью и нашептывая разныя милыя вещи. Три разбитныхъ дѣвицы изъ застарѣлыхъ романтическихъ душъ, три сосѣдки, жившія въ большой дружбѣ, взяли его подъ руки, увели въ дальнюю диванную и тамъ на потребованной бумагѣ, общимъ приговоромъ, написали ему нѣжный аттестатъ сердца, бывшій въ модѣ нѣкогда у ихъ бабушекъ. Въ аттестатѣ онѣ шаловливо изобразили достоинства амурчика Подгурскаго, сказали, что онъ кавалеръ, достойный общаго участія, и подписались вымышленными именами: *Сирень, Привязанность и Вздохъ.*

Подали дессертъ. Въ залѣ, между тѣмъ, опять зашумѣли. Феликсъ Францычъ принесъ свою флейту и сталъ играть. Тутъ уже внучки хозяйки, бывшія до той минуты совершенно въ тѣни, не вытерпѣли и высказались также рѣшительно въ его пользу. Но что дѣвицы? Ихъ всегда легко совратить съ пути истины и завладѣть ихъ неопытнымъ сердцемъ, Даже мужчины, и тѣ ахали отъ удовольствія при звукахъ флейты Подгурскаго. Такъ, одинъ подслѣповатый и разслабленный князь, загулявшій черезчуръ надъ варенухою, до того при

этомъ растрогался, что, когда замолкли одобренія, увелъ Подгурскаго къ окну, долго не могъ сказать ему ни слова, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ и, наконецъ, пожавши руки Подгурскаго, сказалъ ему:—Душечка, будемъ говорить другъ другу ты!—Феликсъ Францычъ отступилъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, за что же? Я не достоинъ; хотя мой слабый талантъ...

— Ну, такъ поѣдемъ къ нашему предводителю! Я съ нимъ знакомъ: онъ за васъ отдастъ дочку!

— Нѣтъ, я къ предводителю не поѣду-съ... Есть причина! Благодарю...

— Такъ уже, душечка, вотъ что:—подхватилъ опьянѣвшій князь:—поѣдемъ, шерчикъ, къ однѣмъ барышнямъ въ городъ! Онѣ споютъ намъ Катьку...

Подгурскій надъ городскими барышнями было призадумался. Князь до того расфамильярничался, что сталъ тыкать ему въ животъ пальцемъ. Все кругомъ тоже шумѣло. Барышни трещали, какъ сороки. А на стулѣ среди двухъ ненаглядныхъ внучекъ, Мапочки и Цапочки, величественно восѣдала пани Дженджериха, отирая потъ съ лица и грустно поглядывая на нихъ, какъ бы обдумывая, что вотъ скоро придется проститься съ одною изъ нихъ. Вечеръ близился, и солнце ярко освѣщало низенькія комнаты счастливаго хуторянскаго домика. Карьера Феликса Францыча Подгурскаго, помѣщика изъ-подъ Умани и друга Ивана Ильича Говорухи-Щебетковскаго, готова была составиться...

Вдругъ на улицѣ деревушки раздался колокольчикъ, и къ крыльцу кто-то подкатилъ на обывательскихъ. Грянули и затихли бубенчики. Въ лакейской забѣгали слуги. Дверь въ залъ растворилась, и вошелъ всѣмъ извѣстный знакомый исправникъ.

— А! Богданъ Богданычъ! Богданъ Богданычъ! Какими судьбами? вотъ разодолжили!

Богданъ Богданычъ, самъ хуторянинъ и потому избранный помѣщиками въ исправники, имѣлъ ротъ, устроенный такъ, что подбородка и нижней губы какъ-будто и не бывало и будто онъ каждую минуту собирался свиснуть въ ключъ, какое сравненіе даже поддерживалось самимъ выговоромъ его, въ видѣ птичьяго присвистыванья. Обмахнувшись платкомъ, исправникъ мелкимъ шагомъ, какъ говорится, дребеденью, обкатилъ весь залъ, подошелъ къ ручкѣ каждой дамы, а съ хозяйкой поцѣловался, кромѣ того, еще на-крестъ три раза.

— Водочки Богдану Богданычу, водочки! — крикнула хозяйка.

Исправникъ, выпивши водки, сѣлъ передъ полукружіемъ гостей, устремившихся къ нему съ добродушными улыбками и взорами, самъ улыбнулся, надѣлъ очки, досталъ изъ боковаго кармана бумагу, развернулъ ее, щелкнулъ указательнымъ

пальцемъ и сказалъ,—причемъ, разумѣется, ротъ его какъ бы свиснулъ въ ключъ: «А я-съ, господа-съ, къ вамъ-съ съ новостью-сссъ!» Кружокъ сдвинулся тѣснѣе, и онъ началъ читать бумагу вслухъ: «Симъ имѣю честь извѣстить наискорѣйше такого-то предводителя уѣзда, съ просьбою передать секретно таковое же сообщеніе исправнику онаго же уѣзда, что въ такомъ-то хуторѣ Калиновый-Ключъ, принадлежащемъ помѣщику Говорухѣ-Щебетковскому, проживаетъ одинъ предосудительный человѣкъ. Особаго преступленія онъ не сдѣлалъ, а выдаетъ себя также за помѣщика и порядочнаго человѣка, въ то время, какъ онъ... (гм!) ничто иное, какъ вольноотпущенный человѣкъ генерала Стерлитамацкаго, разгуливающій въ похищенномъ вицъ-мундирѣ одного изъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ. Почему—захватить его и немедленно препроводить ко мнѣ для дальнѣйшихъ распоряженій. Имя его — Феликсъ Подгурскій. Такой-то губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Махрабатовъ»

Исправникъ сложилъ вчетверо бумагу, всунулъ ее въ карманъ, снялъ очки, окинулъ взоромъ собраніе и прибавилъ: «А сей предосудительный человѣкъ, господа, никто иной, какъ вотъ кто!»

И, привставши, онъ торжественно указалъ на спутника Ивана Ильича. Дамы разъахались, мужчины разомъ заговорили, а бѣдный Феликсъ Подгурскій какъ былъ, такъ и окаменѣлъ.

Зашумѣли стулья, задвигались ноги и руки, расходились языки. Исправникъ сказалъ: — «Ну братъ, Феликсъ, поѣдемъ, нечего дѣлать; да бери уже кстати и свою флейту,—по дорогѣ сыграешь что-нибудь съ горя!» И, уводя Феликса, онъ сталъ прощаться со всѣми наскоро, говоря, что къ вечеру спѣшитъ еще представить арестанта въ городъ къ предводителю.

— Ишь, какой вы, Богданъ Богданычъ,—говорили ему на это нѣкоторые изъ гостей: — всегда вы такъ! водки не-бойсь выпьете, а тамъ и отколете такую штуку!

— Э! господа-господа! Да въ томъ-то и дѣло! Я люблю, чтобъ все по душѣ было сдѣлано, и дворянству обиды бы не причинило! А тутъ, господа, кому какая обида? Развѣ то, что не отличили лакея отъ помѣщика? Ну, да теперь по костюму какъ-разъ собьешься. Всѣ прилично одѣты! Прощайте.

И онъ уѣхалъ, усадивши между двухъ понятыхъ оробѣвшаго Феликса.

Едва замолкъ исправницкій колокольчикъ, едва гости стали приходить въ себя отъ ошеломившаго ихъ событія и дамы стали собираться уѣзжать, а Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, на котораго было не обратили особаго вниманія, стоялъ съ поникнувшею головой, какъ вдругъ, въ виду всѣхъ гостей, изъ залы появилась величественная фигура пани Джендт-

жерихи. Она шла, колыхаясь и тряся сѣдою головой, въ гигантскомъ чепцѣ, шла грознѣе зимнихъ вѣтровъ и осенней непогоды, съ длинною палкою отъ комнатной щетки въ рукахъ.

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—сказала она гнѣвно, глядя прямо въ глаза Ивану Ильичу: — пошелъ вонъ, свинья, и не показывайся больше на мои глаза никогда, отнынѣ и во вѣки!

Иванъ Ильичъ было улыбнулся, даже робко глянулъ въ сторону, какъ бы отыскивая, къ кому это такъ крупно обратилась гнѣвная пани. Но у Прасковьи Кондратьевны уже лицо сводилось конвульсіями, и на побѣлѣвшихъ губахъ выступила пѣна.

— Что смотришь? Тебѣ-то, тебѣ и говорю!—крикнула она, уже не будучи въ силахъ удержать своего порыва:—ты двадцать лѣтъ назадъ надсмѣялся надъ моими дочками, а теперь внучекъ моихъ пріѣхалъ позорить! Такъ не бывать же тому, сякой-такой сынъ! Хлопцы, а ну-те его въ три шеи!—И сама нанесла палкою первый ударъ по его благородной спинѣ. Холопы докончили грустную сцену. Прошка хотѣлъ защищать барина, но улепетнулъ при первомъ звукѣ ея голоса. Обществу же помѣщиковъ и безъ него было много дѣла: четыре дамы и пять дѣвицъ упали при этомъ въ обморокъ и требовали ихъ помощи...

Трепещущій, блѣдный, какъ стѣна, и въ изорванномъ сюртукѣ выскочилъ Иванъ Ильичъ на крыльцо, а оттуда за ворота, гдѣ уже ждалъ его экипажъ. Иные говорили, что черезъ дворъ еще, по приказу хозяйки, гнала его мокрою тряпкой судомойка, а въ околицѣ поручено его было вслухъ бранить тремъ зубастымъ бабамъ изъ штата задняго двора Прасковьи Кондратьевны.

Какъ бы то ни было, велика была со стороны Ивана Ильича обида, нанесенная мирной сходкѣ помѣщиковъ. Но и возмездіе переходило всѣ границы.

Обезумѣвшій отъ оскорбленія, онъ пріѣхалъ домой и на первыхъ порахъ, какъ баба, расплакался.

— Какъ!—говорилъ онъ, судорожно всхлипывая и расхаживая у себя по гостинной:—побить помѣщика и дворянина, да еще какого знатнаго рода! Да я статскій совѣтникъ; а вѣдь это выше полковника! Постой же, постой же, подлая баба, я тебя упеку! Да и ихъ всѣхъ; всѣхъ подъ судъ, всѣхъ! О! Я имъ задамъ!..

И, утирая слезы негодованія, онъ часа два ходилъ взадъ и впередъ мимо портрета молодцоватаго своего прадѣда, не зная, что предпринять. Хотѣлъ онъ скакать прямо къ губернатору, потомъ къ губернскому предводителю. Хотѣлъ и короче покончить дѣло: убить изъ пистолета Прасковью Кондратьевну, или, зазвавши ее подъ видомъ перемирія къ себѣ, высѣчь ее на конюшнѣ. Мелькнула у него даже мысль пригла-

сить ее со всѣми гостями и даже съ исправникомъ къ себѣ на обѣдъ и всѣхъ отравить.

Къ ночи онъ успокоился. Усталый, сѣлъ онъ въ кресло, пока постлали ему постель на диванѣ подъ портретомъ прадѣда. Онъ легъ, но долго еще двигался и рѣшительно не могъ заснуть. Шумъ рѣчей и звонъ посуды, гуденье трубъ и танцы долго отдавались въ его ушахъ. Наконецъ, еще поворочавшись, онъ зѣвнулъ, подумалъ: «А, чертъ ихъ однако побери! Только я омою кровью это глубокое оскорбленіе, оскорбленіе моей чести, чести гражданина, чести всего моего знатнаго рода!» и сталъ забываться легкою дремотою...

Садъ, надъ которымъ чернѣла маковка старой фамильной часовни гетмана Полуботка и его потомства, былъ весь освѣщенъ золотымъ сіяніемъ мѣсяца; и тихая, бѣлая, дремотливая ночь глядѣла въ окна и въ стеклянныя, полурастворенныя двери съ балкона въ гостиную. Ни одинъ звукъ не долеталъ ни съ поля, ни изъ деревушки.

— Эка досада, однако!—подумалъ про себя Иванъ Ильичъ:— лѣнь встать, запереть двери; а то вѣдь говорятъ, что прадѣдъ-то мой, гетманъ Щебетковскій, коли онъ не весь сгнилъ, любитъ иногда прохаживаться по саду и даже по комнатамъ!

И вдругъ Щебетковскому показалось, что въ глубинѣ залитаго бѣлымъ, мерцающимъ сіяніемъ сада мелькнуло надъ деревьями что то прозрачное и высокое, какъ будто кто шелъ надъ землею. Дверь на балконѣ въ то же время сама собою еще болѣе растворилась, и на крыльцѣ скрипнула половица. И въ то же мгновеніе на порогѣ, во весь ростъ показался въ красномъ, знакомомъ кунтушѣ, съ саблею и въ усахъ, страшилищный гигантскій прадѣдъ.

— Здоровъ былъ, правнукъ!—сказалъ прадѣдъ, неслышно подходя къ дивану, и Щебетковскому показалось, что подъ ослѣпительное и какое-то опьяняющее мерцанье ночи посѣтитель совершенно темными глазами, скрытыми подъ парой кустоватыхъ бровей, разсматривалъ на стѣнахъ знакомое оружіе, саблю и свой завѣтный бердышъ.

Гетманъ поднялъ рку въ шитомъ золотомъ рукавѣ, повернулся и указалъ ею въ садъ. А тамъ, надъ вершинами деревьевъ, какъ будто взошла темная туча, показались другія головы и туловища; это остальные покойники тоже высунулись и смотрѣли, что скажетъ панъ гетманъ.

— Видишь?—сказалъ прадѣдъ:—не я одинъ, то все твои родичи! Всѣ мы за тебя бились и головы несли на съѣденье собакамъ да воронамъ! Одинъ ты, одинъ ты, поганый выродокъ, пакостишь весь нашъ родъ!

И суровая тѣнь прадѣда впотьмахъ на время поникла головою.

— Что ты дѣлаешь?—сказалъ опять со стономъ и грозно, топнувши ногою, прадѣдъ:—что ты дѣлаешь, говори?! Ну, слу-

шай же ты меня и не пророни ни единаго слова! Не даромъ я потревожилъ свои старыя кости...

— Такъ ли жили въ старину? то ли дѣлали дворянскіе потомки, рыцарскія души?..

— Нѣтъ! Мы били Татаръ и Ляховъ, служили отчизнѣ вѣрою и правдою, а не валялись, какъ кабаны въ грязи! И не за то я пришелъ покарать тебя, что ты не носишь сабли, даже не гарцуешь на конѣ. Всякому своя доля и не тѣ у васъ теперь времена. Также и не за то, что тебя, моего потомка поколотили, какъ послѣдняго щенка, свои же братья, дворяне. Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, хотя и носишь ты чинъ статскаго совѣтника...

— Когда-то держалъ меня за чубъ своею царскою рукою Петръ Первый, и въ цѣпи меня заковалъ, и въ темницу ко мнѣ приходилъ. А я все ему говорилъ правду! такъ и тебѣ теперь ее всю скажу до чиста!

— Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, нѣтъ ни капли! И не узнать въ тебѣ болѣе нашего потомка! Какъ же ты смѣешь, какъ ты можешь гордиться и хвастать своими родичами и дѣдами, ты, что самъ старой бабьей юбки не стоишь! Какъ ты жилъ и живешь? на что похожи твои дѣла? куда ты свои силы растратилъ? какую пользу принесъ людямъ? Мы завоевали тебѣ землю; а вспахалъ ли ты ее, какъ слѣдуетъ? Мы срубили тебѣ хуторъ; а хорошо ли живутъ на этомъ хуторѣ твои мужики? мы служили родинѣ; а ты ее продалъ, продалъ, какъ измѣнникъ, дармоѣдству, своей утробѣ и лѣни! Свистунъ ты, братъ Иванъ Ильичъ, свистунъ и свистуномъ останешься! всюду ты посовался, понюхалъ и ничего у тебя не вытанцовалось.

Красный великанъ кончилъ, повернулся и, колышась въ своемъ долгополомъ кунтушѣ и звеня саблею, медленно двинулся и вышелъ въ раскрытыя, прозрачныя двери гостиной. Тамъ въ саду тѣнь его мелькнула снова надъ мерцающими вершинами деревьевъ и слилась съ сумерками дремотливой ночи.

Иванъ Ильичъ въ ужасѣ раскрылъ глаза. Ночь была тиха и точно прислушивалась, какую тревогу било сердце Щебетковскаго.

— Покаюсь, ей-Богу покаюсь!—подумалъ про себя Иванъ Ильичъ, едва переводя дыханіе—съ завтрашняго дня покаюсь и начну новую жизнь!

И, перевернувшись на другой бокъ на мягкой перинѣ, онъ сталъ строить планы, что какъ перемѣнится не только онъ, но и хуторъ; какъ его совсѣмъ не узнаютъ и всѣ будутъ хвалить! Сталъ онъ въ мысляхъ сооружать мужикамъ новыя хаты, разводить табуны, отдавать въ наемъ сосѣдямъ пустопорожнія, праздныя земли, и дошелъ до того, что началъ помышлять уже о службѣ по выборамъ, о попечительствѣ надъ

уѣзднымъ училищемъ, о сельской больницѣ и, въ видѣ памятника себѣ въ потомствѣ, о вольной для всего хутора...

Утромъ онъ проснулся очень поздно и долго лежалъ въ тупомъ безсмысленномъ настроеніи духа, какъ послѣ пьянства или долгой головной боли. Напрасно домоправительница по обычаю, щекотала его за пятки и дергала его за одѣяло, повторяя свои любимыя поговорки: «у! безстыдники, срамники! Вставайте; уже обѣдать скоро пора!» Суровый и безъ отвѣтныхъ шутокъ всталъ съ постели Иванъ Ильичъ. Но его скоро развеселилъ видъ полунагаго ребенка, который былъ похожъ на него самого и, бѣжавши черезъ дворъ, расквасилъ себѣ носъ. Иванъ Ильичъ, какъ былъ въ халатѣ, вышелъ на крыльцо, подозвалъ его къ себѣ, посадилъ на колѣни и долго, долго такъ сидѣлъ.

День прошелъ своимъ чередомъ. Баринъ обѣдалъ, баринъ отдыхалъ, баринъ чай кушалъ, ходилъ, ужиналъ и спать легъ. Вслѣдъ за нимъ также прошли и другіе дни. Касательно же намѣреній страшной ночи кончилось тѣмъ, что, увидавши какъ-то, мимоходомъ, въ гостиной портретъ прадѣда, Иванъ Ильичъ позвалъ домоправительницу, посовѣтовался съ ней и принялся за дѣло. Онъ подставилъ къ стѣнѣ столъ, на столъ помѣстилъ стулъ, на стулъ табуретку, велѣлъ повернуть портретъ лицомъ къ стѣнѣ, подъ предлогомъ безсонницъ и дурныхъ мыслей по ночамъ, и не остался въ накладѣ. На задней сторонѣ портрета былъ написанъ затѣйливымъ преемникомъ стариннаго художника, вѣроятно въ минуту отдохновенія или по волѣ какого-нибудь причудливаго потомка знатнаго прадѣда, очень красивый бѣлый пудель. Иванъ Ильичъ остался имъ очень доволенъ и больше уже не переворачивалъ портрета.

Зажилъ по прежнему Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, спокойно и привольно. Иногда только выпадали ему хлопоты: либо крестить новаго обитателя земнаго міра, рожденнаго въ поварской, либо купить рубашонку и игрушекъ другимъ ребятишкамъ уже на подросткѣ. Прежде прачки и экономки у него мѣнялисъ часто. Но когда, года два спустя, хотѣлъ онъ смѣнить Акулину XIV, то эта особа нагнала на него самого такой копоти, что онъ боялся, какъ бы не онъ ее, а она его самого не выпроводила изъ Калиноваго хутора.

Здоровьемъ онъ не изсякалъ. Съ лѣтами только прибавлялось въ немъ тѣло. И никогда болѣе онъ уже не вспоминалъ ни о проказахъ своей молодости, ни о событіи у пани Джендзерихи. И только разъ, въ пріятельскомъ кругу у исправника, все у того же неизмѣннаго Богдана Богданыча, гдѣ какъ-то зашелъ разговоръ о Петербургѣ, о Европѣ, о выборахъ и о прочемъ, онъ осѣнился внезапною, неисповѣдимою, раздирающею грустью, и когда замолкъ присяжный уѣздный острякъ Петръ Матвѣичъ Тентерь-Отребинскій, сынъ извѣстнаго

Матвѣя Леонтьевича и Шурочки Гончаренко, служившій въ предводительской канцеляріи и выносившій оттуда разные анекдоты, большею частью таинственнаго содержанія,—Иванъ Ильичъ вдругъ перебилъ общій разговоръ замѣчаніемъ: «А вотъ, я вамъ, господа, разскажу, какой скверный сонъ про моего прадѣда я видѣлъ одинъ разъ!» и повѣдалъ неровнымъ, робкимъ голосомъ, какъ однажды посѣтила его безпокойная тѣнь его прадѣда.

ТОМЪ VI. Сожженая Москва. — Восемьсотъ двадцать пятый годъ. — Знакомство съ Гоголемъ. — Сторія о Господѣ.— Поѣздка въ Ясную Поляну. — **Н. Ѳ. Щербина. — Московскій Дворянскій Институтъ.**

ТОМЪ VII. Черный годъ.— Бѣсъ на вечерницахъ.— **Былое и новое.— Пенсильванцы и Каролинцы.— Вечеръ въ Черешняхъ.**

ТОМЪ VIII. Ричардъ III.—Цимбелинъ.—Украинская старина.— **Слобожане,** малороссійскіе разсказы: **Введеніе.— Степной городокъ. — Слободка. — Дѣдушкинъ домикъ.—Хуторянка.—Пельтетепинскіе папки.**

ТОМЪ IX. Стихотворенія.—**Пиръ у поэта Катулла.— Гвайя-Лиръ. — Шарикъ.—Дѣвочка** (Лебединая пѣснь объ одной пташкѣ). — **Пасѣчники.—Невытанцовалось.** (Повѣсть въ двухъ частяхъ и 11 главахъ). — **Путевыя замѣтки. — Письма изъ-за границы.**

